БОРИС АКУНИН

ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

БОРИС АКУНИН

ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «История Российского государства» издается с 2013 года

Оформление переплета – *Андрей Ферез*

Иллюстрации *Игоря Сакурова, Михаила Душина*

Акунин, Борис.

А44 Огненный перст : [повесть] / Борис Акунин. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 352 с.: ил. – (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-085339-7

Повесть «Огненный перст» посвящена жизни Древней Руси. Это начало очень длинного, на тысячу лет, рассказа о взлетах и падениях одного рода, живущего в России с незапамятных времен. Сага является художественным сопровождением многотомной «Истории Российского государства».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© B. Akunin, автор, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ВОДА, ОГОНЬ, ВЕТЕР

Проворные и уверенные на реке, по морю ладьи поплыли опасливо. Неприспособленные к напору волн борты пугливо скрипели, весла сшибались друг с другом, не всегда попадали по воде. Выйдя из лимана, вся длинная вереница, девятнадцать больших лодок, старалась не отдаляться от берега. Но месяц был ласковый, ве́ресень, погода ясная и маловетреная, волнение несильное. Гребцы понемногу приноровились. Ладьи перестали рыскать острыми носами, ход их ускорился, строй выровнялся.

Осеннее солнце, которому наскучило гонять солнечные зайчики по пустым водам, азартно накинулось на новую игрушку: блики запрыгали на весельных лопастях, на медных бляхах щитов, на разложенном по скамьям оружии.

Многовесельные лодки на языке северичей назывались селезнями. Сверху, из-под легких облаков, где кружили белые морские птицы, флотилия, верно, и в самом деле была похожа на утку

с выводком утят. Передняя ладья — целый корабль, только без мачт — была вдвое больше остальных. На тех помещалось человек по тридцать-сорок, на этой семьдесят, вся старшая дружина. Над кормой торчал длинный шест с насаженным на него знаком княжеской власти: черепом кабана в посеребренном, матово посверкивающем шлеме.

Сам князь — огромный, широкий, в расшитой по вороту рубахе — неподвижно стоял у носа один и глядел вперед. Воины смотрели на могучую, несокрушимую, как каменный валун, спину, и их страх перед морем постепенно отступал.

А князю было так же страшно, как остальным. Человек лесной, болотный, он никогда не видел столько воды. Невообразимый простор давил на него, стискивал грудь. Прямая и чистая, словно край стола, линия горизонта казалась обрывом, за которым нет ничего, кроме тьмы и смерти. Нельзя было позволить, чтобы люди заметили на лице вождя смятение, поэтому Воислав и не оборачивался. А еще он боялся, что от резкого движения (у него все движения были резкими, по-иному не умел) покачнется, не устоит на ногах, и это будет воспринято как недобрая примета. Рука князя — на четырех пальцах серебряные кольца, на большом золотой перстовник — крепко сжимала кромку борта.

Параллельно ладье, посверкивая мокрой кожей, нырял по волнам любопытный дельфин. Воислав никогда не видел таких больших черных рыб, да

еще чтоб скакали по-над водой, и сотворил знак, отгоняющий злые видения: трижды дернул себя за буйную бороду. Диковинная тварь, махнув нерыбьим хвостом, ушла на глубину.

— Эй! — крикнул Воислав басом, от которого, бывало, приседали боевые кони. — Эй, Гад! Поди!

К носу, легко и уверенно шагая прямо по скамьям, приблизился человек. Он был худ и невелик ростом, меньше всех, кто был в лодке, а рядом с гороподобным Воиславом показался вовсе заморышем. Одет недомерок был так же, как остальные: серая рубаха-голошея с ремешком да холщовые порты — под коленом они были крест-накрест перехвачены тесемкой, пришитой к кожаным ступам, всегдашней обуви северичей. Только меч на поясе не такой, как у всех, а узкий и короткий, каких в лесном краю не делали. Массивный, широкий северицкий сечень Гаду был тяжел.

Князь сверху покосился на подошедшего. Спросил, умерив голос, что у него получилось плохо:

— Далеко ль морем плыть?

— До Керкинтия? — Гад вздохнул. На этот вопрос он отвечал уже много раз. — От устья Богреки так. Можно прямо. — Он показал на горизонт. — Тогда близко. Ночь плыть. Утром Керкинтий. Я говорил, княже.

Воислав кинул взгляд на водную пустоту. Дернул исполинским плечом — поежился.

— Нет. Ночевать на земле будем.

— Тогда вдоль берега плыть надо. Сегодня, завтра, еще один день.

Князь недоверчиво прищурился, глядя Гаду в его немигающие спокойные глаза:

— Откуда всё знаешь?

Маленький человек промолчал, взгляда не отвел. Из всех северичей он один мог позволить себе оставить вопрос князя без ответа.

— Почему я тебе верю, волхв? — зарокотал Воислав, которому хотелось разгневаться — это состояние для него было привычнее неуверенности. — Почему слушаю?

Гребцы на передних скамьях, услышав в голосе князя закипающую ярость, сжались. Гад, однако, не оробел.

— Стрежень-город помнишь? — сказал он как всегда мягко и негромко. — Я тебя предупреждал. Не ходи на приступ. Не гони людей на стену. Надо ручей перекрыть. Без воды стреженцы сами вылезут. Ты меня не послушал. Сорок воинов зря погубил. Город не взял. Потом мы воду отвели. Через неделю они сами сдались. Без воды никто долго не может.

Оба изъяснялись короткими, очень простыми фразами, в которых не было лишних слов. У северичей, как и у других славян, многоречие было не в чести. Длинно говорили только ведуны и женщины, но и те показались бы людям из южных, менее суровых краев немногословными.

От приятного воспоминания гнев князя, так и не распалившись, прошел. Воислав улыбнулся.

— Я помню, волхв. Потом все говорили. Воислав мудр. Придумал город без крови взять. Нет воды, нет и крови.

И захохотал. Он часто повторял эту остроту. Северичи шутили редко. Выпив много хмельного меда, могли для веселья подурачиться, но острого слова сказать не умели. Шутку про кровь и воду когда-то первым произнес Гад, но князь давно забыл про это.

— Нет воды, нет и крови, — сказал он еще раз и снова засмеялся.

— А помнишь Лютово городище, княже? Как я сказал прикинуться послами? Будто с миром пришли?

— Помню. — Улыбка Воислава стала шире. — Мы убили Люта и всех его родичей. Как цыплят.

— И про грозу помнишь? Я сказал тебе: «Отойди от дуба». И в него попала молния. Вот почему ты мне веришь, княже. Я умею говорить с богами. Они слушают мои речи. И ты меня слушай. Кто ты был три года назад? Что у тебя было? Твой Градец, десять деревенек вдоль Бог-реки да лесные люди. А что лесные люди? Сегодня они есть, завтра в лес ушли. И нет их. Так было раньше. Без меня. Теперь разве так?

Князь засмеялся. Он уже не думал про море и про его пугающий край, за которым тьма.

— Теперь у меня много всего. Мне покорились все роды северичей. И голотичи. И прегордые любичи. Я вожу в поход тысячу воинов! И у каждого железный шлем, хороший меч, крепкий щит. У меня двадцать ладей. Девятнадцать, — поправился Воислав, и тень пробежала по его низкому лбу. Пробежала — и исчезла. — Я иду брать гре-

ческий город! За море иду! Я возьму много добычи. Никогда никто не брал столько добычи!

Он воодушевлялся всё больше. Хвастливые речи придавали ему силы.

— Я слушал тебя, Гад. И буду слушать. Ты всё знаешь. Ты умеешь говорить с богами. Ты хитрый. Ты умный, как змея. Кажется, тебя можно раздавить голой рукой. Но ты вывернешься. И укусишь ядовитым зубом. — Теперь князь смотрел на низкорослого собеседника с восхищением. — Потому тебя так прозвали: Гад.

Для северичей в этом имени не было ничего обидного. Один из лесных родов даже поклонялся змеебогу Гадуну, приносил ему в жертву откормленных мышей и лягух.

— Не зли змею — она не укусит, — сказал волхв. — Ласкай змею — получишь от нее дары. У тебя теперь много всего, княже. Возьмешь Керкинтий — будет еще больше. Нет никого богаче греков. У них ткани разные. Посуда. Серебро. Прозрачный кувшин помнишь? Он из стекла. У греков таких много. Вернешься с добычей — все тебе поклонятся. Древовичи, ладиничи, даже поляне. Все встанут под твою руку.

Вождь кивнул. Вот теперь он обернулся лицом к воинам, зная, что его гордый и спокойный вид придаст им бодрости.

— Я бы поплыл на греков прямым путем. Я не боюсь провести ночь в море. Но они... — Он показал на дружину. — Они не захотят. Они не привыкли к такой большой воде.

Гад не стал спорить:

— Ничего, княже. Доплывем и берегом. Может быть, нам повезет. Мы встретим купеческий корабль. Там бывает много добра. Очень много. Хватит нагрузить все ладьи. Тогда незачем ходить на Керкинтий.

— Нет. Я хочу взять греческий город. Хочу попробовать греческих женщин. Хочу поставить на самом высоком месте моего кабана. — Князь показал на клыкастый череп. — Пусть греки узнают про Воислава!

Прикрыв ладонью глаза от солнца, он посмотрел назад, на растянувшуюся по морю флотилию, и выругался:

— Что отстали? Осерчай на них Перун!

Брани крепче этой у северичей не было.

Головной корабль далеко оторвался от остальных ладей.

— Осушай, осушай! — крикнул Воислав.

Борта ощетинились застывшими веслами: пятнадцать с одной стороны, пятнадцать с другой.

Князь пробирался к корме — медленно и трудно перешагивая через скамьи, опираясь на плечи гребцов. Отодвинул кормщика, встал у руля сам. Принялся командовать — небыстро:

— Йэ-эх!.. Йэ-эх!.. Йэ-эх!

Весла задвигались медленней, чем раньше. Разрыв стал сокращаться.

Через час или полтора Воислав снова подозвал волхва. Тот всё это время оставался на носу.

Смотрел на солнце через какую-то дощечку с прорезью.

Подошел — но не стремглав, не сразу.

«Эк ловок», — подумал князь, завидуя легкости, с которой Гад перемещался по раскачивающейся ладье.

— Я думал, — гордо сказал вождь. — Я считал. Как ты учил. Сейчас у меня тысяча воинов без двадцати, так? Покорю древовичей — возьму с них еще четыреста. Или пятьсот. С ладиничей возьму триста. С полян можно взять семьсот, даже больше. Зимой по льду доберусь до смоличей. У них лучники хороши. Возьму двести. Это сколько всего будет?

— Вместе с твоими почти три тысячи.

Маленькие голубые глаза князя — густая борода подбиралась к ним чуть не вплотную — загорелись восторгом.

— Никогда ни у кого столько не было! Какой у греков самый большой город? Только чтоб на этой стороне моря.

— Корсунь. Он дальше Керкинтия. Ненамного. Большой город, очень богатый. В десять раз больше Керкинтия.

— Я знаю про Корсунь. — Воислав торжественно воздел ручищу. — На следующее лето он мой будет!

— Помолчи-ка, княже. — Гад, сузив глаза, всматривался в линию берега. Ноздри хищно затрепетали.

— Ты чего? — забеспокоился Воислав.

— Тссс. Мне Россох шепчет...

Так звали бога реки и всякой воды, чтимого северичами.

— Жиром пахнет... Добычей пахнет... — Гад показал на недальний мыс. — Там! Поворачивай! И остальным вели! Быстрее!

Воислав открыл рот — спросить, в чем дело, но вещий человек бесцеремонно отодвинул тугодумного князя (оказывается, была в тонких жилистых руках Гада немаленькая сила) и сам навалился на кормило.

Селезень повернулся, вспенив носом зеленую волну.

— Йэ-эх! Йэ-эх! Йэ-эх! — пронзительно закричал Гад, убыстряя ритм гребли.

Князь смотрел на приближающийся мыс и ничего там не видел. Нюхал воздух — никаким жиром не пахло. Однако не перечил. Смотрел, ждал.

Остальные лодки повернули за сверкающей на солнце кабаньей головой. Им что — куда князь, туда и они.

За оконечностью мыса, у подножия которого кипел белый прибой, открылся вид на бухту. Ее горло, сдавленное двумя скалистыми языками, было шириной в двадцать полетов стрелы. Посередине бухты, на глубоководье, стоял огромный черный корабль.

Он был не похож на ладьи речных славян. Длинный, высокобортый, с мощными веслами в два яруса, с тремя мачтами. Главная — высотой с пятидесятилетнюю сосну.

— Смотри, князь! Купец! — крикнул Гад. — Не обманул Россох! Не зря мы дали ему щедрую жертву!

— Зачем он здесь? Здесь ничего нет, — сказал Воислав, глазея на невиданное судно.

— Хочет починиться. Или взять питьевой воды. Какая разница? Твоя удача крепка, князь. Только бы не ушел!

Встрепенувшись, вождь приказал:

— Правь на него! А вы гребите, гребите!

Волхв поступил иначе — двинул руль в другую сторону, и ладья, вместо того чтоб войти в бухту, повернулась носом к противоположному мысу.

— Ты что делаешь?! — ахнул Воислав. — Корабль там, а ты — туда.

Было видно, как на верхней палубе огромного судна муравьями снуют люди. Кто-то карабкался по снастям. Из воды вынырнул, заблестел мокрый якорь.

— Пойдем прямо на него — ускользнет. — Гад зачем-то послюнил палец, поднял его над головой. — Надо вытянуться цепью. Замкнуть выход из бухты. Тогда никуда не денется.

Вдруг над срединной мачтой корабля раскрылось квадратное серое полотнище; еще два поменьше, косоугольные — спереди и сзади. Будто сизый голубь раздул грудь и расправил крылья.

— Что это, Гад?

— Паруса. На них под ветром ходят.

Этого князь не понял, однако мысль о том, что нужно закрыть выход из бухты, ухватил.

— Зык, ко мне! — крикнул он.

Зыком назывался дружинник с особенно зычным голосом. Такой имелся в каждой ладье.

— Ори: «Плыви за мной! Передай дальше!»

Две эти фразы, выкрикнутые лужеными глотками, разнеслись над золотисто-изумрудными водами восемнадцатикратным эхом.

Славянские селезни, бешено работая веслами, мчались ко второму мысу. Пришел в движение и корабль. Полотнища захлопали, надулись; разом приподнялись и опустились весла: верхние очень длинные, нижние покороче.

Через минуту-другую корабль, несмотря на размер и тяжесть, развил скорость вдвое, если не втрое, бóльшую, чем у северичей.

— Уйдет! Не поспеем! — взвыл Воислав.

Но грек вдруг качнул парусами и сменил курс, словно передумал бежать, а решил сойтись с преследователями.

— Будет биться? — изумился князь. — Один? Или сдаться хочет? Нам пленных не надо. Для добычи места бы хватило. Велю всех переколоть.

На корабле словно подслушали жестокий посул. Снова двинулись косые паруса, взбурлила под острым носом вода. Грек опять сделал крутой поворот.

— Почему рыскает? — спросил Воислав.

— Ветер сбоку, — коротко ответил волхв. — Купцу не уйти. Стрибог к нам милостив.

Оставив одну руку на кормиле, он поплевал на ладонь другой и дал ветру сдуть слюну. Стрибог,

повелитель воздуха, принимает такое подношение как обещание будущей награды.

— Сделай то же, князь.

Воиславу было не в разум, почему хорошо, что ветер сбоку, и за что нужно сулить мзду Стрибогу. Сейчас надо было звать на подмогу Перуна — покровителя воинов. Обидится Перун — не видать удачи в битве.

Не послушал князь волхва. Вырвал из бороды целый клок волос и кинул через плечо.

— Нá, Перун, тебе, а ты — мне! А после стотину дам!

«Стотина» — сотая часть добычи. Пожадничал Воислав, очень уж был уверен в победе. Обычно перед битвой Перуну обещают десятину. А дадут иль нет — это после видно будет. Если добычи меньше, чем думалось, могут и не дать.

Грек, кажется, понял, что не проскочит, и изменил тактику. Теперь он шел наискось, к первому мысу, оставшемуся позади.

— Будет прорываться с боем, — сказал Гад. — Через наш хвост. Кто замыкающий?

— Тур Одноглазый. — Князь хохотнул. В предчувствии драки он всегда впадал в нетерпеливое, радостное возбуждение. — Через Тура не прорвется. Зык, ко мне! Кричи: «Всем заворачивать! Бой!»

«О-о-й! О-о-й!» — зашумело над бухтой.

Не зависящие от ветра ладьи одна за другой стали разворачиваться. Самая последняя, которой командовал старый и опытный воин по име-

ни Тур, быстро пошла на сближение с греком. Тот, поныривая клювообразным носом, несся навстречу, стремительный, будто давешняя прыгучая рыба.

С Туровой лодки и еще с одной, соседней, открыли огонь лучники. На корабле, будто сами собой, поднялись большие щиты, начисто закрывшие палубу. Несколько мгновений спустя на них стала расти щетина — в дерево вонзались славянские стрелы с раздвоенными хвостами.

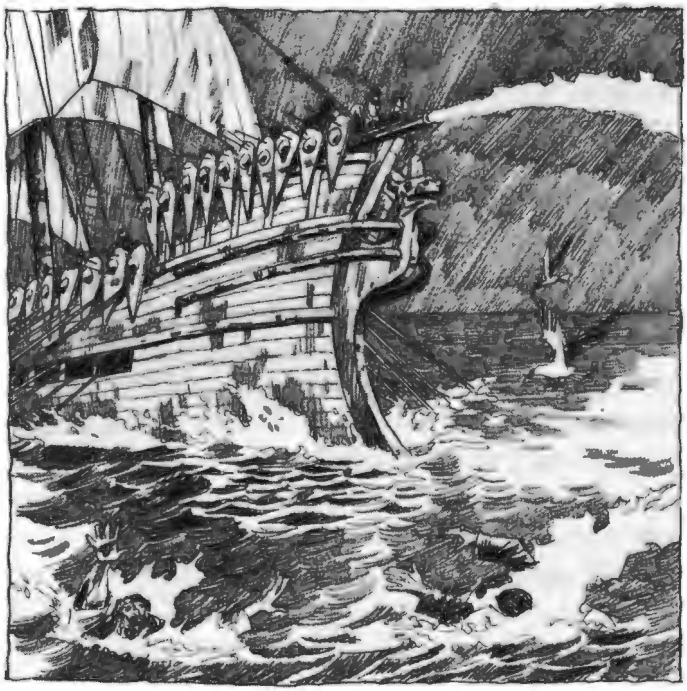
Быстрый тридцативесельный селезень Воислава уже обогнал половину других ладей. Князь перебрался с кормы вперед. Надел кожаный доспех, спереди обшитый медными пластинами, нацепил остроконечный хазарский шлем с шестиконечной звездой — военный трофей, которым очень гордился.

— Сейчас Тур зацепит его крюками! А там другие налетят! — крикнул он толпящимся за его спиной дружинникам. Они все тоже снарядились к бою. От нетерпения колотили мечами по бортам.

Когда между греком и передней лодкой осталось шагов сто, в зазор меж двух утыканных стрелами щитов просунулась длинная труба — будто у корабля на лбу внезапно вырос рог.

Дальше случилось невообразимое.

Из трубы, прочертив огненную дугу, выметнулась струя пламени и обрушилась на ладью — та вспыхнула бурно и охотно, как не загорается даже хорошо высушенный хворост. Невероятно, но заго-



релось и море вокруг. В лодке размахивали руками люди. Они тоже горели. Одна пылающая фигурка прыгнула за борт. За ней еще и еще. На воде вспыхнули маленькие костры — горящие головы.

Вой боли прокатился над солнечной бухтой. Остальные ладьи откликнулись воем ужаса. Это было чародейство — непонятное и оттого еще более страшное.

Следующий селезень уже не махал веслами, но с разгона еще двигался навстречу колдовскому кораблю. Тот снова изрыгнул красно-черную струю. Она не попала в лодку, но подожгла море у ее бор-

та, и пламя, подгоняемое ветром, пробежало по веслам, перекинулось на суденышко.

Всё повторилось. Горели скамьи, горели щиты, горели и прыгали в воду люди, но вода их не спасала.

Прочие лодки, не дожидаясь приказа, стали поворачивать в обратную сторону.

На этом морское сражение закончилось и началась погоня — долгая, монотонная, безжалостная.

В первые минуты можно было подумать, что волшебный корабль удовольствуется гибелью двух селезней. Он спустил паруса, весла остановились.

Несколько лодок засновали по волнам, подбирая немногих уцелевших. Ладьи охваченных паникой северичей почти сравнялись с дальним мысом, прежде чем победитель вновь тронулся с места.

Еще и потом некоторое время казалось, что грек всего лишь хочет отогнать морских разбойников подальше от берега. Корабль быстро сократил дистанцию, однако не погнался за последней из лодок, а взял курс левее, оказавшись между мысом и сбившейся в кучу флотилией. Та шарахнулась от ужасного противника прочь — в открытое море, навстречу пустому горизонту. Любая бездна, хоть бы самый край земли, была менее жуткой, чем всепожирающий, негасимый пламень.

Только теперь стал ясен замысел греков. Они собирались не отогнать врагов, а уничтожить их. Всех до одного.

Делалось это неторопливо, обстоятельно.

Догнав замыкающую ладью, корабль подпалил ее. Остановился. Подобрал тех, кто не сгорел и не утонул. Потом продолжил погоню.

Ветер дул от берега. Преимущество в скорости у грека было такое, что он в какую-нибудь четверть часа вновь оказался в хвосте флотилии и поджег следующий селезень.

Это повторялось снова и снова. Если бы лодки кинулись врассыпную, возможно, кто-то и спасся бы. Но от ужаса у беглецов словно помутился рассудок. Страх перед огнем и бескрайним водяным простором заставлял их тянуться за ладьей вождя, которая, отчаянно шлепая веслами, неслась впереди, всё больше отдаляясь от остальных.

Каждый раз, когда преследователь останавливался, появлялась надежда, что он наконец насладился местью и оставит разбитого врага в покое. И каждый раз надежда рассыпалась в прах.

Нескончаемый кошмар длился весь день. Вереница ладей постепенно таяла. Бездонные трюмы двухпалубного чудовища всё не могли насытиться пленниками.

Но в сумерки, когда от погрузившегося в море солнца на воде осталась только лужа багровой крови, Воиславу стало казаться, что бог воды наконец услышал его отчаянные молитвы. Начав с обещания четверти всего, чем владеет, к концу дня князь сулил Россоху уже всё, до последней беличьей шкурки, до самой желанной из наложниц — лишь бы попустил спастись от огненной гибели.

— Никак уйдем? — сказал князь осипшим голосом стоявшему у руля волхву. — Скоро будет темно. Потеряемся. Что молчишь?

Вдали пылал предпоследний из селезней. Люди спрыгнули в воду, не дожидаясь, когда лодка загорится, и грек застыл на месте надолго — нужно было собрать много пленных.

— Не уйдем, — ответил Гад, поглядев на небо. — Только если чудо. Ты молился Перуну. Потом Россоху. А надо было Стрибогу. Он обиделся. Губит нас. Дует греку в паруса. Держи кормило, князь. Буду просить Стрибога сам. Пусть остановит ветер. Или направит в другую сторону. Тогда может быть.

Он задрал лицо к темнеющему небу и зашевелил губами. Меж полузакрытых век белели закатившиеся под лоб глаза.

Воислав смотрел на волхва со страхом и надеждой. Всё имущество уже было обещано Россоху, но князю пришла в голову новая мысль. Остается сокровище драгоценней мехов и наложниц — вот этот колдун, который всё знает и умеет говорить с богами. «Я принесу тебе, Стрибоже, в жертву Гада, — беззвучно прошептал Воислав. — Только спаси».

И случилось чудо. То ли бог внял волхву, то ли польстился на жертву, обещанную князем, но только паруса на грозном корабле вдруг обвисли. Ветер стих. По волнам пробежала рябь — и исчезла. Послезакатное море лежало гладкое, словно застыло, покрытое розовым льдом.

У грека весел было больше и они были мощнее. Должно быть, на каждом сидело по паре рабов. Зато селезень был легче, а на весла Воислав тоже посадил двоих — раньше дружинники гребли, сменяясь.

Расстояние всё равно сжималось, но медленней, чем прежде. А над горизонтом уже клубилась, поднимаясь вверх, синяя тьма.

«Благо тебе, Стрибоже, — шептал князь, всхлипывая от облегчения. — Гад будет твой. Пусть только доведет до суши. Без него как? Неведомо, куда плыть. Берега не видно. А ночью тем более... Но обещаю. На твердой земле я сам вырежу ему сердце. И отдам тебе».

Однако недолго пришлось Воиславу глотать радостные слезы. По воде вновь пролегли морщины, превратились в волны. Сзади налетел ветер —

сильней прежнего. На мачтах грека пузырем всколыхнулся большой парус.

«Нет, нет! — взмолился князь. — Я не стану ждать суши! Я отдам тебе Гада прямо ночью! Как-нибудь, куда-нибудь выплывем! Только не дуй, Стрибоже!»

Но Стрибог то ли заподозрил Воислава в обмане, то ли с самого начала играл с князем северичей, как кошка с мышью.

— Греби! Греби-и-и! — завопил предводитель. — Йэх! Йэх! Йэх!

Обессилевшие люди что было мочи навалились на весла — и селезень убыстрил ход. Мало, совсем мало времени оставалось до желанной тьмы. Над горизонтом уже погасло красноватое свечение, и вражеский корабль посерел, обернулся зыбким призраком.

— Пусти за руль, князь. Подгоняй гребцов. И молись Россоху, — сказал Гад. — Теперь всё от него зависит.

Передавая кормило, Воислав ощутил — кажется, впервые — превосходство над волхвом: всеведущий, а не знает, что его ждет. «Что обещал — сделаю», — мысленно сказал он Стрибогу. А Россоху сулить было уже нечего.

Вдруг селезень шатнуло в сторону и повело вкось, поперек волн. Он накренился, весла застучали друг о друга. Через несколько мгновений они выровнялись, снова ударили по воде, но, вместо того чтобы уходить от грека, ладья стала описывать дугу.

— Руль выправи, руль!!! — закричал князь.

— Не слушается... — Гад навалился на рукоять всем своим тщедушным телом — ничего не вышло.

Отшвырнув волхва в сторону, как кутенка, Воислав попробовал сам. Но и его могучие руки не смогли поставить кормило в нужное положение.

— Ты кому сейчас молился, князь? — спросил снизу Гад. — Россоху или кому?

— Стрибогу... — просипел Воислав и дернул рукоять так, что она переломилась пополам. Дружинники взвыли от ужаса.

— Тогда готовься к смерти. Или к плену. Сам выберешь.

Ужасный корабль стремительно приближался, из серого становясь черным, громадным.

Гад взялся рукой за борт и легко перемахнул за борт — только плеснула вода. Дружинники побросали весла, стали стаскивать тяжелые доспехи, обрывать с поясов мечи. Кто мог плавать — прыгали в море. Кто не мог — остались.

Но когда с надвинувшегося вплотную корабля брызнуло огнем, в воду бросились и те, кто не умел на ней держаться. Лучше утонуть, чем сгореть заживо.

Лодки-скафосы долго кружили по черным волнам, светя факелами. Старались подобрать всех, никого не упустить. Раб-тавроскиф силен и выносливы, он стоит хороших денег.

Если плывущий поднимал открытую ладонь — понятный для всех народов жест подчинения, — его вытягивали из воды. Если не желал сдаваться — разбивали голову лопастью весла. Славяне,

решившие умереть, принимали смерть молча. Тех, кто предпочел быстрый конец муке рабства, было больше.

Вождь варваров уплыл дальше всех. Он не поднял руки, но и не подставил голову под удар. Весло попусту вскинуло брызги — густобородый богатырь нырнул.

— Хочет медленной смерти — его дело, — сказал скафарх. — Кажется, все. Грести к дромону!

Из лодки на корабль пленных втягивали веревочной петлей. Приняв с борта, первым делом отвешивали крепкую оплеуху. Потом зачем-то подносили к лицу масляную лампу. И лишь после этого спускали в трюм.

Рядом с капитаном дромона стоял человек в красной накидке. Это он светил фонарем — и всякий раз бормотал короткое ругательство. Несколько раз на палубу вытаскивали пленников, потерявших сознание. К каждому такому человек подходил, нагибался и зачем-то проводил ему рукой по лбу, отодвигая прилипшие мокрые волосы.

— Это последний скафос, — сказал капитан. — Мне очень жаль, протокентарх.

Один пленный, тоньше и ниже ростом, чем остальные тавроскифы — народ сплошь рослый, широкий в кости, — вдруг сделал странный жест: сложил два пальца одной руки, средний и указательный, с двумя пальцами другой — получился крест. Конвоир толкнул его в спину.

— Не тронь, болван! — крикнул протокентарх. — Это он. Слава Иисусу! Жив!

Накинув на плечи мокрому, дрожащему от холода пленнику свою накидку, отвел его в сторону.

— Приветствую тебя, аминтес. Я уж боялся, тебя не найдут... Скажи, почему вы так задержались? Мы ждали вас еще позавчера.

— В устье реки Гипанис. Одна лодка перевернулась. И еще три дали течь. Два дня ушло на ремонт, — чисто, но с запинкой ответил по-гречески тот, кого назвали «аминтесом».

— Ты не ранен? Речь твоя странно прерывиста.

По усталому лицу мокрого человека пробежала улыбка.

— Три с половиной года не говорил на родном языке. Привык изъясняться короткими фразами. В речи тавроскифов нет сложных предложений... — Спасенный обеспокоенно спросил: — Скажи, ни одна из лодок не ушла? Все, кто осмеливается идти войной на имперские владения, должны исчезать бесследно. Это страшнее любого поражения.

— Никто не ушел. Мы уж думали, что самый большой корабль успеет скрыться во мраке. Приходилось подбирать из воды всех — вдруг бы среди них оказался ты? Я не понимаю, почему большая лодка стала поворачивать.

— Я вбил клин в паз кормила. Боялся, вы не догоните.

— Прекрасно. Я напишу в рапорте и об этом. Но у тебя писанины будет куда больше, чем у меня. Надеюсь, ты не позабыл грамоту в северных лесах? — засмеялся чиновник. — В каюте тебя ждет хороший ужин, пелопонесское вино, цивилизованная одежда. А также, — он шутливо развел рука-

ми, — принадлежности для письма. Увы. Порядок есть порядок. Твой отчет должен быть готов до прибытия в Синоп.

Воислав плыл по ночному морю, мерно загребая руками. Море было черное, небо тоже. Луна еще не взошла, едва светились звезды. Но они не помогли бы пловцу найти путь к берегу. Князь не понимал их языка.

Он был очень силен. Он мог плыть три часа, и пять, и больше. Знать бы только, в какой стороне земля.

Об этом Воислав сейчас и молился Россоху. «Тебе нет выгоды меня губить, — шептал он, отплевывая горькую воду. — Кто отдаст тебе дары? Я тебе столько всего обещал. Помнишь? Спаси меня. Тебе же лучше».

Но повелителю вод не нравился сухопутный человек, боящийся моря. И его дары — куски серебра, связки меха, железные мечи, гривастые кони и мясистые женщины — богу были ни к чему. Россох посмеялся над пловцом, направил в ту сторону, где суши не было на сотни и сотни миль.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Весь день Дамианос пребывал в необычном для него чувствительном настроении. Сначала бормотал греческие стихи из «Одиссеи» — про желанный дым отечества, клубящийся над родными берегами. Выйдя на улицу, перешел на латынь. «Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаев», — бормотал он строки Вергилия, с наслаждением вдыхая чудесный воздух огромного города. Никаких урожаев эта скованная камнем земля не производила, а ее «дым» был несвеж и по временам даже зловонен: из харчевен несло кухней, не всегда хорошей; из-под тротуаров, где проходили сточные трубы, — гнилой водой, от помоек — отбросами, от общественных латрин — тем, чем обычно пахнут латрины. Но тут была родина, и пахла она нормальной человеческой жизнью, а не пустотой и безлюдьем, как дикие леса над опостылевшей Бог-рекой.

После трех с половиной лет, после великих трудов и многих опасностей, после долгого одино-

чества, когда по-настоящему можно было поговорить только с самим собой, Дамианос наконец вернулся домой, к своим.

Дела были закончены. Весь день он провел в канцелярии Сколы, отвечая на вопросы по сданному отчету. Рапорт прибыл в Константинополь на целую неделю раньше корабля, которому из-за осенней бури пришлось задержаться в Синопе. Но дром, превосходная курьерская почта, не зависел от непогоды, и документ был в положенные сроки доставлен по эстафете, двигавшейся в десять раз быстрее обычных путников. Сотрудники секретона успели изучить записи. Их вопросы были точными и по делу. К сожалению, председательствовал на разборе не сам пирофилакс, а протоканцелярий. Наверное, великий человек был занят чем-то более срочным. Северославянское направление, по старинке именовавшееся тавроскифским, не относилось к числу первостепенных. Арабское, болгарское, франкское, италийское, даже германское были важнее.

Ну и ладно. Пирофилаксу виднее.

Всякий раз, возвращаясь в родной город после задания, Дамианос узнавал о каких-то удивительных новшествах, усовершенствованиях и открытиях. За это он и любил Константинополь. Лучший город земли — *единственный настоящий город земли* — не стоял на месте. Он развивался, рос, на его благо трудились лучшие умы, сюда стягивались кровеносные сосуды и нервы всего цивилизованного мира.

В секретоне рассказали о поразительном нововведении. Теперь от границ, которым угрожают воинственные варвары Востока, до Константинополя выстроены башни, поставленные на возвышенностях. По системе условных сигналов — днем механических, ночью световых — любая весть передается в столицу с немыслимой быстротой. *Телеграммата*, как называлось посланное издали донесение, преодолевает расстояние в пятьсот миль всего за один час! Больше никакие арабы не смогут, как в прежние времена, напасть на столицу внезапно. Поистине нет пределов величию и изобретательности человеческого разума!

Из тихого квартала Нерсеса, где находилась канцелярия Сколы, Дамианос вышел на Месу, Срединную улицу. Широкая, чистая, обрамленная тенистыми портиками (там лавки, питейные заведения, таверны), она была украшена колоннами и скульптурами. «Сколько труда, сколько вдохновения, в конце концов, просто денег потрачено на это вроде бы бессмысленное расточительство, — думал Дамианос с блаженной улыбкой, странно смотревшейся на его сухом и обычно бесстрастном лице. — Но разве не в этом суть цивилизации? Необходимым довольствуются животные и варвары. Всякое развитие — это стремление к необязательному и излишнему».

У обелиска Миллий, от которого ведется отсчет расстояний в милях по всей огромной империи, он купил у торговца и с наслаждением, прямо на ходу, слопал дешевого «януса» — хрустящую ле-

пешку, в которую засунуты две жареные рыбешки, а потом и облизал пальцы. Под порфирной, увенчанной крестом колонной Филадельфия, выпил виноградного сока со льдом.

Господи, сколько на улице народу! Он и забыл, что людей бывает так много. А ведь время рабочее, полуденное. Что здесь будет в день скачек на Ипподроме! Могут и расплющить.

Дома по мере удаления от центра становились грязнее и ниже — уже не в четыре этажа, в два. Исчезли статуи над портиками. Но город нравился Дамианосу и таким. Честно говоря, кривые улочки портовых районов и жилые кварталы, отодвинутые к самой крепостной стене, он любил даже больше, чем нарядный Стратегион или парадный Акрополь. Здесь обитали обыкновенные люди — те самые, ради блага которых создана Скола аминтесов. Всякому человеку нужен смысл жизни. У Дамианоса он был. В чем в чем, а в этом сомневаться не приходилось.

Жаль, в городе доведется бывать нечасто. После долгого отсутствия полагалось пройти курс новых знаний в Академии. Скола существовала еще и для того, чтобы собирать по всему миру полезные сведения — такие, какие могли пригодиться аминтесам в работе. То есть почти всякие.

Академия находилась в Элизии, обширном загородном поместье пирофилакса, в долине речки Ликус, среди фруктовых садов, кипарисовых рощ и зеленых лугов. В этом райском месте, равном которому нет ничего на белом свете, Дамианос про-

вел первую пору жизни. Там был дом, в котором он вырос. И в этом доме ждала мать. При мысли о том, что он увидит ее, проживет под ее кровом год, а если повезет, то и два, Дамианос снова улыбнулся. У него сегодня весь день был рот до ушей — будто губы хотели наулыбаться сразу за три с половиной года. Волхв суровых северичей не улыбался, веселость была бы ему не к лицу.

В обширном парке, густо засаженном деревьями, на недальнем расстоянии один от другого и всё же укромно, были разбросаны домики. Гимназион и Академия с их белокаменными колоннадами и террасами располагались дальше, на открытом пространстве, удобном для спортивных состязаний и полевых занятий, но здесь, в жилой части Элизия, было тенисто, тихо, уютно. Идя по безупречно выметенной дорожке, Дамианос оглядывался по сторонам. Казалось, некая волшебная сила собрала в одном месте жилища разных племен и народов, населяющих эйкумену. За дощатой болгарской хижиной, отгороженной кустарником, стояла небольшая римская вилла, потом — аравийский шатер, потом — германская бревенчатая изба с узкими оконцами. Все эти дома Дамианос видел и раньше, был знаком с их обитателями. Но серая войлочная кибитка появилась за время его отсутствия. Там поселилась женщина какого-то кочевого народа. Пирофилакс решил начать работу с Дикой Степью? Это интересно. Надо будет выяснить. Но потом, потом...

С каждым шагом всё сильней колотилось сердце. Оно у Дамианоса было твердое и холодное, будто кусок январского льда (иначе на такой службе не удержаться), но сейчас подтаивало, сочилось влагой. Оставалось всего три поворота дорожки.

На всем свете было только два человека, к кому он относился особенным образом: пирофилакс, который почти что и не человек, а высшее существо, и мать, рядом с которой ледяное сердце согревалось и оттаивало.

Мать. Тихая женщина, живущая под сенью ветвистых деревьев.

Для Всенежи пирофилакс не только выстроил дом ее родного края, но и велел высадить вокруг северные деревья: ели, липы, березы — как в лесах, где прошло ее детство.

У края лужайки Дамианос остановился, чтобы насладиться милой сердцу картиной.

Дом из бревен, под тесовой крышей с коньком, издали выглядел точь-в-точь таким же, как у древлян или северичей, от которых аминтес только что вернулся, но был аккуратнее срублен и, конечно, несравненно чище.

На резном крылечке (в настоящем славянском доме такое могло быть разве что у родового старейшины или *нарочитого мужа*) сидела, склонившись над рукоделием, женщина. Ее наряд тоже походил на обычные славянские — если смотреть издалека. Панёва была не грубого холста, а тонкой ткани; юбка-поножа не тускло-коричневая, а густого охристого оттенка; на ногах плетенки не из лыка, а из

мягкой, выделанной кожи. Плат на голове и вовсе шелковый, когда-то привезенный сыном из хазарского Итиля.

Словно почувствовав взгляд, женщина подняла голову. Вскрикнула. Порывисто поднялась. С колен ярким дождиком просыпались разноцветные точечки, запрыгали по настилу крыльца.

Первое, что сделала Всенежа, — быстро приложила ладонь ко лбу, а потом к животу: так матери благодарят Даждьбога, сохранившего в опасности плод их чрева. Потом троекратно перекрестилась (вера детских лет у нее мирно уживалась с Христовой, они не мешали одна другой) и лишь после этого засеменила навстречу. Дамианос тоже побежал.

Обнялись. Она стала меньше, чем была, — суше и легче. Это в нее пошел он тонкой костью и невеликим ростом — самая лучшая конституция для аминтеса, которому полагается быть проворным и незаметным.

Отодвинувшись, Всенежа стала жадно осматривать сына. Лицо у нее было морщинистое, чистое, старое. Прекраснее лица Дамианос не видывал. Во всяком случае наяву.

Мать тронула рваный белый шрам на его шее — след медвежьего когтя.

— Что это? Не было.

Он пожал плечами.

— И этого не было.

Усмотрела в вырезе туники вмятину от древлянской стрелы.

Дамианос лишь улыбнулся.

— А это тебе рано.

Больно дернула — раз, другой, третий: нашла седые волоски.

У самой — платок сбился, и было видно — побелела уже половина головы. Сколько ей? Странно, он никогда об этом не задумывался. Пирофилакс купил пленницу-тавроскифку четырнадцати- или пятнадцатилетней. Значит, матери около пятидесяти. По славянским понятиям совсем старуха. Но на северицких бабок, сгорбленных и беззубых, нисколько не похожа.

Прозвучал вопрос, который Всенежа всегда задавала после долгой разлуки:

— Ты *его* видел?

Он покачал головой, и мать больше не спрашивала. Дамианос знал, что сама она не видела пирофилакса много лет — с тех пор, как от скарлатины умер ее второй сын, трехлетний, а она была беременна и от горя выкинула третьего, недоношенного младенца. В этом несчастье Всенежа винила только себя. Пирофилаксу не нужны женщины, которые не умеют уберечь потомство. Это жестоко, но справедливо.

— Любор, ты голодный! — всплеснула она руками.

На всем белом свете никто больше не звал Дамианоса славянским именем. Оно не значилось даже в биографосе — свитке, который писцы секретона ведут на каждого аминтеса и держат за семью замками, в тайном хранилище.

Пока Всенежа хлопотала, накрывая стол, Дамианос прошелся по дому. Всё такой же светлый, чистый, пахнущий любимыми травами матери. Аминтес знал и помнил все эти ароматы, потому что вдыхал их еще в колыбели. Всенежа была постоянна в привычках и привязанностях, она не любила перемен. Здесь всё осталось прежним. Только *берегинь* на полке прибавилось. Мать покупала на рынке цветной каппадокийский бисер и медленно, с неиссякаемым терпением выкладывала из него картины, которые должны были понравиться богам. Перуну она сделала лазоревое облако, с которого удобно метать на землю молнии. Сварогу — серебряную наковальню и золотой молот. Велесу — тучного тельца. Не обидела и дру-

гих богов. За это боги должны были беречь ее Любора.

— А что ж ты ничего не подаришь Иисусу? — спросил Дамианос, улыбаясь.

— Не знаю, что ему нужно, — вздохнула она. — Жду.

— Чего?

Она смущенно потупилась, ответила неохотно:

— Сна. Боги ко мне во сне приходят и говорят, кому что любо... Иисус пока не приходил.

Дамианос внимательно посмотрел на мать. Погладил по плечу, поцеловал в макушку.

Вот оно как? Значит, это у них в роду — видеть особенные сны?

Ужинал он с аппетитом, хоть голоден не был. Мать кормила его тем, что он больше всего любил в детстве. Откуда у Всенежи, евшей мало, как синица, взялись и свежий домашний хлеб, и сегодняшний козий сыр с тмином, и телячий язык, и яблочная паста с мятой, и свежесваренный мед, Дамианос не спрашивал. Он знал: все три с половиной года, каждое утро мать готовила снедь в надежде, что сын вернется прямо сегодня. Вечером отдавала нетронутую пищу богам. И вот они отдарились — Любор вернулся.

Оба молчали. Сын ни о чем не спрашивал, видя, что мать здорова, и зная всю ее жизнь, в которой один день неотличим от другого. Мать тоже не задавала вопросов. Мир, из которого вернулся сын, был для нее слишком велик.

«На свете должен быть кто-то, кому от тебя нужно лишь одно: чтобы ты был жив и чтобы у

тебя всё было хорошо, — думал Дамианос. — Пирофилакс — великий человек, но вряд ли кто-нибудь любит его так же, как она меня. И невозможно представить, чтобы он сам кого-то так любил».

Спать он лег на перину, в которой пух был смешан с ароматными травами. С отвычки лежать на мягком было странно.

Мать села рядом. Он знал, что она не отойдет ни на шаг, до самого утра.

«Я не усну, — сказал себе Дамианос. — Слишком разволновался». Но она положила ему легкую ладонь на лоб, как в детстве. И он немедленно погрузился в сон. Не просто в сон — а в тот самый, что составлял главную тайну и главный смысл его существования.

Сон был редкий, долгожданный. Дамианос видел его два или три раза в год. После особенно хорошего дня, как сегодня. Или — тоже случалось — после особенно плохого.

Всякий раз происходило одно и то же, без изменений.

Берег реки или, может быть, озера. Заря — утренняя или вечерняя, не понять. Над водой, над тростником клубится туман. Из него с тихим плеском навстречу Дамианосу медленно движется фигура. С каждым шагом она всё отчетливей. Это девушка. Вся белая: белая, прилипшая к тонкому телу рубаха, сквозь которую просвечивают сосцы; белые длинные волосы; в них вплетены какие-то белые цветы. Лицо у девушки окутано дымкой,

черты размыты, но сквозь полупрозрачную пелену сияют огромные ясные глаза.

Девушка приближается. Сердце сжимается от восторга — и от горя. Спящий знает, что она не дойдет. Сон сейчас закончится.

И сон действительно закончился.

Уже проснувшись, но не открывая глаз и не шевелясь, Дамианос сколько мог длил наслаждение, смакуя каждый миг драгоценного видения.

Первый раз он увидел Белую Деву в ранней юности, много лет назад — еще до того, как узнал женщин. Поэтому не мог потом увлечься ни одной из них, даже самой красивой или умной. На земле не было женщин, которые могли бы сравниться с Гекатой.

Он давно догадался, что это именно Геката, богиня загробного мира и лунного света. Белые волосы подсказали. И сладкое замирание сердца, готового остановиться — то есть умереть.

Геката ждала его по ту сторону жизни. Попы врут: нет ни рая с ангелами, ни ада с чертями. Или же Дамианосу-Любору уготован свой собственный рай, где царит Белая Дева. Поэтому он не боялся смерти. Совсем. Какое там «боялся»! Мечтал о ней как о высшей награде. Иногда приходилось одергивать себя, чтобы не лезть на рожон, не подвергаться лишнему риску. Когда-то давно, в одном из самых первых снов, он крикнул Деве, что хочет прийти к ней прямо сейчас, пускай сердце остановится. Но Геката покачала головой: нет. Он понял: с Гекатой жульничать нельзя. Необходимо пройти

весь отмеренный судьбою путь до конца, честно. Иначе встречи не будет.

Поэтому, выполняя задание, он был рассудителен, хладнокровен и осторожен. Знал: десять раз вывернется, уйдет от верной гибели, а на одиннадцатый смерть его все-таки подловит. И передаст той, которая ждет. У аминтесов служба, на которой до старости не доживают.

Сон казался коротким, а длился долго — всю ночь. Воздух уже пах скорым рассветом, а Дамианос был приучен встречать день на ногах.

Он открыл глаза и улыбнулся матери. Кажется, она с вечера даже не шелохнулась.

В этот раз они не виделись три с половиной года. Перед тем он выполнял задание пирофилакса в Гермонассе, опасном разноплеменном городе близ Киммерийского моря, и тогда отсутствовал два года. А еще раньше он пропадал целых пять лет, потому что угодил в плен к хазарам и возвращался кружным путем, через Персию и Святую Землю. Однажды он уйдет и не вернется вовсе. Или вернется, а ее здесь уже не будет.

— Иди, поспи. Не бойся. На этот раз я надолго, — сказал Дамианос и легко поднялся с ложа.

В Академию можно было попасть прямо через парк, по аллее, но Дамианос нарочно сделал крюк, чтобы пройти сквозь Гимназион, в котором он проучился десять лет, с семи до семнадцати. Это учебное заведение, не похожее ни на какие другие, было создано для мальчиков, рожденных женщинами

разных племен и говоривших на материнском языке, как на родном. Где-то в другом поместье пирофилакса имелся и второй Гимназион, для девочек, но про него Дамианос мало что знал.

Сначала полукровок обучали тому же, чему обычно учат детей — грамматике, арифметике, географии, гимнастике, — и зорко приглядывались. К десяти годам разделяли на два потока: мальчиков посмирнее готовили к чиновничьей службе; смелых и резвых собирали в класс аминтесов.

У великой империи было много врагов. Они пожирали богатую державу жадными глазами, норовя оторвать кусок от ее аппетитного тела, а если получится, то и вовсе разодрать на части, как это случилось с предыдущим Римом — италийским. За врагами нужно было присматривать, разрушать их хищные планы, ссорить между собой, держать в узде. Этим важным делом и занимались аминтесы, то есть «защитники» — уши, глаза, а иногда и острые когти империи.

Ведомство, чьим долгом был надзор за другими народами, называлось Сколой аминтесов. Готовили и воспитывали этих искусных лазутчиков здесь, в Гимназионе. Для дальнейшего расширения полезных знаний существовало заведение высшей ступени — Академия.

Идя через прямоугольный двор Гимназиона, куда выходили портики учебных аудиторий, Дамианос вспоминал давние времена, когда он носил белую тунику с синей полосой, мечтал о грядущих приключениях и хотел побыстрее вырасти, чтобы

стать героем и чтобы о его приключениях рассказывали другим мальчишкам.

Стайка десяти-двенадцатилетних гимназистов чертила угольками на каменных плитах карту звездного неба. Все повернули головы, посмотрели уважительно. Они не знали, кто он, но видели алую полосу — знак принадлежности к академическому классу. Понимали: аминтес вернулся с задания. Один конопатый, с синяком под глазом, был очень похож на самого Дамианоса, каким тот был в десять лет.

В Гимназионе было не принято приветствовать даже знакомых, тем паче — здороваться с незнакомыми, поэтому Дамианос просто украдкой подмигнул веснушчатому. Тот шмыгнул носом.

А вот это новость: большинство детей в классе были без синей полосы. В секретоне рассказали, что теперь в Гимназионе учатся не только Лекасы. Должно быть, бесполосные и есть те самые мальчики, кого пирофилакс лично покупает на невольничьем рынке. Он умеет видеть по глазам, чего стоит ребенок. Что ж, ребятам повезло. Они вырастут не рабами, а аминтесами. Разведчиков вечно не хватает, потому, очевидно, и пришлось пойти на такое нововведение.

У последнего портика, где находилась медицинская аудитория, Дамианос задержался. Подошел к колонне, понаблюдал.

Старый Клеон нисколько не изменился. Он и двадцать лет назад был таким же: морщинистое лицо, гладкий череп, сдвинутые к самому носу гла-

за, скрипучий голос. Вел урок для выпускного класса: трепанация черепа.

Аминтес должен владеть лекарскими навыками лучше врача, знать все последние достижения медицины. Чаще всего на задании приходится изображать знахаря, потому что все варвары относятся к врачевателям с мистическим почтением, а это сильно облегчает дело.

Лопоухий паренек, потея от напряжения, вскрывал корку на тыкве, старался резать не слишком глубоко и не слишком мелко. Дамианос улыбнулся. Всё то же, всё то же. Потом надо будет снять кусочек скорлупы с большого гусиного яйца, не повредив внутренней оболочки. Потом будут мучить собак. А на экзамене — вот где страх-то — придется делать операцию на живом человеке: вправлять грыжу, или зашивать рану, или накладывать лубок на перелом, а то и принимать роды. Хозяева со всей округи свезут рабов на дармовое лечение; придут и многие свободные, потому что известно: выпускники Гимназиона искуснее иных лекарей и к тому же умеют делать обезболивание.

Клеон заметил, что кто-то смотрит из-за колонны, прищурился против солнца. Тогда Дамианос вышел, но полуотвернулся. Старый учитель не окликнет, не заговорит — это не заведено. Но пусть хотя бы посмотрит, что Дамианос всё еще жив. Если узнает, конечно.

— ...Садись, болван. Самому бы тебе так череп раскромсать, — послышался после долгой паузы

скрипучий голос. — Вот раньше были ученики. Не то что вы, катыши овечьи.

Узнал! Улыбаясь, Дамианос пошел дальше.

Началась академическая учеба, как всегда захватывающе интересная. Человеческое знание не стояло на месте, беспрестанно обогащая аминтологию, сокровенную науку разведывательного дела.

Дамианосу пришлось освоить дисциплину, ранее считавшуюся не обязательной для тавроскифского направления — тайнопись. Грамотность, когда-то бывшая привилегией лишь самых просвещенных народов, понемногу распространялась и на варваров. Арабы и армяне имели письменность уже давно; обзавелись своими книгочеями франки и даже германцы. Северные славяне букв не знали, и если появлялась оказия отправить в метрополию донесение, Дамианос до сих пор писал попросту, по-гречески. Отныне это запрещалось инструкцией. По сведениям пирофилакса, некоторые князьки, сидевшие на великом речном пути из Скифского моря в Сарматское, стали обзаводиться грамотными рабами для ведения торговых расчетов. Это означало, что ничего конфиденциального прямым текстом сообщать больше нельзя.

Впрочем, тайнопись оказалась делом легким, Дамианос освоил ее быстро.

Гораздо больше времени заняло изучение новой борьбы, которую привез аминтес, десять лет пропадавший на дальнем краю Азии, куда пирофи-

лакс отправил его изучить полумифическую империю узкоглазых желтолицых людей — Катай. Катайская борьба, основанная на ловкости, тренировке и знании анатомии, позволяла калечить и даже убивать врагов без оружия, одним ударом руки или ноги. Дамианосу особенно понравилось то, что в этом искусстве преимущество получал боец легкого веса и небольшого роста, а скорость значила больше, чем сила.

Появились новые удобные виды оружия, владение которыми требовало опыта и сноровки. У аминтесов больше всего ценились приспособления, не похожие на орудия убийства. Кто-то привез из Иберии тонкую стальную проволоку, которой тамошние варвары режут огромные круги сыра. Если подойти сзади, точным движением накинуть проволоку на шею, стянуть петлей и правильным образом дернуть, человек умирает без звука. А прячется это оружие очень просто — хоть в поясе, хоть где.

Еще усовершенствовали отличный манубалист, очень метко стреляющий короткими стрелами. Подобные самострелы существовали и раньше, но массивные, для установки на крепостных стенах. А этот был маленький, легкий и, главное, складывался — убирался в безобидного вида чехол, который вешаешь через плечо.

Немало полезных новшеств накопилось и в фармакологии: снадобья от различных болезней, легкие в изготовлении яды, универсальное противоядие, надежное сонное зелье морфофор.

Дамианос всегда любил учиться, потому что только знание превращает человека из раба обстоятельств в их повелителя.

Жизнь была райская.

Шесть дней он учился в Академии, а воскресенье проводил в городе, чтоб развеяться. Жалованья за годы отсутствия накопилось много, можно было не скряжничать.

Сначала, еще в вечер субботы, посещал самый дорогой столичный лупанарий «Сад Эпикура», где гетеры веселы, искусны и приучены не лезть в душу. Назавтра шел на скачки или в театр. Другие аминтесы любили угоститься в хорошей таверне, попить сладкого никейского вина или ароматной мальвазеи, но Дамианос к разносолам был равнодушен, а вина не пил вовсе. Оно замутняет рассудок, а зачем замутнять око, которому и так вечно не хватает зоркости?

Лучше всего было просто бродить по городу. Глядя на дворцы и храмы, на величественные монументы и прекрасные статуи, на беззаботных людей, Дамианос остро ощущал, какое блаженство жить в цивилизованном мире, который умно обустроен и надежно защищен. Константинопольцы даже не понимают, что это за счастье — существовать по предписанию мудрых законов, не бояться вражеских набегов и диких зверей, вечером ходить по освещенным улицам, не носить оружия. И в значительной мере чудесный эквилибриум сохраняется благодаря аминтесам, о существовании которых большинство византийских граждан даже не слышали.

...Так Дамианос прожил остаток осени, всю зиму и половину весны.

А потом отпуск закончился. Как всегда, без предварительного уведомления. Просто в Академию прискакал нарочный и вручил вызов.

Завтра, во второй день седмицы, 16 априлиса 3 года индикта, ровно в полдень, аминтесу второго разряда Дамианосу быть в секретоне по вызову пирофилакса.

ДЕНЬ ЧУДЕС

Секретон Сколы аминтесов располагался не в императорском дворце, как прочие важнейшие учреждения, а в респектабельном квартале Нерсеса. Тихий переулок вел от грандиозной, трехпролетной арки Феодосия к внешне непримечательному двухэтажному домусу — родовому особняку пирофилакса. Вся жизнь государственного мужа была посвящена работе, поэтому канцелярию он разместил там же, где жил. Официум занимал весь внешний корпус; личные покои хозяина находились в глубине усадьбы, за садом.

Вход в одно из секретнейших ведомств империи охранял (по виду — просто прохаживался перед дверью) человечек в аккуратной скромной хламиде. Ни копья, ни меча на поясе, ни щита. Но через этого невзрачного часового не прорвался бы никто чужой — ни силой, ни хитростью. Это был один из «гибких» — так назывались личные телохранители пирофилакса. Когда-то Да-

мианос мечтал попасть в их число. В «гибкие» из Гимназиона брали невысоких, быстрых и сметливых — таких, как он. Состоять при особе пирофилакса — завидная судьба. Но не сложилось, и теперь Дамианос об этом не жалел, потому что человек должен уважать свою судьбу и не тосковать по несбывшемуся.

В великой империи, которой, если считать от Юлия Цезаря, уже сравнялось девятьсот лет, а если от Ромула и Рема — то полторы тысячи, имелось несколько секретных служб.

Во-первых, Скола агентов, призванная следить за порядком в стране, вынюхивать крамолу и пресекать заговоры. Агенты, иначе называвшиеся Оком Базилевса, бдительно надзирали за провинциями и губернаторами. Их боялись и перед ними заискивали.

За безопасность священной особы государя и его резиденций отвечала Скола скрибонов — дворцовая полиция.

На рубежах державы нес службу корпус акритаев — стражей границы. Акритаи вылавливали вражеских шпионов, а иногда и засылали к неспокойным соседям собственных лазутчиков. Но это была разведка ближняя, для военных надобностей. Дальней разведкой занималась только Скола аминтесов.

Создал ее более тридцати лет назад патрикий Кириан из древнего рода Лекасов. Великий император Феофил, отец нынешнего базилевса, присвоил своему бесценному помощнику небывалый прежде титул пирофилакса, что означает «Оберегатель

Огня». Тысячеглазым Аргусом наблюдала Скола аминтесов за внешним миром — так, чтоб ниоткуда не налетел внезапный ураган, не задул священное пламя Ромейской империи.

«Гибкий» едва взглянул на Дамианоса. Зевнул, отвернулся. Откуда понял, что это и есть аминтес, вызванный к пирофилаксу, ведомо одному Богу.

В вестибуле вошедшего встретил такой же безмолвный привратник, провел к протоканцелярию Агриппе, доверенному помощнику Кириана. Это Агриппе в прошлом сентябре Дамианос отчитывался о выполненном задании.

Двадцать лет знали они друг друга, но ни разу не разговаривали ни о чем, кроме дела. Начальник канцелярии всегда смотрел вниз, никогда не улыбался, не сердился, не повышал голоса. Казалось, он не ест, не пьет, не сморкается, не чихает. Будто и не человек вовсе, а третья рука пирофилакса.

Провести посетителя в святая святых, в апартаменты хозяина, мог только Агриппа. Спрашивать его о причине вызова было бесполезно. Скоро и так всё выяснится.

Прошли через первый двор, атриум, потом колоннадой, потом через тенистый перистиль, куда выходила галерея личных покоев пирофилакса: кабинет-таблинум, гостиная-экседра и библиотека.

— Иди в библиотеку, — коротко сказал Агриппа, впервые разомкнув уста. И не ушел до тех пор, пока не убедился, что Дамианос поднялся куда следовало.

...Несмотря на полуденное время, в комнате было сумрачно. Ниши, где лежали свитки и пергаменты, тонули в полутьме, на широком столе горели две лампы. В богатых домах обычно использовали свечи — они приятно пахли и не чадили, но пирофилакс предпочитал желтоватый и ровный свет горящего масла.

Человек в потертой шерстяной тунике не поднял головы. Он быстро писал железным стилусом на восковой табличке. Рядом накопилась целая стопка исписанных табул. Потом старший секретик возьмет эти записи и перенесет их на пергамент для долгого хранения.

Кириан никогда не приступал к новому занятию, не окончив прежнего — эта его привычка была Дамианосу известна. Поэтому он не поздоровался, не приблизился, а остановился у порога и стал ждать.

Даже хорошо, что пирофилакс занят. Можно было не торопясь его рассмотреть. В детстве и ранней юности Дамианос видел этого человека часто. Когда Гимназион еще только создавался, Кириан проводил там много времени. Придумывал, как лучше всё устроить, и даже несколько раз сам проводил философические уроки. Каждое сказанное им слово Дамианос запомнил на всю жизнь.

Совсем седой. Макушка оплешивела. Морщины на лбу стали еще глубже — но ни одной поперечной, только продольные: пирофилакс никогда не сердился, а вот в задумчивости пребывал часто.

Да, постарел, но блеск в глазах всё тот же, а движения по-прежнему точны и скупы. Сколько ему? Шестьдесят пять, а то и семьдесят. Редко кто доживает до подобного возраста, сохранив остроту ума и крепость тела.

— С этим всё, — сказал пирофилакс, кладя табличку поверх остальных. — Это мои соображения по поводу доклада достопочтенного Льва Математика. Представь себе, он просит освободить его от епископского сана, потому что хочет создать Университет — специальное заведение для подготовки ученых. Очень интересная идея. Императрица спросила моего мнения.

Так было всякий раз. Они могли не видеться несколько лет, а потом Кириан вел разговор, будто тот и не прерывался. Может, это и в самом деле была одна и та же растянутая на десятилетия беседа.

— Вроде нашей Академии? — так же легко спросил Дамианос. С пирофилаксом просто: есть у тебя вопрос — задай.

— Нет. У нас дают главным образом практические знания, сугубо прикладного направления. А в Университете будут учить теории, то есть с точки зрения логофета императорской казны вещам совершенно бесполезным. Логофет, скучный человек, дал отрицательное заключение, поэтому я и скребу железкой по воску... Подойди-ка. Ты стоишь спиной к свету, и я не вижу лица.

Молча они смотрели друг на друга четыре стигмы — Дамианос сосчитал. В углу стояла клепсид-

ра, водяные часы, и один раз за четверть минуты в стеклянный сосуд срывалась звонкая капля.

— Я и забыл, что у тебя такая же метка, как у меня, — с легким удивлением сказал Кириан. — Кружок ровно посередине чела.

При этих словах оба непроизвольно коснулись каждый собственного лба. У аминтеса там было светло-коричневое, почти незаметное на загорелой коже пятнышко размером с мелкую монетку. У пирофилакса — чуть крупнее и розовое, прикрытое свесившейся седоватой прядью.

— Загадка природы. — Кириан задумчиво покачал головой. — У нас, Лекасов, в каждом поколении только один ребенок наследует эту странность: не родинка и не нарост, а изменение пигментации кожи. Размер бывает разный, цвет тоже, но это всегда кружок и всегда на одном и том же месте. Мой

дед был единственным из шести детей, кто родился таким. Пятно было большое, багровое. Он говорил, что у него третье око, которое никогда не спит и всё видит. В детстве я этого недреманного ока очень боялся. — Пирофилакс улыбнулся. — А у матери, тоже единственной меченой из семерых братьев и сестер, пятнышко было совсем маленькое и черное. Она шутила, что ее курица клюнула. Я же еще ребенком придумал, что меня коснулся огненным перстом архангел, дабы я всю жизнь служил священному огню. А ты? Какое название для свой отметины придумал ты?

— Никакое. Я не придаю этому значения, — солгал Дамианос.

Во сне с Белой Девой, самом первом, она обратила свой лучезарный взор ему на чело, и он понял: вот зачем он носит на себе этот знак. Чтобы Она могла его опознать.

— Пятно и пятно, — пожал он плечами.

— Нет, — с убеждением молвил отец. — В человеческой судьбе просто так ничего не бывает. Если ты — единственный из всех моих детей, кто унаследовал мой огненный перст, в этом есть какой-то смысл.

«Он уже говорил это в прошлый раз, — подумал Дамианос. — И в позапрошлый. И совсем давно, в детстве. Про то, что почему-то только я один родился с кружком на лбу. Будто хочет забыть про это, а видит меня — и поневоле вспоминает. Хотя стоит ли удивляться, что он не помнит всякую ерунду?»

У отца была поразительная способность слышать не произнесенные собеседником мысли. Ее-то он сейчас и продемонстрировал:

— Погоди, я тебе всё это уже говорил во время нашей предыдущей встречи. Старею. Память слабеет...

Пирофилакс сокрушенно развел руками и тут же доказал, что наговаривает на свою память:

— Когда мы виделись? Девятого мартуса пятнадцатого индикта?

— Точно так, отец, — почтительно склонил голову Дамианос.

Ничего родственного в этом обращении не было. Все аминтесы называли пирофилакса «отцом» — в том числе, говорят, и новые, купленные на рынке. Скола была и остается одной семьей.

— А перед тем мы виделись... первого февраля тринадцатого года. До того, постой-ка... в квинтилисе восьмого года, двадцатого числа... — продолжил пирофилакс, щурясь на огонь лампы.

Если б Дамианос так хорошо его не знал, то вообразил бы, что перед встречей отец заглянул в биографос и хочет произвести впечатление. Но зачем великому человеку красоваться перед аминтесом второго разряда? Кириану нравится проверять свою исключительно цепкую память, только и всего. Сам Дамианос мог перечислить все эти даты не задумываясь, без малейшей запинки. Каждая из тех встреч была вехой в его жизни. Станет вехой и нынешняя, никаких сомнений.

Что-то в отце изменилось. Постарел? Да, но не только. Никогда прежде он не вглядывался в лицо

одного из своих бесчисленных сыновей так пристально.

— Да, я постарел, — опять услышал мысль Кириан. — Стал болтлив. Мне хочется с тобой поговорить... И мы обязательно поговорим. Но сначала — о деле. Тебя ждет новое задание.

Дамианос поклонился. Разумеется, новое задание — что же еще? Так происходило всегда: срочный вызов к пирофилаксу, потом отъезд. И пора бы уж. Надоело торчать в Элизии.

Кириан посмотрел на клепсидру.

— Пойдем. Через четверть часа мы должны быть в Консисторионе.

Удивить Дамианоса было непросто, но тут он вздрогнул. Потом решил, что ослышался:

— В Консисторионе?

В тронном зале для парадных аудиенций? Дамианос никогда там не бывал и не думал, что попадет. Аминтесу это не по чину, да и вообще — зачем?

— Базилевс примет лангобардских послов, а сразу после этого даст нам личную аудиенцию.

«Нам»? Но ни о чем больше Дамианос спрашивать не осмелился. Когда у пирофилакса делалось такое лицо, как сейчас, вопросов задавать не следовало.

Через шумную площадь Августеон они шли пешком. Попросту, бок о бок, будто и в самом деле отец с сыном. Перед выходом Кириан облачился в лазоревый хитон патриция, но поверх накинул старый серый плащ, и никто на скромного старика не

пялился. Чуть сзади, словно сами по себе, прогулочной походкой следовали двое «гибких».

Перед тем как войти в величественные бронзовые врата дворцового ансамбля, пирофилакс скинул плащ на руки подлетевшему телохранителю, и гвардейцы-экскубиторы склонили сверкающие шлемы перед золотой медалью с изображением Неопалимой Купины — знаком Оберегателя Огня. Один, звеня посеребренными доспехами, довел приглашенных через двор до дверей первого из дворцов, Юстинианова, и передал на попечение внутренней стражи, златолатных великанов-кубикулариев, рядом с которыми Дамианос почувствовал себя карликом. Он еле доставал сопровождающему макушкой до плеча.

Прошли великолепной залой, пол которой был выложен разноцветным мрамором, а стены украшены мозаичными панно, живописующими великие победы империи.

На широкой аллее, где колонны со скульптурами стояли гуще, чем деревья в лесу, пирофилакса приняли силенциарии, охранявшие священную особу базилевса. Эти были без доспехов и в мягких сапогах пурпурного императорского бархата — производить какой-либо шум им строжайше воспрещалось, и само их название означало «тишайшие». Рядом с ними Дамианос поневоле стал шагать на цыпочках.

Но во время больших церемоний и силенциариям не позволялось входить в Консисторион. У входа пирофилакса и его спутника встретил улыбчивый, но безмолвный евнух, жестом неопи-

суемого изящества пригласил следовать за ним. Сразу было видно юношу хорошего происхождения и безупречного воспитания. Всякая родовитая семья, которую Бог наградил многочисленным мужским потомством, считала разумным оскопить одного из мальчиков и с ранних лет пристроить ко двору. Настоящую большую карьеру близ императора могли сделать только кастраты, и в этом, по словам пирофилакса, была особая, проверенная столетиями мудрость. По закону евнух не мог стать венценосцем — а стало быть, императору не приходилось опасаться, что кто-то из министров возмечтает сесть на Порфирный Трон.

Ангельский юноша поставил патриция у самой дальней колонны, почти беззвучно шепнул:

— Оставайтесь здесь. По окончании церемонии, господин, я проведу вас в Санкториум.

Санкториум, «Священный Дворец» — так назывались личные апартаменты базилевса великой империи. Очень немногим из смертных доводилось лицезреть этот сокровенный чертог собственными глазами. Неужто пирофилакс возьмет своего питомца и туда, в святая святых?

Они стояли позади группы странно одетых людей в коротких куртках, вкривь и вкось расшитых золотом, в кожаных штанах, в высоких сапогах. Это несомненно и было посольство лангобардов — варваров, утвердившихся на юге Италийского полуострова. Длиннобородые и длинноволосые, неуклюжие, они что-то глухо обсуждали на своем диком наречии, стараясь говорить потише, но их

грубые голоса все равно разносились под высокими сводами.

Нигде в мире не было и не могло быть зала поразительней Консисториона. По сравнению с ним давешний дворец Юстиниана казался жалкой лачугой. Весь пол, от края до края, был устлан коврами тонкой персидской работы; стены облицованы листами чистого серебра, двери — резной слоновой костью.

С особенным чувством Дамианос рассматривал трон. На фоне багряной портьеры с огромным имперским орлом, сплошь из алмазов, кресло казалось удивительно маленьким и легким. Но только так, наверное, и мог выглядеть центр Вселенной — крошечная точка, откуда во все стороны расходятся лучи просвещения, славы и стальной ромейской воли. Престол был темен и тускл, зато всё вокруг сияло и сверкало: два золоченых льва по бокам, золоченое же дерево с золочеными райскими птицами, высоко-высоко поднятый золотой купол.

Вперед вышел величественный церемониймейстер, трижды ударил посохом. По обе стороны трона возникли двое — один полный, безбородый, важный, в малиновом одеянии; второй щуплый, остробородый, в зеленой тунике младшего служителя.

— Логофет Аникий. Ведает иностранными делами, — тихо объяснил Кириан. — В зеленом — переводчик. Сейчас приготовься. Церемониймейстер подаст знак проскинезии — нужно будет сотворить три земных поклона. Ох, мои старые кости.

Взмах посоха — и послы со всей свитой, видимо проинструктированные заранее, бухнулись на

колени, а потом лбами в пол. То же проделал и Дамианос.

Что ж, высшей власти дóлжно оказывать знаки почтения — иначе в империи не будет порядка.

На третьем коленопреклонении (церемониймейстер отстукивал продолжительность каждого) пришлось на несколько стигм задержаться.

— Сейчас начнется представление. Специально для варваров, — хмыкнул пирофилакс, упираясь лбом в ковер. — Смотри и наслаждайся.

Наконец можно было подняться.

По залу прокатился вздох изумления.

На троне сидел император. Взяться ему было неоткуда. Дойти от дверей он бы не успел, даже если бы несся вприпрыжку (Дамианос немедленно упрекнул себя за эту непочтительную мысль). И всё же сидел, величественный, в простой бело-пурпурной мантии, и неподвижный, как статуя. Древний венец неярко поблескивал старинным золотом и огромными рубинами. В курильницах — тоже будто сам собой — закурился фимиам. До престола было слишком далеко, чтобы Дамианос мог разглядеть лицо базилевса, но оно источало неземной свет.

— Не благоговей, — прошептал Кириан. — Это луч, перенаправленный особой системой зеркал. А появился кесарь из-за портьеры, пока мы подпирали лбами пол. Августос давно там прятался.

Пирофилаксу, кажется, было скучно. Он множество раз присутствовал на церемонии приема послов и теперь, чтобы скоротать время, охотно объяснял спутнику происходящее.

Посольство, оказывается, было от архонта Беневентского — просить заступничества против арабов. Князь этот являлся вассалом императора франков, однако помощи от своего сюзерена не получил и решил поклониться Константинополю.

— А помощи от франков князь Беневентский не получил, потому что один из твоих братьев перехватил гонцов, — сладостно присовокупил Кириан. — В результате у нас появился шанс вернуть себе изрядный кусок Италии.

Переговоры происходили странно.

Старший из послов, кланяясь и поминутно прижимая руки к груди, говорил что-то на своей тарабарщине — и потом ждал, пока переводчик пошепчет базилевсу. Отвечал, однако, не император, сохранявший полную неподвижность, а логофет Аникий.

— Император не размыкает уст перед варварами, — пояснил пирофилакс. — Церемониал воспрещает. Но всё решено заранее... Ага, дело идет к концу. Сейчас увидишь второе действие представления. Им развлекают только тех, на кого нужно произвести сильное впечатление.

Золотые львы вдруг ударили хвостами о землю. Металлические птицы на деревьях расправили крылья и запели райскими голосами.

Лангобарды в ужасе попятились. Даже Дамианос от неожиданности вздрогнул под шелестящий смешок Кириана.

— Эффектнее всего финал аудиенции. Смотри.

О, чудо! Трон начал медленно воспарять над пьедесталом. Длинный парчовый полог, прикры-

вающий подножие, растягивался всё больше. Луч, озаряющий лицо базилевса, засиял ярче.

— Подъемник? — догадался Дамианос.

— Конструкции великого Льва Математика, — подтвердил пирофилакс.

Церемониймейстер замахал посохом. Потрясенные варвары попятились к выходу. Торжественный прием закончился.

Неслышно подпорхнул евнух-сопровождающий, поманил в боковую дверь.

— Развлечения закончились. Теперь дело, — тихо и очень серьезно молвил Кириан.

Пришлось долго ждать в пустой приемной Священного Дворца, которая после Консисториона выглядела почти спартанской: мраморные стены с драпировками, скульптуры в нишах да маленький, ласково журчащий фонтан.

Не обращая внимания на пажа, будто его тут и не было, пирофилакс сказал своим обычным голосом:

— Эта аудиенция неофициальная, безо всяких церемоний, поэтому плюхаться на пол не нужно. Встань слева и чуть сзади. Если августос тебя о чем-то спросит... Впрочем, сам сообразишь, как отвечать. Да он и не спросит.

На розовом лице евнуха отразилось страдание. Очевидно, с его точки зрения говорить о государе столь небрежным тоном было кощунством. А Дамианос ощутил прилив гордости за отца: вот он какой, всё ему нипочем. Интересно, как Кириан будет разговаривать — страшно вымолвить — с *императором*?

...Оказалось, что точно так же, как всегда: ясно, коротко и по существу.

— В сентябре я докладывал ее величеству, а она несомненно сообщила вашему величеству, что на порт Керкинтий, который находится в феме Климатов, пытался совершить пиратское нападение один из тавроскифских вождей по имени Воислав... — так, без вступлений и ритуальных славословий, начал свою речь пирофилакс.

Императорский таблинум был просторен и светел, но тоже прост, как и приемная. Вдоль стен белели мраморные бюсты великих базилевсов — этим парадность исчерпывалась.

Стоя недвижной беззвучной тенью за пирофилаксом, Дамианос не сводил глаз с того, кто был вознесен над всеми смертными, так что выше только Господь Бог и Его ангелы. Базилевс — единственный смертный, к кому обращаются во множественном числе: не «ты», а «вы», ибо рядом с ним, Своим наместником на земле, всегда незримо присутствует Иисус.

Государь, который издали, во время приема послов, представлялся существом неземным, почти бесплотным, вблизи оказался пухлым полуюношей-полуподростком с бледным, одутловатым лицом и тусклым взглядом. Одет он был в белый хитон с пурпурной каймой, из-под бархатной шапочки свисали жидкие рыжеватые волосы. Хороши были, пожалуй, только прямая, горделивая осанка да такой же неестественно твердый поворот головы, будто приколоченной к шее.

Император сидел за столом, по обоим торцам которого скрипели стилусами два писца, с поразительной скоростью регистрируя каждое произнесенное слово. Еще один придворный (его лица было почти не видно за высокой спинкой кресла) стоял позади государя. То был мистик, личный секретарь его величества.

Он что-то шепнул. Базилевс слегка наклонил голову.

— Продолжай, господин, — не сказал, а словно бы пропел мистик.

— Пиратский набег был организован моим аминтесом. Вашему величеству известна тактика, которой Скола придерживается, контролируя народы, состоящие из хищных, но разрозненных племен. Все они в поисках добычи норовят напасть на наши окраины. Чем отбиваться от каждого по отдельности, мы обычно помогаем самому активному из князьков укрепиться, подавив и поглотив соседей, а затем выманиваем его в удобное нам место и уничтожаем. В результате провинция получает несколько лет спокойной жизни — до тех пор, пока у варваров не появится новый воинственный вождь. Вы, государь, всё это, конечно, знаете...

Снова мистик что-то шепнул на ухо императору. Болезненный юноша кивнул.

— Именно так поступил наш агент. Сначала помог Воиславу покорить окрестные племена. Потом князек собрался в поход на Керкинтий — все скифы, чуть усилившись, мечтают ограбить какой-нибудь из наших таврических городов. Агент привел варваров в условленное место, где один боевой

дромон сжег всю вражескую флотилию. Доход от продажи пленных — более двухсот либр золотом — поступил в казну...

У одного из писцов кончилась табличка, и Кириан подождал, пока служитель возьмет другую.

— Операцию осуществил один из моих лучших людей, протоаминтес Дамианос Лекас.

Не оборачиваясь, Кириан показал на Дамианоса, который от неожиданности не сразу догадался поклониться. Базилевс скользнул по нему вялым, лишенным выражения взглядом.

Дамианос даже растерялся, чего с ним почти никогда не случалось. Протоаминтес? Это высшее звание, какого может достичь лазутчик Сколы. Еще поразительней было упоминание фамилии. Официально всех аминтесов называли только по имени. Фамилию мог носить лишь законный отпрыск родовитого семейства, а пирофилакс женат не был и семьи не имел.

Впрочем, скачок через два чина и почетное титулование большой важности не имели. В далеком краю, при исполнении задания, совершенно все равно, есть у тебя фамилия или нет и какого ты ранга. Трудности и опасности те же самые. У протоаминтеса жалованье чуть не втрое больше, но Дамианосу вполне хватало и нынешнего. За полгода он не потратил и десятой части денег, накопившихся на личном счете.

Самое радостное было не это, а то, что Кириан сказал: «один из моих лучших людей».

Шепот секретаря. Император милостиво кивнул — теперь уже персонально Дамианосу, но

взгляда в его сторону не обратил, словно не счел достойным повторной чести.

— Однако мирной передышки на нашем северном рубеже не получилось, — продолжил Кириан. — На лесных и степных равнинах Тавроскифии что-то меняется. Там увеличилось население, вдоль речного торгового пути возникают и разрастаются городки. Этот народ, прежде рассеянный по лесам, кажется, достиг стадии, на которой объединение становится неизбежным. Мы не успеваем избавиться от одного царька, как немедленно появляется другой. Власть, как природа, не терпит пустоты, государь. На реке Борисфен набирает силу новый вождь. Его зовут Кый, он предводитель полян, самого крупного тавроскифского племени. За зиму этот князь прибрал к рукам все земли погибшего Воислава и продолжает расширять свое влияние. Ситуация станет опасной, если мы не возьмем ее под контроль. Протоаминтес хорошо знает лесной край и может ответить на любые вопросы вашего величества...

Дамианос немного встревожился. Он кое-что знал о полянском князе Кые, заклятом враге Воислава, но не слишком много, и никогда не бывал на реке Данапр, которую Кириан по-старинному назвал «Борисфеном».

Однако вопросов не последовало. Император смотрел прямо перед собой сонным взглядом. Раздался тихий звук. Неужели всевеличайший икнул? Возможно ли?

— Хорошо, — сказал пирофилакс, немного подождав. — Я представлю в канцелярию вашего ве-

личества имеющиеся сведения в письменном виде. Однако в связи с вышеизложенным у Сколы аминтесов есть ходатайство, которое я прошу вас рассмотреть по возможности незамедлительно. Мы просим перевести тавроскифское направление из третьей категории во вторую.

А вот это было важно. Дамианос встрепенулся. Все окружающие империю страны и племена были разделены по степени важности. К первой относились арабы, франки и дунайские болгары. Ко второй — народы менее опасные: ослабевшие хазары, дальние (то есть итильские) булгары, ближние далматинские славяне, италийские лангобарды и некоторые другие. Славяне северные всегда считались проблемой небольшой, поскольку обитали вдали от рубежей империи и для набегов никогда не собирались шайками более тысячи копий. Потому и финансирование севернославянского направления было весьма скромным. Перевод во вторую категорию открыл бы совершенно иные возможности.

Всевеличайший впервые позволил услышать свой голос — писклявый и в то же время с хрипотцой:

— Нам надоели болгары, пирофилакс. Когда они перестанут нам докучать?

— Боюсь, не скоро, ваше величество. Совет стратегов пришел к выводу, что силой оружия с этим варварским царством мы не справимся. Если врага не получается уничтожить, его нужно приручить. В Болгарию отправятся наши проповедники и купцы. Первые будут распространять Христову веру,

вторые — приучать верхушку к греческим обычаям. Когда варвары начнут верить, как мы, смотреть на мир, как мы, когда они обзаведутся теми же привычками, они станут воском в наших руках. Но это работа на долгие десятилетия. Нужно набраться терпения, тут уж ничего не поделаешь. Однако тавроскифскую проблему можно разрешить сравнительно небольшими усилиями — если не давать болезни развиться и пойти в опасном направлении. Потому Скола и выступила с ходатайством.

Император послушал мистика. Покивал:

— Твое ходатайство будет рассмотрено без отлагательства.

— Благодарю, ваше величество. Протоаминтес Дамианос Лекас отправится на Борисфен, как только будет снабжен всем необходимым.

Медленно, словно нехотя, базилевс посмотрел на Дамианоса. Губы слегка раздвинулись в милостивой улыбке.

— Отправляйся в путь и сделай, что должно. Будешь вознагражден.

Дамианос прижал ладонь к груди и поклонился. Он уже думал не об императоре, а о новом задании.

— Ты сказал всё, пирофилакс?

— Да, ваше величество. Прошу лишь присовокупить к протоколу аудиенции еще вот этот документ.

Кириан достал из разрезного рукава пергаментный свиток.

— Быть по сему. Мы закончили?

Вопрос был обращен к мистику и, как показалось Дамианосу, прозвучал жалобно.

...Пока шли обратно к Бронзовым Воротам — через аллею колонн, через дворец Юстиниана, — молчали, потому что рядом, сменяясь, всё время были сопровождающие. Но на площади, накрытой гигантской сенью Софийского собора, Дамианос покосился на отца и понял: теперь можно.

Пирофилакс, принимая от телохранителя свой уличный плащ, и сам сказал:

— Вопросы?

— Можно не по заданию?

С заданием в общем и целом было понятно, а подробности изложит протоканцелярий Агриппа.

— Можно.

— Почему мы ходили к императору, а не...

Кириан кашлянул, и Дамианос заткнулся, сообразив, что среди толпы, где непонятно кто крутится и подслушивает, о таких вещах лучше не говорить.

Он хотел спросить, отчего по секретному делу они ходили к императору, а не к вдовствующей императрице. Ведь все знают, что юный базилевс лишь исполняет церемониальные обязанности, а державой правит его мать, армянка Феодора. Она обладает главным качеством хорошего монарха — умеет выбрать толковых помощников и потом не мешает им работать. При Феодоре держава крепнет и развивается. И главные достижения императрицы — даже не военные победы над арабами и болгарами, а дипломатические союзы и наполненная казна.

В пустом переулке пирофилакс показал жестом: «теперь можешь продолжить».

— Императрица мудра и привыкла слушать твоего совета, отец. Все это знают, — тихо сказал Дамианос. — Почему же мы пошли к августосу Михаилу? Он показался мне...

И опять Кириан кашлянул, хотя кроме «гибких» рядом никого не было.

— Поговорим в библиотеке.

Только дома, за плотно закрытыми дверями, отец заговорил откровенно. Он отлично понял недопроизнесенное.

— Да, Михаил глуп и слаб. К тому же в шестнадцать лет он уже законченный пьяница. Сразу после приема послов успел налакаться. Умные люди советовали императрице потихоньку отравить такого негодного наследника. Но Феодора мягкосердечна. Это означает, что Михаил отберет у нее власть. Не сам, конечно. В таком деле помощники всегда найдутся. И произойдет это, по всей видимости, скоро. Вокруг Михаила зреет заговор.

— Ты так спокойно об этом говоришь, отец? И даже не попытаешься защитить императрицу?

— Скола аминтесов не вмешивается во внутренние дела империи. Ты отлично это знаешь, — строго молвил пирофилакс. — *Все* это знают. Мы не шпионим за своими, не суем нос в то, что нас не касается. Мы защищаем отечество. Именно поэтому с нами никогда ничего не случится. Мы полезны власти и безопасны для нее. Другие секретные службы ловчат, интригуют, берут мзду, устраивают провокации. Ни одной из них нет доверия. А нам — есть. И так должно оставаться впредь.

Вопрос, кажется, был больным. Невмешательство в политику давалось Оберегателю Огня непросто.

— Пойми, — сказал он, глядя в глаза сыну. — Императоры бывают сильными и слабыми, великими и ничтожными, удачливыми и злосчастными. Личные качества правителя имеют значение, но не меняют сути. Империя — это не император. Это великая идея и великая мечта о гармонии на земле. Это самая прочная геометрическая фигура — пирамида. Однажды вся эйкумена станет единой империей, будет повиноваться единой воле и единому закону. И тогда на земле установится царство, подобное небесному. Если мы, ромеи, не справимся со своей миссией, центр мировой воли переместится в другое место — к арабам, латинянам, болгарам или, может быть, к какому-то новому народу. Но священный огонь не погаснет никогда. Мир стремится стать единым — и однажды станет. Наше ведомство создано, чтобы оберегать этот священный огонь и заботиться о том, чтобы он не покинул Константинополь, как в свое время он покинул падший Рим. Второй Рим поставлен здесь, на берегу Пропонтиды, и Третьего Рима появиться не должно. Теперь ты понимаешь, почему моя должность называется «Оберегатель Огня»? И почему я считаю пятно на своем лбу следом огненного перста? Когда-то я сам решил, что это знак моей судьбы. Люди делятся на обычных — и на тех, кто возлагает на себя бремя особенной судьбы. Достаточно решить это и потом не отступаться от своего решения...

Никогда еще Кириан не разговаривал так с Дамианосом, одним из бесчисленных своих сыновей. «Почему? Зачем?» — осторожно взглянул он на отца.

И впервые пирофилакс не угадал ход его мыслей. Во всяком случае, так могло показаться в первую минуту.

— Ты не можешь понять, зачем я взял на аудиенцию тебя, хотя мог бы пойти один?

Дамианос наклонил голову. Что ж, это было бы следующим вопросом.

— Во-первых, чтобы не повторять суть задания дважды. Ты знаешь, я этого не люблю...

Сын кивнул.

— Во-вторых, я хотел, чтобы в протоколе было записано: «Приходили пирофилакс Кириан Лекас и протоаминтес Дамианос Лекас».

Этого Дамианос не понял и слегка приподнял брови. Кириан поднял ладонь: не перебивай.

— И третье... Я подал петицию, где прошу считать тебя моим законным сыном, наследником и преемником. Базилевс должен был увидеть тебя собственными глазами. Когда ты вернешься с задания, он будет самодержцем-автократором. Пусть считает тебя *своим человеком*, это важно. Что ты морщишь свой пятнистый лоб? — чуть улыбнулся пирофилакс и снова посерьезнел. — Да. Когда ты вернешься с севера... если ты вернешься... и если я буду жив... Я начну готовить тебя к управлению Сколой. Тебя тоже обжег перстом архангел. Это знак твоей судьбы.

Дамианос сглотнул. Он и ущипнул бы себя, чтобы проверить, не спит ли, но это было бы глупо.

Конечно, не спит. Теперь всё разъяснилось. И оказалось, что отец все-таки правильно угадал незаданный вопрос. Ответ на него, стало быть, вот какой...

Удивление было безмерным. У пирофилакса имелись сыновья старше, а севернославянское направление, даже если ему присвоят вторую категорию, все равно останется захолустным. Конечно, Дамианос был ошеломлен. Но не обрадован.

«А Геката?» — вот первое, что подумалось. Если оставить опасную службу аминтеса и навеки поселиться в константинопольском официуме, то, чего доброго, проживешь на свете до семидесяти лет, как пирофилакс. Будет ли столько ждать Белая Дева? Обрадуется ли, когда он явится к ней сморщенным, беззубым стариком? Сейчас в жизни есть стержень, источник бесстрашия и внутренней силы: чем рискованней дело, тем ближе долгожданная награда. Дамианос неуязвим и непобедим, он в любом случае в выигрыше. И если уцелеет, восторжествовав над трудностями. И — тем более — если погибнет.

Наблюдая за сыном, Кириан прищурился.

— В тебе есть какая-то странность. Это может быть как очень хорошо, так и очень плохо. Ты сам-то знаешь, что это за странность?

— Нет, — ответил Дамианос. Его лицо стало непроницаемым.

— Не хочешь, не рассказывай... — Пирофилакс устало потер веки. — Дальше тобой будет заниматься Агриппа. До твоего отъезда мы уже не увидимся.

Он махнул рукой в направлении двери.

— Ступай. Мне нужно вернуться к запискам об Университете.

Дамианос поклонился, пошел к выходу.

— Погоди...

Отец шел за ним следом.

Невероятно: поднял руку, положил Дамианосу на плечо. Поистине сегодня был день чудес.

— Сделай, что нужно, и поскорее возвращайся. Я быстро старею, а мне нужно многому тебя научить.

Опустив голову, Дамианос покосился на руку отца. Сухие узловатые пальцы слегка подрагивали.

Мелькнуло: «Мы больше никогда не увидимся».

Он тряхнул головой. В предчувствия верят только женщины и глупцы.

СПУТНИКИ И СПУТНИЦЫ

Разница между второй и третьей категориями была как между небом и землей. Никогда еще Дамианоса не снаряжали в путь так основательно. В прежние разы аминтеса переправляли через море со случайной оказией и с минимальными затратами, всегда одного. Теперь же он получил в свое распоряжение двадцативесельный корабль, капитан которого состоял на негласной службе в Сколе. Корабль был не боевой — торговый, и сам Дамианос считался купцом, готовящимся совершить плавание по обычному северному пути, которым товары шли из империи сначала вверх по полноводным рекам Скифского моря, потом вниз по худосочным рекам моря Сарматского, далее вокруг всей Европы спускались к Геракловым столбам и через Средиземное море возвращались в Константинополь. По дороге меняли греческие товары — ткани, украшения, сухие фрукты, вина — на драгоценные славянские меха и воск для свечей, на крепкое германское железо, на франк-

скую пряжу, на тонкорунную британскую шерсть, на прекрасных иберийских рабынь и ученых еврейских рабов. Торговали и в пути, по несколько раз нагружая и опорожняя трюмы. Кто благополучно завершал путешествие, занимавшее год или два, возвращался домой с прибылью в пятьсот процентов. Во время войн с арабами (то есть теперь почти всегда) круговое плавание вокруг континента становилось невозможным — и тогда корабли поворачивали из франкских краев обратно, обходясь без иберийского живого товара. Рабы со славянских рынков, крепкие и выносливые, тоже были в цене.

Подготовка заняла три недели. Пришлось ждать, пока соберется большой караван. В одиночку на север мог бы отправиться лишь тот, кому не терпится расстаться с имуществом и жизнью. На диком Данапре, да и дальше, во многих местах, купцов подстерегало множество опасностей. Пятьсот процентов прибыли дешево не достаются.

Дамианос не собирался плыть вокруг Европы. Его маршрут был много короче. Согласно разработанному в секретоне плану, оборотистый византийский купец должен был остаться в Кыевом городе, открыть там торговый двор. Для разрешения нужно преподнести тамошнему царьку богатое подношение, да такое, чтобы Кый не только обрадовался дару, но и приблизил к себе дарителя. Трудно? Только не для специалистов Сколы. Наука внедрения аминтеса с учетом местных условий и параметров задания была детально проработана. Если готовилась экспедиция по первой, самой высокой категории, для прикрытия могли снарядить

целое посольство или даже организовать армейскую операцию.

С Дамианосом поступили проще. Протоканцелярий Агриппа прислал в порт Феодосия, на корабль «Святой Фока», где теперь жил аминтес, охотничьего леопарда — желтого и пятнистого аравийского барса. Псов да соколов ныне держат даже третьеразрядные государи, вроде полудиких германских герцогов. Но дрессировать барсов умеют только императорские звероловы. Полянский архонт должен прийти в восторг от такого подарка.

Что ж, оставалось лишь восхищаться изобретательностью сотрудников пирофилакса.

Обхождению с барсом предстояло еще обучиться, чем Дамианос с удовольствием и занялся.

Огромную кошку звали Гера, и капризностью нрава она не уступала ревнивой супруге Зевса. Попав на пришвартованный корабль, где всё было незнакомо и непривычно, а палуба скрипела и покачивалась, леопардиха первым делом разодрала до кости руку матроса, попытавшегося потрепать ее по загривку. Пристегнутая цепью к мачте, скалила страшные клыки, рычала, лупила упругим хвостом по доскам.

Дамианос велел оставить зверя в покое. Долго, не менее часа просто наблюдал.

Барсиха не успокаивалась, всё металась вокруг мачты — пока не намотала цепь так, что едва могла пошевелиться, притянутая к столбу за шею.

Тогда он подошел, заглянул в неистовые желтые глаза. Сдавленный хрип. Быстрый взмах когтистой лапы.

Агриппа сказал, что кошка слушается только своего хозяина, императорского ловчего. Больше никто приблизиться к ней не смеет.

Приручать самок — Дамианос знал — труднее, чем самцов. Самцу просто демонстрируешь, что ты сильнее, и он признает иерархию. С самкой нужно, чтобы она тебя полюбила.

Поднес к пасти, насадив на короткое копье, кусок сырого мяса. Не взяла.

Достал маленький кусок шлифованного стекла в медной трубочке, с помощью которого можно смотреть вдаль (приспособление из секретного арсенала аминтесов). Повертел так и этак, чтоб разбежались солнечные зайчики и радужные искры.

Леопардиха замерла, уставилась на чудо.

Любопытная, любит яркое. Что ж. Женщина как женщина.

Правила таковы: спокойная уверенность, никаких проявлений страха и враждебности. Полная естественность.

Поигрывая сверкающей штучкой, Дамианос подошел вплотную. Зверюга покосилась на него и снова стала смотреть на оптикон.

Подождав стигму-другую, Дамианос приступил к дрессировке, которая в данном случае ничем не отличалась от обычного ритуала ухаживания. Показал незащищенную руку. Медленно взял пушистое ухо. Стал почесывать.

Мурлыкнула.

Тогда дал кусочек сладкой смолы. Взяла. Задвигала челюстями. Пока жует — не цапнет.

Настало время чесать проволочной щеткой.

Вскоре желто-пятнистая тварь, отстегнутая с цепи, лежала и урчала, жмурясь от удовольствия. Потом перевернулась на спину и подставила белое брюхо с розовой проплешиной в паху.

Вот и всё. Можно начинать работу. Теперь она исполнит всякую команду, которую поймет. А по всему видно, что девочка она умная.

Подготовка — этап ответственный. Всякая мелочь имеет значение. Если чего-то не учел или что-то забыл, потом не исправишь.

Это были превосходные три недели. Ни минуты он не сидел без дела. По несколько часов в день возился с Герой. Раза два сходил с ней за город на охоту — погоняли в холмах косуль.

Собрал походную аптеку. Тщательно подготовил оружие и присланные Агриппой инструменты. Самыми ценными из них были автоматоны, иначе называемые трипокефалами, то есть «дыроголовыми» — тоже инструменты, только живые. Вернее, полуживые.

Этих особенных рабов умели готовить только в Сколе. Секрет охранялся почти так же строго, как тайна сифонофора — корабельного огнемета, с помощью которого один дромон легко уничтожил всю флотилию Воислава. Но производством сифонофоров занималось одно ведомство, изготовлением горючей смеси другое, а подготовкой прислуги третье, и полностью военной тайной не владел никто, даже сам базилевс. Автоматонов же изобрел пирофилакс и весь сложный процесс их обработки держал в своей многоумной голове.

Кандидатов отбирали из числа тяжких преступников, осужденных на жестокую казнь. Предлагали выбор: лютая смерть или операция. Без согласия пирофилакс людей автоматонами не делал, это противоречило его этосу.

Согласившемуся пробивали в особых точках черепа две дырки и каким-то секретным способом прижигали участки мозга. Четверо из пяти прооперированных умирали или впадали в паралич. Но каждый пятый выживал и превращался в ходячую машину, лишенную собственной воли. Автоматон не обладал чувствами. Мыслить не умел. Не ведал ни боли, ни усталости, ни страха. Если не дать еды и питья — не попросит. Дыроголовые вообще не умели говорить. Но простые команды, особенно если повторить дважды или трижды, понимали. И выполняли даже ценой собственной жизни.

Трипокефалов использовали для несложных, но смертельно опасных или вовсе самоубийственных заданий, на которые ни за что не согласился бы человек с разумом. Например, если требовалось умертвить вражеского вождя, окруженного хорошей охраной. Автоматон шел напролом и совершал порученное, а если бывал схвачен, то бестрепетно выносил любые пытки. Можно было не опасаться, что истукан выдаст пославшего.

Своих двух дурней — огромных, полусонных — Дамианос прозвал Гогом и Магогом. Днем и ночью, если не поступало приказов, они сидели на корточках у борта, свесив головы — в каждой две серебряные пробки на месте пробоев. Спать не спали, им это было не нужно. Еще одно полезное назначе-

ние автоматона: сторожить сон хозяина. Более надежных часовых на свете не существовало. Чтобы твой трипокефал воспринимал приказ, нужно свистнуть ему особенным образом — для каждого автоматона по-своему. Почему урод откликался на один посвист, но не откликался на другой — загадка. Тайной этой тоже владел только сам Кириан, а Дамианосу пришлось просто научиться, как пробуждать к действию Гога и как — Магога.

Занятый всеми этими хлопотами, он велел себе не думать о том, что будет после возвращения с севера. Преемник пирофилакса? Длинная жизнь? Тихая старость? А Геката пусть подождет?

Там будет видно. Скоро представится много возможностей встретиться с Белой Девой. Нет, мошенничать, нарочно подставляясь под удар, он, конечно, не станет. Но всегда можно дать себе задачу, которая повысит шансы на долгожданную встречу. Потом снова. И снова. Пока наконец не окажешься по ту сторону сна.

Посулили Дамианосу и еще кое-что, нечто уж вовсе небывалое: второго аминтеса в помощники. Он, вопреки обыкновению, даже разволновался. Привык работать в одиночестве, и мысль о том, что можно отправиться на задание вдвоем с точно так же подготовленным товарищем, показалась невообразимой роскошью.

Он знал еще двух полубратьев-славян. У одного мать была хорватка, у другого дулебка. Языки эти немного отличались от северных наречий, но различия не мешали пониманию.

— Не тот и не другой, — ответил протоканцелярий. — Второй аминтес не славянской крови.

— Зачем же он мне тогда?

— Увидишь — поймешь, — отрезал каменный Агриппа.

Дамианос потом приставал к нему каждый день: где помощник? Надо ведь хоть сколько-то научить его языку, рассказать про обычаи варваров, предостеречь от опасных ошибок.

Начальник канцелярии сначала говорил: успеется. Ближе к отплытию стал говорить: научишь по пути, дорога длинная.

Потом Дамианос перестал и спрашивать. Решил, что приказ о помощнике отменен.

Оказалось, нет.

В день отплытия, 9 мая, Дамианос прогуливался по палубе и ждал, когда отдадут концы. «Святой Фока» был самым последним из двенадцати судов. Передние уже скрылись за длинным дугообразным волноломом, а хвост каравана всё еще томился у причала. Капитан сказал: раньше чем через полчаса не отчалим.

Гребцы дремали у весел, матросы торчали на палубе, перекрикиваясь с оставшимися на берегу подружками. Барсиха нервничала, чуя, что грядут какие-то перемены, жалась к ноге Дамианоса, и он успокаивающе покручивал ей ухо.

Вообще-то Агриппа обещал прийти попрощаться и передать последние инструкции, но, видно, никаких новых указаний не появилось, а сентиментальностью канцелярский сухарь никогда не отличался.

Вдруг кто-то из матросов громко сказал:

— Ого, вот это краля! Хочешь такую, Лупус?

Другие заинтересованно столпились у борта.

— Позовите господина Дамианоса! — послышался знакомый надтреснутый голос.

Явился все-таки.

Пристегнув Геру к мачте, Дамианос спустился по трапу.

Агриппа стоял рядом с поставленным на землю паланкином. Внутри, потягиваясь, сидела женщина — на нее-то и пялились матросы.

Женщина и вправду была необычная. Мелко вьющиеся, будто вскипевшие черным облаком волосы; золотисто-коричневая кожа; тонкий, чуть загнутый нос с аккуратно вырезанными ноздрями;

сочные алые губы — и большущие глаза, которые вблизи оказались синими и дерзкими. Полукровка с эфиопской кровью, определил Дамианос, еще ни о чем не догадавшись.

— Новые инструкции от пирофилакса? — спросил он. — Давай, корабль вот-вот отойдет.

— Инструкций нет, — ответил Агриппа. — И господин ничего тебе не передавал. Разве что-то осталось неясно?

— Зачем же ты приехал? Обнять меня на прощанье? — съязвил Дамианос, в глубине души все-таки ожидавший какого-то прощального послания от отца, раз уж тот произвел его в законные сыновья.

— Я привез обещанного аминтеса. Имя — Гелия.

В первый миг Дамианос лишь разинул рот. Уставился на африканку. Она с любопытством и, как показалось, презрительно оглядывала его с головы до ног.

— Зачем мне женщина? — возмутился Дамианос. — Да еще черная! Что я с ней должен делать?

— Подарить тавроскифскому архонту.

— Но для этого у меня есть барс!

Агриппа терпеливо объяснил:

— Барса посадят в клетку. А красавица будет делить с архонтом ложе. От барса ты ничего полезного не узнаешь. Гелия же будет твоими глазами и ушами.

— Никакой славянин, тем более князь не польстится на такую худобу! — фыркнул Дамианос. — У них совсем иные представления о красо-

те! Идея, может быть, и неплоха, но нужно было спросить моего мнения — я бы выбрал женщину получше.

Эфиопка зло сверкнула глазами — точь-в-точь леопардиха, пока ее не приручили.

— Мы не будем спорить, — скучливо сказал протоканцелярий. — Таков приказ пирофилакса. Передать ему, что ты отказался выполнять?

После этого оставалось лишь скрипнуть зубами.

— Мятеж подавлен? — мягким, хрипловатым голосом протянуло темнокожее создание. — Я могу спускаться? — Грациозным движением спрыгнула наземь. — Коринда, дура проклятая, где ты?

Из-за паланкина вышла желтоволосая баба с оголенными по плечи толстыми ручищами. Ее мясистое, и без того непривлекательное лицо уродовала раздвоенная до самого носа заячья губа.

— Неси мои вещи на корабль! Живо!

— Это страшилище тоже с нами едет? По приказу пирофилакса? — мрачно спросил Дамианос начальника канцелярии.

Ответила Гелия:

— Ты хочешь делать мне притирания сам? Будешь массировать мне живот, спину и ноги? Готовить ароматические ванны?

— Какие еще ванны? — воскликнул он. И осекся.

Служанка взвалила на спину какие-то узлы, а на голову без видимого усилия взгромоздила огромную лохань из лакированного пробкового дерева.

— Куда нести, госпожа? — прогудел голос из-под корыта.

— В каюту. Есть же на этом жалком кораблике какая-нибудь каюта?

— Одна. И ее занимаю я, — сквозь зубы процедил Дамианос.

— Отлично. Вот туда и неси.

Дамианос в бешенстве взглянул на Агриппу. У того в глазах поигрывали странные искорки. Если не знать протоканцелярия, можно было бы вообразить, будто чиновнику весело. Но Агриппа даже не знал, что такое веселье.

— Удачной дороги, протоаминтес, — невозмутимо сказал сухарь.

Плюнув ему под ноги, Дамианос с разбегу вскочил на борт корабля — трап уже убрали.

Нет, ну это надо же было додуматься! Пирофилакс действительно стареет.

ПУТЬ К КАТАРСИСУ

Воды были свои, ромейские, никто кроме византийцев через них не плавал. Поэтому первые пятьсот миль, путь от Константинополя до северного берега Скифского Понта, караван преодолел без опасений и предосторожностей, на веслах и парусах, подгоняемый попутным ветром. Всего пять дней и пять ночей ровного, бессобытийного бега по пустынным волнам — и вдали показалась плоская, прерывистая линия: гигантский лиман, весь состоящий из островов и протоков. Здесь изливались в море две большие реки, Борисфен и Гипанис, или по-славянски Данапр и Бог-река. Немногим более полугода назад из этой дельты выплыла на свою погибель флотилия северицкого князя Воислава.

Дни морского путешествия Дамианос думал посвятить делу, требующему покоя и сосредоточенности. Помимо основного задания — оценить степень опасности и устранить ее, буде окажется серьезной, — аминтес получил еще одно. В Академии его научили новому искусству — составлению

карт. Требовалось нарисовать путь от моря до среднего течения Данапра — с обозначением всех изгибов реки, притоков и островов, с рельефом берега, а главное со знаменитыми каменистыми порогами, на которых погибло столько купеческих караванов. В море Дамианос собирался подготовить всё необходимое для этой непростой работы: собрать панно из отдельных восковых табул и на каждую нанести мелкую сетку из тонких линий, чтобы потом с точностью размечать направления и рассчитывать расстояния.

Никогда еще он не отправлялся на задание с таким комфортом. Капитан уступил важному пассажиру свою каюту. Это было крытое помещение на корме, маленькое, но обособленное, укрытое от чужих глаз. Посередине — отличный стол, по бокам — окошки для света, сзади — широкая скамья, чтобы спать. Была даже (неслыханное роскошество) персональная латрина: дыра в полу, прикрытая крышкой.

Но скамью бесцеремонно заняла эфиопка, да еще в углу положила подстилку для своей свиноподобной служанки. Всё остальное пространство заняла вещами. На столе разложила какие-то баночки, щеточки, коробочки, водрузила целых два зеркала — чтобы любоваться собой не только спереди, но и сзади.

Дамианос отвоевал себе половину поверхности и попробовал было работать, но это оказалось совершенно невозможно.

Гелия была несносна. Эта женщина просто не умела сидеть смирно и вести себя тихо! То затеет

расчесывать свои густейшие волосы — с треском и чуть ли не искрами. То начнет присыпать кожу гороховой мукой — обчихаешься. То прислужница мнет ей спину, а чертова африканка сладострастно охает. Еще она подолгу вертелась перед своими зеркалами, и ладно бы молча — так нет: пела какие-то дурацкие песенки, не сказать чтоб мелодично.

Когда же Дамианос сказал, что хочет в пути научить ее самым необходимым славянским фразам и рассказать об обычаях этого народа, Гелия отмахнулась. Она всё время была чем-нибудь занята и никогда чем-то полезным. Разговаривала только о ерунде.

Ну пирофилакс! Спасибо за такую напарницу.

Чудесной латриной попользоваться Дамианосу ни разу не довелось, потому что проклятые бабы всё время торчали в каюте. Поэтому протоаминтес должен был таскаться по нужде к борту, как самый последний гребец. Сама же Гелия оправляться при мужчине не стеснялась — только хохотала, когда Дамианос отворачивался или выходил.

Еще хуже было то, что она ежедневно принимала ванны с морской водой, преспокойно раздеваясь донага. Узкая в талии фигура, острые груди, несоразмерно длинные ноги — всё противоречило классическим канонам, и тем не менее было в темносмуглом теле что-то такое, от чего перехватывало дыхание и линии на восковой табличке шли вкривь. В тесной каюте от стола, за которым он сидел, до ванны можно было дотянуться рукой.

Наверное, Гелия была красива, даже очень красива. Но красота ее была противоположна красоте

Гекаты. «Та — Белая Дева, а эта — черная и не дева», — подумал в один из дней Дамианос. Разозлился, что позволил себе сравнить возвышенное с низменным, и в досаде воскликнул:

— Разве тебя не учили, что показывать наготу чужому мужчине нельзя?

Любовно погладив себя по бедрам, она со смехом ответила:

— Во-первых, ты не чужой мужчина. Я твоя сестра, разве ты забыл? А во-вторых, в Гимназионе нас учили прямо противоположному.

У Гелии была поразительная способность втягивать его в бессмысленные разговоры. Так случилось и в этот раз. Стало любопытно.

— Я ничего не знаю про Гимназион для девочек. Как он устроен? Чему там обучают?

Ойкнув, эфиопка опустилась в ванну. Коринда подливала в морскую воду кипяток.

— У нас было три разных класса: один для умных, другой для красивых, третий для умных и красивых — в нем-то я и училась. Обожгла, дура! — Гелия влепила служанке звонкую затрещину. — Иди, мой латрину, дура! Только на это и способна!

— А если девочка не умная и не красивая?

Не способных к наукам сыновей Кириана — изредка попадались и такие — отсылали в солдаты. Но ведь девочку в армию не отдашь?

— Уродливых и глупых учить перестают. Они становятся служанками, вроде Коринды.

— Она твоя сестра?! — Дамианос изумленно уставился на безобразную толстуху, которая, стоя на коленях, терла тряпкой отверстие в полу.

— И твоя тоже.

А ведь верно. Он умолк, стал размышлять о пирофилаксе.

— Когда у человека столько детей, они перестают представлять собой ценность, — сказал Дамианос задумчиво. — Никто не знает, сколько у нас с тобой сестер и братьев. Сам пирофилакс этого не знает.

— Сейчас узнаем. — Гелия любовалась высунутой из воды ногой. — Проще простого.

— Откуда?

— Посчитаем. Для этого нужно сначала взять число женщин, которых наш папочка обрюхатил...

Грубое слово покоробило Дамианоса — об отце так говорить нельзя. Надо было бы сделать девке замечание. Но любопытство пересилило.

— Откуда же ты возьмешь это число?

— Тоже мне задачка. — Она встала, наклонилась, задев его плечо твердой грудью, и цапнула со стола табулу. Стерла ладонью с таким тщанием нанесенную сетку. — Дай стилус. — Снова плюхнулась в воду, обдав его брызгами. — Кириан представил базилевсу проект Сколы сорок лет назад. Это всем известно. Через восемь лет открылся Гимназион, и туда поступили первые ученики. Правильно?

— Ну да. Я был в четвертом по счету выпуске. И что из этого следует?

— Считаем. Сорок лет к папочке приводили женщин, готовых к зачатию.

— Как это — «готовых к зачатию»?

Она снисходительно посмотрела на него.

— Протоаминтес, а простых вещей не знаешь. Женщины могут понести только в самой середине

своего месяца. Не мешай, сбиваешь! — Палочка быстро выводила по воску цифры. — Итак. Иногда он бывал в отъезде, или служба мешала, или еще что-то, но будем считать, что в течение первых двадцати лет наш жеребец каждый год покрывал, допустим, по триста кобылиц.

Дамианос покривился, подумав о Всенеже, — и опять не одернул нахалку.

— После сорока пяти лет мужчины слабеют. Предположим, что еще лет десять ему водили женщин в среднем через день. Потом — опять-таки в среднем — раз в неделю. Итого приблизительно получается, что наш папаша посеял семя восемь тысяч раз... Предположим, в половине случаев оно не проросло — это обыкновенная пропорция. На выкидыши и смерть в младенчестве уберем еще половину. — Дамианос подумал, что она чиркает палочкой и считает гораздо быстрее, чем он. — Выходит, что всего у нас с тобой около двух тысяч братиков и сестренок.

«Две тысячи братьев и сестер?! Вероятно, так и есть». Он был потрясен и в то же время удивлялся на себя — как это ему не пришло в голову осуществить такой несложный подсчет самому?

Гелия бросила на стол табулу. С любопытством поглядела на Дамианоса.

— Когда ты станешь пирофилаксом, ты тоже будешь плодиться, как кролик?

Он вздрогнул.

— Что?! Откуда...

Оборвал себя. «Молчи!» И так вырвалось лишнее.

Эфиопка засмеялась.

— Я всё знаю. Меня учили, что всё знать — второе главное оружие женщины.

Он опять заглотил нехитрую наживку.

— А какое первое?

— Умение пользоваться мужчинами. Искусная женщина делает сама лишь то, что ей нравится, а для всего остального использует мужчин. У нас в школе вас называют «инструментами».

— И как же нас, инструменты, используют?

— Ой, это очень легко. Определи, в чем слабость мужчины, и манипулируй, как хочешь.

Дамианос усмехнулся.

— А если слабостей нет?

— Так не бывает. Какое-нибудь незащищенное место есть у каждого. Даже у Кириана Великого.

— У отца? Слабость? — Поверить в это было трудно. — Какая же?

— Ты, — засмеялась Гелия. — Есть сыновья не хуже, но он выбрал тебя. И теперь я знаю почему. Из-за того, что у тебя пятно на лбу. Пирофилакс придает этой ерунде какое-то особенное значение. Ну не глупость? Кстати сказать, клякса на лбу — единственное, что мне в тебе нравится.

Он не поспевал за поскоком ее мыслей.

— Почему?

— Люблю окружать себя уродами. Они интересны. У Коринды заячья губа, у тебя кто-то будто для потехи нарисовал на лбу аккуратненький кружок.

И захохотала. Пустые, ненужные разговоры, в которые Гелия так ловко его втягивала, всегда этим заканчивались: она веселилась, он раздражался.

Но теперь он понял, что она злит и дразнит его нарочно. Ищет слабое место, подбирает отмычку — чтобы потом «манипулировать».

Пускай, если ей так привычней.

Нравится ему эта африканская лиса или нет, задание им выполнять вместе. Другого помощника не будет...

На шестые сутки ромейский караван вошел в пресные воды. Берега, вначале едва видимые за пятнами бесчисленных островков поймы, понемногу сузились. Ветер, дувший с моря, стих. Паруса обвисли.

Теперь корабли плыли намного медленней — на одних веслах, против течения. Капитан головного судна, он же начальник всей экспедиции, дал сигнал сократить дистанцию до двух плетронов. По обоим берегам двинулись верховые, зорко глядя по сторонам. В степи всегда нужно быть настороже. Но до мест по-настоящему опасных пока было далеко. Там, на севере, находился знаменитый Катарсис, которым пугали новичков люди, уже ходившие этим путем прежде.

Семь дней и семь ночей, без остановок, караван поднимался вверх. На восьмой день передний корабль бросил якорь посреди Данапра, у длинного лесистого острова. Предводитель каравана (его называли арабским словом *амирал* — от «амирал-бахр», «начальник моря») созвал всех на совет.

Двенадцать купцов и столько же капитанов сели в круг на песчаном берегу.

Дозорный с мачты заметил всадника, который опрометью скакал на север, рассказал амирал. Бы-

валые люди тяжко вздохнули. Купец-суконщик Карп, никогда не плававший великим речным путем, спросил:

— И что такого?

Не ему одному, а всем, кто совершал путешествие впервые, амирал объяснил:

— Это несомненно лазутчик степных разбойников. Впереди засада. Мы приближаемся к порогам. Каменные гряды пересекают Данапр в семи местах. Там скалы, надводные и подводные камни, стремнины. Семь раз нам придется высаживаться, иногда даже выносить на берег грузы и тянуть суда на канатах. Именно на порогах нападают грабители.

— Но нас на двенадцати кораблях четыреста человек! И половина — воины!

— Они тоже воины. И их иногда бывает очень много.

Суконщик спросил:

— На сколько миль тянутся эти проклятые пороги?

— Примерно на пятьдесят.

— И варвары могут накинуться где угодно?

— Могут, — терпеливо ответил амирал. — Но они нападут у четвертого порога. Мы называем его Катарсис, потому что, если пройдешь это плохое место благополучно, облегчается и очищается душа.

— Откуда ты знаешь, господин, что дикари устроили засаду именно на Катарсисе? — недоверчиво спросил Карп.

— Потому что я иду этим путем седьмой раз. Однажды нам повезло, и степняков на порогах не было. Остальные шесть раз нас подстерегали у Ка-

тарсиса. Корабли там можно тянуть только вдоль левого берега, а обзор из-за скал ограничен. Это позволяет разбойникам накинуться с близкого расстояния. Лучники успевают выпустить всего по три стрелы — и всадники уже рядом.

Каллист, самый богатый из купцов, доставлявший большой заказ императору франков, простонал:

— Зачем только отправился я в этот путь? Почему не послал приказчиков? Скажи, господин, а нельзя от грабителей откупиться?

— Для этого нужно знать, кто устроил засаду. Если шайка славян или вэрингов, дикарей с дальнего севера, можно дать им серебра, и они уйдут. Если это степные шарандеи, ничего давать не будем. Они храбры, только когда не получают отпора. Но у Катарсиса может поджидать какое-нибудь племя, пришедшее из глубин Великой Степи. Есть такие варвары, которые не умеют договариваться.

— Как мы узнаем, чей был лазутчик? — впервые нарушил молчание Дамианос, спросив про существенное.

— Я отправил на разведку двух опытных людей. Завтра они вернутся. Тогда будет ясность.

Завтра вечером амирал снова всех собрал. Он был хмур.

— Третье, — сказал он. — Какие-то неизвестные варвары. Очень опасные.

Все зашумели, стали спрашивать, что поведали разведчики.

— Ничего. Они не вернулись.

— Откуда же ты получил сведения, господин?

— Со славянами и даже с вэрингами мои люди договорились бы. Шарандеев заметили бы — они неловки. Если не вернулись — значит, захвачены или убиты. Я говорил вам, это очень опытные разведчики. Поймать их мог только враг еще более опытный. И не расположенный к переговорам. Выводов три. Враг силен. Безжалостен. И хочет забрать у нас всё.

Воцарилось тягостное молчание.

— Что же делать? — тоскливо спросил кто-то.

— Решайте сами. — Амирал оглядел собравшихся, и Дамианос понял: не хочет брать на себя ответственность. — Может быть, варвары не сильны, а просто самоуверенны. Тогда мы отобьемся и поплывем дальше. Не хотите рисковать жизнью и товарами — встанем здесь лагерем и будем ждать. Я слышал, что через месяц отправляется еще один караван, больше нашего. Вместе мы прорвемся.

Ответом ему был общий стон. Времени терять никто не хотел. К тому же увеличение количества товаров сбило бы на них цену.

— Как узнать, сильны разбойники или просто самоуверенны? — спросил Дамианос.

— Теперь никак. — Амирал пожал плечами. — Савр и Дукас были самыми лучшими. Других добровольцев я не найду. Остается лишь помолиться Господу. Двинемся вперед, уповая на милость Всевышнего.

Бодрость была фальшивая, никого она не обманула.

— А если Господь решит наказать нас за грехи? — жалобно сказал Каллист. — Подозреваю, что грешников здесь немало...

— Тогда одних убьют, а кому повезет — угодит в рабство, — охотно пояснил начальник и воинственно потряс кулаком. — Лично я за прорыв. Но решать вам, господа купцы. Мы, моряки, у вас на службе.

Остальные капитаны молчали. Лишаться жизни из-за чужих барышей никому из них не хотелось.

— Давайте голосовать, — упавшим голосом молвил Каллист. — Я за то, чтобы остаться здесь.

— Это потому что тебе не торговать, а только доставить заказ! — крикнул виноторговец. — А у меня вино прокиснет!

— Не надо торговать паршивым вином, — огрызнулся кто-то, и все загалдели. Каждый старался перекричать остальных.

Дамианос подошел к амиралу:

— Я пойду и выясню, кто там и сколько их.

— Это верная гибель для человека, не знающего славянские земли. Разве ты бывал здесь прежде?

— Не вернусь — останетесь ждать следующего каравана, — сказал Дамианос, не ответив. — Что вы теряете?

Амирал пожал плечами: ты предупрежден, остальное — дело твое.

— Я отвечаю за тебя, господин, — зашептал сзади Горгий, услужливый капитан Дамианосова корабля. — Я обещал протоканцелярию Агриппе, что благополучно доставлю тебя в Кыев.

— Хочешь пойти в разведку со мной? — обернулся к нему аминтес.

Горгий побледнел, умолк. Он не был трусом. Но даже храбрые люди боятся неизвестности.

...Риска на самом деле было немного. Хоть на данапровских порогах Дамианосу бывать не доводилось, но повадки степных хищников он знал неплохо, а всю опасную работу выполнит автоматон.

Он взял с собой Гога, потому что тот был совсем тупым и мог воспринимать только самые простые команды. Для этого дела достаточно.

В первый день неблизкого пути они миновали три порога. Пустые места Дамианос обходил стороной, всё время был начеку, но особенно не таился. Амирал объяснил, с какого места следует соблюдать предельную осторожность.

Как только впереди закипели буруны и река сначала стиснулась, а потом расширилась, Дамианос свистнул трипокефалу:

— Не отставай.

Катарсис представлял собой три гряды камней. Между первой и второй шагов триста, между второй и третьей — около восьмисот.

День кончался. В сумерках лезть на рожон было нельзя. Переночевали.

С утра Дамианос торопиться не стал. Залег в высокой траве и долго присматривался к первому барьеру. Никаких подозрительных звуков, никакого движения.

— Иди туда. Дойдешь до серой скалы — жди меня. Нападут — убивай.

Пришлось повторить трижды, только тогда Гог кивнул. Как только понял, чего хочет хозяин, сразу двинулся вперед, без колебаний.

Широкой, размеренной поступью, покачивая шипастой дубиной на плече (холодного оружия ав-

томатонам не давали — могли порезаться), он дошагал до камней и замер там.

Значит, чисто.

Дамианос взял мешок с провизией, быстро пересек открытое пространство.

Вторую пустошь Гог преодолел тоже без приключений. Оставалась еще одна, самая широкая. В этом месте Данапр тоже разливался широко, чуть не на милю, но простор был обманчив: из воды там и сям торчали острова и островки, утесы, просто большие камни.

Затаившись в щели между скалами, Дамианос смотрел во все глаза. Засада могла быть только здесь. Или впереди, за последней грядой, или слева, где в двух стадиях от берега тянулась кривая балка.

Трипокефал дотопал до середины, когда раздался заливистый свист, подхваченный многоголосым улюлюканьем.

И из-за передних скал, и из балки одновременно вылетели всадники, на скаку растягиваясь двумя дугами. Не славяне — степняки, определил Дамианос, на всякий случай вжимаясь в землю. Косматые шапки, седла без стремян и низкорослые, мохнатые лошади. Что за племя?

Автоматон шел себе как ни в чем не бывало. У него был приказ дойти, куда велено, и ждать. А прочее его не занимало.

«Стрел не пускают. Хотят взять живьем. Знакомы с работорговлей. Стало быть, не карачаи — те убивают всех без разбора, даже женщин».

Прижал к глазнице оптикон. Всадники были уже совсем близко от Гога. Один с лету закинул на

плечи верзиле аркан. Автоматон от рывка упал, но через полстигмы поднялся. Веревку он своими могучими лапищами разорвал. Палицу взял за самый кончик. Приказано убивать, если нападут? Напали. Будет убивать.

Мечущиеся вокруг конники еще несколько раз захлестывали удавку — и Гог легко, будто нитку, разрывал ее.

Тогда степняки спешились и подступили к великану.

Ох, зря. Трипокефала можно взять живьем, только если накинуть сверху прочную рыбью сеть или большой кусок плотной просмоленной ткани.

Дубина взлетала и опускалась. Всякий раз в сторону отлетала фигурка и уже не поднималась. Но разбойники всё наседали — должно быть, им очень хотелось заполучить такого сильного пленника.

Дамианос тихонько выругался. Он подумал было, что полсотни всадников, которые выскочили из укрытий, — это и есть вся засада. Однако из балки и из-за скал выезжали всё новые и новые верховые. Всем хотелось поглазеть на диво: как один человек бьется против целой ватаги и она ничего не может сделать.

Кто же это такие? Сарыки, живущие в низовьях Танаиса? Пришедшие издалека ясоги? Заитильские бешкиры?

Ответ на этот вопрос Дамианос получил, когда к собравшейся на поле толпе приблизился всадник в островерхом шлеме с конским хвостом. Перед ним расступались. Лицо вождя было черным. При-

ладив оптикон, Дамианос разглядел, что это кожаная маска. Ах, вот это кто...

Предводитель поднял руку, что-то крикнул, и Гога оставили в покое. Вокруг растерзанного, но нисколько не ослабевшего автоматона образовалось пустое пространство.

Трипокефал замер, беспомощно огляделся в поисках хозяина. Он не знал, что теперь делать: бить дальше дубиной или идти вперед?

Хан не захотел больше терять людей. На траве и так уже валялось пять или шесть тел.

Зазвенели тетивы луков, и через несколько мгновений бедный автоматон был весь утыкан стрелами. Он покачался, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул.

Как степняки подбирают своих мертвецов, Дамианос уже не видел. Он тронулся в неближний обратный путь. Идти предстояло весь остаток дня и потом еще целую ночь.

За сведения пришлось заплатить дорогую цену. Теперь в распоряжении аминтеса оставался всего один автоматон.

Но в Кыев попасть все равно нужно. Задание получено и должно быть выполнено.

КАТАРСИС

— Это бродячий курень калгатов, — сказал Дамианос на совете. — Никогда раньше их не видел, но мне рассказывали. Племя кочует вдоль берегов Каспия, даже до хазар добирается нечасто, а так далеко на запад их, кажется, еще не заносило. Про калгатов говорят, что их набеги всегда изобретательны и коварны.

— Если ты никогда не видел калгатов, как ты понял, что это они? — спросил амирал, но без недоверчивости, а почтительно. По-видимому, он догадался, в каком ведомстве служит необычный купец.

— По кожаной маске вождя. Лицо хана могут видеть только его жены, а больше никто. Это неплохо придумано. Таинственность укрепляет авторитет власти, — прибавил Дамианос, вспомнив прием послов в Консисторионе.

— Сколько их? Как они вооружены?

— Человек триста. Я видел луки, копья, сабли. И, как у всех кочевников, арканы, которые они хо-

рошо бросают издалека. Кольчуг нет. Это всё. Больше мне сказать нечего.

Все стали смотреть на начальника.

— Три сотни — нестрашно, — сказал амирал. — У нас сто двадцать или сто тридцать человек будут тянуть корабли, а для обороны останется двести семьдесят, из них двести регулярных солдат. Мы отобьемся легко и без серьезных потерь. Завтра утром снимаемся со стоянки, господа купцы. Капитаны, готовьте суда к проходу через пороги.

На второй день медленного продвижения, преодолев три порога, караван приблизился к четвертому. Он был бы не самым трудным, потому что глубина позволяла вести корабли, не разгружая, — если б не удобная для засады балка да не щербатая стена скал, в зазорах между которыми легко было спрятаться врагу.

Двигались так.

На каждом корабле остался только капитан, вставший к рулю. Гребцы — от восьми до двенадцати человек, в зависимости от размера, — тянули судно на веревках. Все остальные вооружились и рассредоточились по берегу. Корабли шли плотно, один за другим, и всё же караван растянулся на добрых полмили.

Дамианос остался сзади, у воды. Лезть в бой он не собирался. Зачем? Белая Дева сочла бы такой риск жульничеством.

Аминтес шел рядом с последним из кораблей, положив на плечо собранный манубалист, — думал проверить оружие в деле, с безопасного расстояния.

Сзади тяжело топал Магог. Капитан Горгий покрикивал на кряхтевших тянульщиков. Гелия с удобством расположилась на палубе, готовясь к интересному зрелищу. Сходить на берег она категорически отказалась и служанку тоже не пустила.

Кажется, начальник каравана хорошо знал свое дело. Вооруженные матросы и купцы с приказчиками были во второй линии, первую же составляли солдаты, распределенные на пять *лохов* по сорок человек: во внешнем ряду латники-гоплиты, внутри — лучники и пращники. При налете конницы лох закрывается щитами, превращаясь в черепаху, и ощетинивается длинными копьями, так что не подступишься, а стрелки на выбор истребляют вражеских предводителей и храбрецов.

Между лохами поддерживалась дистанция в полтораста шагов. Если нападут на один, два соседних придут на помощь с флангов, а еще два останутся охранять корабли.

Дамианос поглядывал на балку, откуда вот-вот должны были выскочить калгаты, и думал о том, что военное дело — такая же наука, как любая область знаний. Ученый всегда одолеет неученого.

Вот взять любого воина-варвара — хоть славянина, хоть степняка — и выпустить один на один против византийского солдата. Дикарь наверняка победит. Он сильнее, ловчее, храбрее, потому что вырос в суровом и грубом мире, где слабые не выживают.

Но двое регулярных солдат убьют двух варваров, потому что обучены действовать в паре. Один будет прикрывать себя и товарища, второй — наносить

удары. Четверо ромеев справятся с десятком. Лох без больших потерь отобьется от сотни. А уж *таксис*, состоящий из тысячи солдат, да в построении «глубокая оборона», да под командованием опытного таксиарха, будет не по зубам целой орде дикарей.

Калгаты!

Из-за утесов, а затем и из оврага с воем и визгом вылетели верховые. Сунулись с разлета на передний лох — и откатились, потеряв несколько человек. После этого всадники заметались по полю, пуская стрелы в остановившиеся и закрывшиеся щитами отряды. К каждому сзади подтянулись корабельные команды, чувствуя себя в безопасности под прикрытием солдат.

Дамианос был разочарован в калгатах. Слывут мастерами коварных атак, а сами ведут себя, словно трусливые шарандеи: только вопят да попусту переводят стрелы. Может, кто-нибудь сунется на дистанцию прицельного выстрела?

Он вставил в паз манубалиста короткую стрелу (она называлась «болт») и стал ждать. Гребцы остановились, держа корабль на канатах. Они тоже смотрели на поле. Капитан у руля, Гелия, разинувшая свой уродливый рот Коринда — все были увлечены видом боя.

Из-за спины вдруг раздался странный звук — будто кто-то хрипло смеется. И сразу вслед за тем истошный женский визг.

Резко обернувшись, Дамианос обмер.

Капитана сзади обхватил рукой мокрый, голый человек. Сверкнуло лезвие ножа. Из горла багровой струей ударила кровь.

Еще несколько таких же блестящих от воды смуглых фигур быстро передвигались по палубе. Коринда прижалась к мачте, закрыв руками лицо. Визжащую Гелию держал за шею широкоплечий, могучий детина.

Над бортом согнулся узкоглазый, жидкобородый человек — рубил натянутый канат изогнутым клинком.

Калгаты! Откуда они взялись?!

Тут Дамианос увидел, что от каменистого острова, вокруг которого пенились воды стремнины, быстро гребя веслами, поперек разлива несется десяток легких лодок. Все держат курс на последний корабль флотилии.

И всё стало понятно.

Не зря калгаты слывут ловкими налетчиками. Нападение конницы — не более чем отвлекающий маневр. Разбойники не собираются захватить весь караван, у них для этого недостаточно сил, и не увезти им с собой в далекие степи столько добычи. Они хотят ограбить замыкающее судно, самое уязвимое из всех.

Калгаты живут на берегу моря, они превосходные пловцы. Несколько воинов добрались сюда вплавь, чтобы обрезать канаты и отогнать корабль на середину реки. А там перегрузят товар в лодки и уйдут.

Неплохо задумано.

— Дамианос!!! — закричала эфиопка. — Дамианос!!!

Канаты лопались один за другим — нож у варвара был острым.

Корабль уже разворачивало течением. Оставалось всего два троса. Гребцы вцепились в них, но тяжесть судна затягивала их в воду.

Дамианос вскинул манубалист, пустил варвару в грудь стрелу. Знал, что корабль все равно не удержать. Но расчет был иной.

Через несколько мгновений вместо убитого калгата появился другой и перерезал остальные канаты. Но в это время Дамианос уже висел под бортом на обрывке кормового троса. Враги этого маневра не заметили.

Автоматон стоял, тупо смотрел на хозяина. Гребцы размахивали руками, звали солдат на помощь. Но охрана отбивала атаку конницы, назад никто не смотрел. Да и что теперь можно было сделать?

Судно всё дальше отходило от берега. Терять время было нельзя.

Перебирая руками, аминтес поднялся, осторожно выглянул из-за верхней кромки борта.

Один калгат, с вытатуированным черным пауком на груди, стоял на руле, правя навстречу лодкам.

Второй, здоровенный, караулил пленниц: держал за шею Гелию и локтем той же руки прижимал к мачте Коринду. В другой руке угрожающе держал нож. Коротко обернулся — на груди мелькнула черная голова волка.

Дамианос вспомнил, как ему рассказывали, что калгаты награждают татуировкой только самых отчаянных храбрецов.

Где остальные?

Словно в ответ на этот вопрос из люка один за другим поднялись еще воины — все тоже с татуировками: у первого клыкастый змей, у второго бык, у третьего медведь, у четвертого череп. Калгаты отрядили на захват корабля лучших из лучших.

Эти четверо притащили снизу тюки с товаром. Бросили в кучу около борта, спустились обратно. Ясно: готовятся перегружать добычу в лодки.

Шестеро — много. Пожалуй, не справиться.

Сердце аминтеса радостно забилось. Встреча с Гекатой могла произойти прямо сегодня. Сейчас.

На своем обычном месте, подле кормовой мачты, рычала и била хвостом прицепленная Гера — ей всё это не нравилось.

Таиться больше было незачем. Теперь всё решала быстрота.

Рывком он перемахнул через борт и сразу, без малейшей остановки, побежал к корме, на бегу выдергивая из поясного чехла нож.

Рулевой ощерился и крикнул что-то гортанное на языке, не похожем ни на один, известный Дамианосу. Но точно брошенная *махера* уже вошла ему в подвздошье, прямо под черного паука.

Умирающий еще бился, еще хватался за рукоятку, но Дамианос не обращал на него внимания. Просто оттолкнул ногой, вывернул кормило и наскоро закрепил рычаг тросом. В голове всегдашний счетчик времени сам собой отщелкивал моменты — как учили когда-то в Гимназиуме.

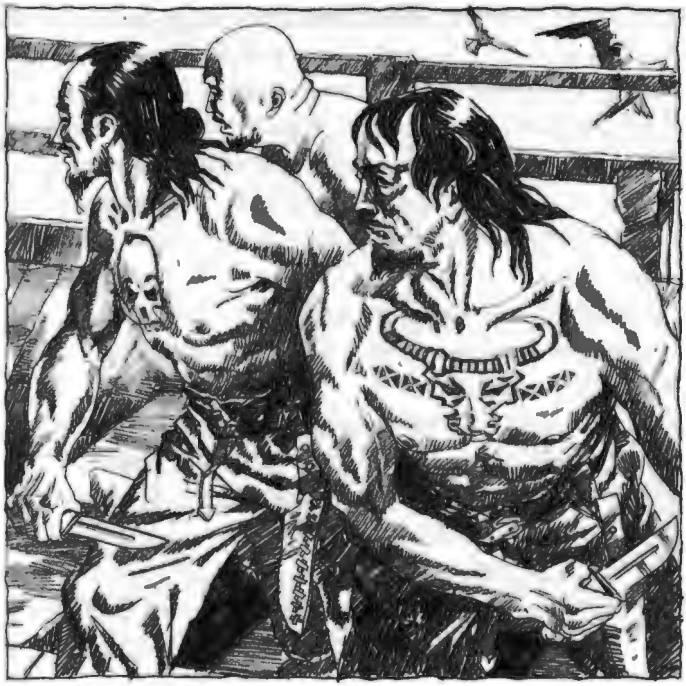
На счете «четыре» Волк перестал хлопать глазами и, не выпуская женщин, громко позвал остальных.

На счете «восемь» корабль дрогнул и начал поворачиваться носом в обратном направлении.

На счете «десять» из трюма полезли калгаты-грузчики.

Увидев, что враг один и собою невелик, они не особенно встревожились. Не стали и торопиться. Плечом к плечу, неспешные и уверенные, двинулись к корме. По всему было видно, что это бойцы опытные, бывавшие во многих переделках. Подпускать к себе всех четверых было никак нельзя.

Дамианос локтем проломил висок Пауку, чтобы не дергался. Выдернул из раны махеру и швырнул



в самого сильного и неповоротливого воина — Медведя. Попал куда метил. В пах. Калгат, как и следовало, с воплем переломился пополам. Оттолкнувшись от палубы, Дамианос в высоком прыжке перемахнул через раненого и оказался позади разбойников. От неожиданности они замешкались.

Этими несколькими моментами (с пятнадцатого до восемнадцатого) он воспользовался, чтобы отстегнуть Геру. Шепнул ей охотничью команду «Пшш!», что означало «Взять!».

И без того взбешенная, леопардиха ринулась вперед. Сшибла с ног Змея, и они покатились по

палубе. Двое остальных позабыли о Дамианосе, заметались над рычащим, визжащим, брыкающимся комом, пытаясь помочь товарищу.

Волк по-прежнему не отпускал Геру и Коринду. Угрожающе выставил клинок — боялся, что женщины в суматохе прыгнут за борт. У степняков рабыни ценятся больше, чем рабы, потому что дают приплод.

Этот калгат был крупнее прочих. Тугие мускулы бугрились на могучей груди, вздувались жгутами на предплечьях.

С одним противником, даже самым сильным, справиться нетрудно. И все же Дамианос замешкался. Боялся: если напасть, разбойник ранит Гелию, чтоб не могла убежать.

Уходили драгоценные мгновения.

Вдруг эфиопка схватила Коринду за затылок и толкнула вперед — прямо на острие ножа. Сама отскочила в сторону, к борту. Судно, слушаясь руля, медленно приближалось к берегу, где бегали и размахивали руками люди.

— Бей его, бей! — закричала она.

— Прыгай за борт! — приказал Дамианос. — Уходим!

Время упущено. Сейчас трое остальных прикончат барсиху, а одному от четверых не отбиться.

— Что встала? Прыгай!

Но проклятая баба чего-то ждала.

Зато не ждал Волк. С неожиданной для такого богатыря ловкостью он бросился вперед и сбил Дамианоса с ног. Руку с ножом удалось перехва-

тить и вывернуть, но варвар вгрызся в горло зубами.

От боли потемнело в глазах. Перехватило дыхание.

Слыша собственный хрип, похожий на рычание, Дамианос подумал: «Сейчас я буду с тобой, сейчас...» Он всё сделал честно. Гекате не в чем его упрекнуть.

Раздался еще чей-то рык, громкий и яростный.

Хватка на горле ослабела. На шею и лицо полилось горячее. Волк стал еще тяжелее, чем был, но теперь Дамианосу удалось вырвать нож, а затем и спихнуть с себя громоздкую тушу.

На него скалилась красной пастью Гера. Лизнула хозяина шершавым языком, жалобно простонала.

В следующее мгновение Дамианос повалился на бок — это корабль врезался килем в песок.

Волк лежал ничком. Сзади на раскромсанной шее булькала и надувалась пузырями темная кровь. Барсиха перегрызла калгату основание черепа.

А где остальные?

Их не было.

Должно быть, отшвырнув дикую кошку, увидели, что судно повернуть уже не успеют, и спрыгнули в воду.

— Не ранен? — спросила Гелия, ощупывая Дамианоса. — Ничего, только горло помято. Смешно. Этот зубами за шею тебя, а леопардиха — его.

— Убери руки!

Он ощупал следы укусов и, честно говоря, порадовался, что остался жив. Досадно было бы предстать перед Белой Девой с глоткой, перегрызенной грязными зубами степного разбойника.

Бой, оказывается, уже закончился. Калгатская конница, пыля по истоптанному полю, уходила за утесы. Повернули обратно к острову и челны. Сегодня разбойники обойдутся без добычи.

Матросы, подхватив обрезки канатов, выровняли корабль. Он чудом не ударился о торчащие из воды камни. Борта были целы, груз тоже не пострадал.

Под мачтой, скрючившись, тихо стонала служанка. Дамианос отодвинул руки, зажимающие рану, пощупал холодную испарину на узком лбу.

Умирает...

Сжал пальцами артерию, чтобы зря не мучилась.

Сказал Гелии:

— У нас стало одной сестрой меньше. Зачем ты толкнула ее на нож?

— Иначе он убил бы нас обеих. — Эфиопка наморщила коричневый нос. — Эх, жалко. Коринда была глупа, как корова, но прекрасно делала массаж.

Теперь Дамианос осмотрел Геру. В четырех местах порезана ножом, но неглубоко. Смазать защитным эликсиром, а потом сама залижет. Через неделю под шерстью будет не видно.

— Молодчина! — Он потрепал кошку за ухо, но Гера недовольно фыркнула. Не любила, когда рядом с хозяином находилась Гелия.

А та всё глядела на мертвую служанку. Дамианос заметил, что глаза бессердечной африканки полны слез.

— Ты плачешь? — удивился он.

— Еще бы мне не плакать! Кто теперь сделает мне ванну? — Гелия горько-прегорько зарыдала. — Я хочу ванну! Я хочу ванну! — повторяла она. — Этот дикарь хватал меня своими сальными руками!

С ванной она, однако, превосходно управилась сама. Налила речной воды, насыпала ароматической соли, даже приготовила кипяток, чтоб не холодно сидеть.

В кои-то веки вела себя тихо. Дамианос, тщательно нанося на воск точные контуры порога Катарсис, всё время чувствовал на себе ее взгляд. Покосился — увидел, что изящно выщипанные брови красавицы сосредоточенно сдвинуты.

— Ты почему не прыгнула за борт? — спросил он. — Чуть нас обоих не погубила.

— Не умею плавать. В Гимназионе не научили. Зачем женщине плавать?

Это ему не приходило в голову. Мальчиков, будущих аминтесов, заставляли переплывать Перепонтиду туда и обратно, в том числе под водой, дыша через трубку. Пятый год обучения.

— Я тоже хочу спросить... — Гелия запнулась, что было на нее непохоже. — Зачем ты полез на корабль? Тебя чуть не убили.

— Не знаю, чему учат в Гимназионе женщин, а нам вколачивают с семи лет: «Первый закон Ско-

лы — аминтесы не бросают друг друга в опасности», — ворчливо ответил он, ругая себя, что сам ввязался в разговор. Теперь спокойно не поработаешь.

— Так ты это сделал ради меня?

— Отстань! Мешаешь.

Плеск воды. Гелия поднялась во весь рост. Медленно провела ладонями по бокам, сверху вниз, будто стягивая с себя тесную одежду — хотя кроме кожи снимать ей было уже нечего. От этого бессмысленного жеста у Дамианоса внезапно пересохло во рту. Он смотрел на мокрое, словно высеченное из агата тело, и не мог отвести взгляда.

— Хочешь? — низким, словно убаюкивающим голосом проворковала эфиопка. — Иди сюда. Трогать тебе понравится еще больше, чем смотреть. А любить меня — лучшее, что бывает на свете...

Он не пошевелился. Чувствовал, что не может вздохнуть. «Нет, — сказал себе Дамианос. — Нет. Не поддамся». Покачал головой.

Гелия поняла его неправильно.

— Какая я тебе сестра? Мы прежде ни разу даже не встречались.

Дело не в этом. Женщины, с которыми он имел дело, любили за деньги. Это не было изменой Белой Деве. Но тут другое...

— Я замерзла, — поежилась Гелия. — Возьми накидку. Вытри меня.

«Нет, это не измена, — решил он. — Гекате не нужно мое тело. Наоборот: пока оно живо, мы не

встретимся. Я волен распоряжаться плотью по своему усмотрению».

— Благодарю, — сказал он, поднимаясь. — Я воспользуюсь твоим предложением. Заодно проверю, какая из тебя наложница.

Ничего подобного он не испытывал ни с одной профессиональной блудницей — даже в «Саду Эпикура», где ночь с гетерой высшего разряда стоит четыре серебряных милиарисия. Будто на полчаса или на час (а действительно — на сколько?) перестал быть собой и стал кем-то другим: легким, беззаботным и счастливым.

После объятий Дамианос лежал на скамье, смежив веки, а Гелия легкими касаниями массировала его разнежившееся тело.

— Мы с тобой совсем непохожи, а родинка у тебя точно такая же, как у меня. Вот здесь, видишь?

Он открыл глаз. Женщина приподняла себе левую грудь, где действительно светлела продолговатая родинка.

— Хорошо хоть, у меня нет метки на лбу. Этой дряни от папаши я, слава Всевышнему, не унаследовала. Повезло. А то пришлось бы затирать мазью. То ли дело прелестная родинка в прелестном месте. — Она любовно погладила свою кожу и снисходительно заметила: — Твоя тоже ничего. Дай поцелую.

— У меня на груди родинка? — Он снова зажмурился. — Не замечал...

— Это потому что вы, мужчины, редко смотритесь в зеркало... Точь-в-точь такая же, как моя, только кажется темной. Потому что у тебя кожа белая. Белая, но грубая. А у меня темная, но потрогай, какая гладкая.

— Трогал уже. Перестань щекотать меня. Далась тебе эта родинка.

— Слушай, — вдруг оживилась Гелия. — А ведь это значит, что и у пирофилакса такая должна быть. Взялась ведь она у нас откуда-то? Вот мужчина, которого невозможно представить голым. Как только он детей делает? — Она фыркнула. — Наверно, стоит, завернутый в тогу. Женщину подвозят к нему на тележке, в предписанной инструкцией позе. Великий человек отложит секретный документ, исполнит свое дело и говорит: «Достаточно. Увезите».

— Прекрати! — рассердился он. — Я чту свою мать и не хочу слушать такое.

— А я свою не помню. Никогда не видела.

Наконец болтунья замолчала. Правда, ненадолго.

Задумчиво произнесла:

— Ты странный. Первый раз с таким спала. Обнимаю тебя, а ты будто не здесь. Где ты был?

Во время любви Дамианос воображал, что его ласкает Белая Дева. Никогда прежде себе такого не позволял. Теперь стыдился.

— Ты лучшая из женщин, кого я знаю, — сказал он вместо ответа. И уточнил: — На Земле.

Она польщенно рассмеялась.

— Знаю. По этой дисциплине я была лучшей в классе.

— Вас в Гимназионе обучают и этому? — заинтересовался он.

— А ты как думал? Без этого «инструментом» как следует не овладеешь.

— И что же в любовной науке главное?

— Две вещи. Внимательное наблюдение и холодная голова.

— Ты не была холодной, — усмехнулся Дамианос. — Твое истошное мяуканье, я думаю, распалило всю команду.

Гелия царапнула его ногтями и издала точно такой же звук, как во время любовных утех — страстный, кошачий, волнующий.

— Этому нас тоже учат. Но тебя обманывать я не хочу. Я не испытываю наслаждения. Во время учебы нас за это наказывали. Это вредно и опасно для женщины-аминтеса.

— Тебе не было приятно? Совсем? — поразился он.

— Мне было приятно, что тебе хорошо, — ответила Гелия, подумав. И покачала головой. — Удивительно. Такое со мной впервые. Пожалуй, я буду ждать следующего раза с удовольствием.

— Спасибо, но следующего раза не будет. — Он сел на скамье. Пора было возвращаться к прерванной работе. — В жизни и так много печального, а любовь без наслаждения, с холодной головой — это совсем грустно.

— Ты меня жалеешь, — догадалась Гелия. — Зря. Женщина, чей дух свободен от любви, свободнее всех на свете.

— Своих детей ты тоже любить не будешь?

— Ни у кого из нас не может быть детей. Они мешают службе.

— ...Скоро мы приплывем в Кыев, — сказал Дамианос, чтобы закончить длинный и ненужный разговор.

«Так что больше все равно ничего не будет», — означали эти слова.

Гелия кивнула.

ДАМИЛАНИЗАЦИЯ. СТАДИУМ ПЕРВЫЙ

К Кыеву, городу славянского царька, чье поведение вызывало тревогу у бдительного Оберегателя Огня, караван подошел в полдень, на двадцать пятые сутки пути.

Сначала вдали, слева, вырос большой холм, весь черно-серый от крыш и опоясанный бревенчатой стеной. Потом, за острым лесистым мысом — там в Данапр впадала какая-то речушка, — показалась длинная пристань. Она была настоящая, с дощатым причалом, что изрядно удивило Дамианоса. Он никогда раньше не видел у славян так основательно устроенных корабельных стоянок.

И сам город оказался гораздо больше, чем ожидал аминтес. У Воислава в его Градце была сотня домов — даже не домов, а вырытых в глине полуземлянок, и только сам князь жил в приземистом, грубо срубленном тереме. Столицу северичей окружали вал с частоколом да ров.

Кыев же был защищен высокими дубовыми стенами. Дома, насколько можно было судить издалека, были настоящие, даже с окнами. Крыши тесаные, а самая высокая из них покрашена в алый цвет — для северных краев, куда краску привозят из Византии, неслыханная роскошь.

Передние суда уже давно причалили, а хвост каравана всё подтягивался. Это было кстати — Дамианосу хотелось получше приглядеться.

С холма и из пригородного посада (под стенами тоже теснились дома) к реке густо валили люди. Прибытие греческих купцов, конечно же, было для Кыева важным событием.

У пристани собралась толпа тысячи в полторы, если не в две народу.

Поразило Дамианоса не столько небывалое для лесного народа многолюдство, сколько поведение людей. Они стояли на берегу и на причал не входили — даже торговцы с мешками и лотками. Никто не лез к кораблям, не давился, не толкался, мальчишки не клянчили подачек. Кыевляне просто смотрели на всё прибывающие суда и переговаривались между собой.

Эта диковинная для варваров да и для всякой толпы чинность очень Дамианосу не понравилась. «Всего необычного и неожиданного опасайся» — так учат в Гимназионе.

— Странно, что с передних кораблей никто не сходит, — сказал он одноглазому Лизиппу, бывшему кормщику, который после гибели Горгия стал временным капитаном «Святого Фомы». Они стояли на мостике бок о бок.

— Я уже бывал здесь прошлой осенью, господин, — почтительно объяснил Лизипп. — Архонт Кый установил твердые порядки. Пока он не позволит, торговля не начнется. Местные жители не смеют входить на пристань, и нам тоже спускаться нельзя.

— И слушаются? — удивился Дамианос, зная привольные нравы славян.

Здешние поляне тоже не выглядели забитыми или робкими. Это всегда заметно по поведению женщин. Кыевские держались еще бойчее и свободнее, чем северицкие. Правда, про полян говорят, что они своих баб держать не умеют, много воли дают. Так и есть. Мужики стояли смирно, толковали между собой негромко, зато женщины звонко перекрикивались, хохотали, показывали пальцем. И одеты были ярко, нарядно — ведь город торговый, богатый.

Какая-то глазастая разглядела Геру, нервно жавшуюся к хозяину.

— Гляньте, какая кошка! С телка! Желтая, в черное яблоко!

Поохали, похохотали. Потом обратили внимание и на Дамианоса.

Мощная бабища, похожая на каменного истукана, что торчат на степных курганах, крикнула:

— А грека-то при ней, грека! Мозглявенький! Я такого на руки возьму!

— Меня возьми, Красава! — предложил кто-то из мужчин. — На кой тебе грека?

Снова гогот.

Дамианос делал первые выводы.

Веселые. Сытые. Ведут себя свободно. Но при этом слушаются князя, даже когда его рядом нет. Пирофилакс, как всегда, прав. Всё это тревожно.

На монументальную Красаву, державшуюся царевной, аминтес посмотрел мрачно. Не из-за шутки, конечно, а из-за Гелии.

Вот что такое по-славянски настоящая красавица: высокая, толстая, грудастая, краснощекая. Ох, не понравится князю дар византийского купца. Пожалуй, не возьмет, отдаст обратно.

Еще неделю назад мысль, что Гелия может остаться при нем, привела бы Дамианоса в ужас. А сейчас подумалось без испуга. Не странно ли?

— Архонт пожаловал, — показал капитан.

С холма к первому судну чинно двигалась процессия. Впереди шел человек в алом плаще и такой же алой шапке. Это несомненно был Кый. У славян алый цвет считается самым главным — как у ромеев пурпурный.

— Пока все корабли не обойдет, каждого купца про товар не расспросит и что ему нужно в пошлину не заберет, на берег не сойдем... Это долго. Не угодно ли отобедать, господин?

Лизипп очень старался угодить. Видно, надеялся остаться капитаном. В отличие от покойного Горгия он не состоял на службе в Сколе, но о чем-то, конечно, догадывался.

Дамианос покачал головой. Он изучал местность.

Почти вплотную к городу подступал вековой сосновый бор. Зато противоположный берег Дана-

пра, сколько хватало глаз, был почти безлесен, только кое-где темнели небольшие рощи.

Отсюда, с границы великого Леса и великой Степи, умный правитель может распространять свою власть и на восток, и на запад. Речная торговля даст средства, а люди придут сами — они всегда тянутся туда, где достаток и покой. Столица Воислава была расположена много хуже, а сам он при напористости и храбрости умом не блистал.

Поглядим, каков Кый.

Лишь три часа спустя князь со свитой добрался до конца каравана. Пока Кый посещал соседнее судно, Дамианос сумел рассмотреть человека, ради которого проделал путь более чем в тысячу миль.

Владетель речного города был невысок, кряжист, с черной бородищей до середины груди. Из-за этого фигура казалась квадратной. В каж-

дом движении ощущалась недюжинная сила. Но у варварских племен вождь всегда богатырь, иначе не удержаться у власти. Простые народы уважают только силу. Жрец может быть слабым или калекой, но не князь, которому водить в бой дружину.

Шапка алого сукна у Кыя была с собольей оторочкой, хотя день выдался жаркий — уже начиналось лето. На широком плаще-корзне сияла золотая пряжка. В торжественных случаях Воислав наряжался точно так же. Чтоб издали было видно: князь.

Кыя сопровождали воины с красными щитами — как на подбор рослые и плечистые. Но на корабль они не поднялись. Славянские князья держат телохранителей не для защиты, а для почета. Считается, что настоящий витязь сумеет оборонить себя сам. Очень хорошо, что Кый придерживается этого обычая. Возможно, простейшим решением проблемы окажется убийство. В отсутствие охраны это будет нетрудно.

При Кые был только седой хромец в белой рубахе с узорным поясом и меховой шапке попроще — куньей. Кто таков?

Дамианос заглянул в каюту к Гелии.

— Сейчас прибудут. Ты гото...

И поперхнулся.

Эфиопка сидела в углу, с головой замотанная в накидку тусклого серого цвета.

— С ума ты сошла! Немедленно наряжайся во всё лучшее! Ты должна варвару понравиться!

— Я стала к нему хорошо относиться. Думаю про него. А он хочет поскорей от меня избавиться, — с укором сказала Гелия. — Хоть бы взгрустнул.

— Будь ты проклята! — ахнул Дамианос. — У нас *задание*! В таком виде я не могу дарить тебя князю! Он оскорбится!

— Идут, господин! Пора! — позвал капитан.

Погрозив женщине кулаком, Дамианос прошипел:

— Приведи себя в надлежащий вид! Живо!

И выбежал на палубу. Доски трапа уже скрипели под тяжелыми шагами.

Аминтес встал на шаг впереди Лизиппа и согнулся в поклоне, исподлобья глядя на приближающегося князя.

Если с самого начала правильно определить склад личности, потом будет проще.

Опыта Дамианосу было не занимать. На своем веку он повидал немало славянских да и всяких прочих вождей.

Немолод, за сорок. Нос большой, на конце сизый. Если от бражничества — хорошо бы. Нет, это след старого обморожения... Лицо широкое, полнокровное. Степенное. Но взгляд из-под густых черных бровей быстрый.

Приручить этого варвара будет труднее, чем Воислава.

— Ну, а здесь что? Кто купец? Этот? Что у него на корабле?

Фразы были короткие, как принято у славян, но голос не зычный, как можно было ожидать при

такой внешности, а тихий. Так говорит человек, привыкший к тому, что его внимательно слушают и ни одного слова не упустят.

Хромец (а, вот кто это — толмач) повторил то же на греческом — ломано, но понятно.

— Я Дамиан из торгового дома «Евстахиос», — еще ниже склонился Дамианос, произнося свое имя так, чтобы оно проще звучало для славянского уха. — В трюме тысяча мешков отборной киликийской пшеницы. Размер пошлины мне известен: двадцатина, пятьдесят мешков.

Князь, как и предполагалось, скучным грузом не заинтересовался, лишь кивнул.

— Спроси, Хрив, куда этот Демьян путь держит. Не в варяги ли? Или дальше?

— Ты везешь зерно к вэрингам? Или на ту сторону Сарматского моря? — перевел седой.

В это время Гера, которую Дамианос усадил сзади, да еще заслонил плащом, высунула башку и фыркнула.

— Ишь ты! — Кый не шарахнулся, как это сделал бы всякий, а только изумился. Не робкого десятка. — Что за котище?

— Пардус, — объяснил Хрив — видимо, человек бывалый. — Греки держат для потехи.

— Спроси, зачем ему? Не продаст ли? Сторгуйся.

— Князь хочет пардуса, — перевел хромой. — Даст за него десять соболей. Или двадцать куниц. Если зверь обучен охоте.

— Леопарда нельзя обучить охоте. Он должен научиться сам. Эти звери дороги, потому что их

нужно ловить взрослыми. Занятие трудное и опасное, — принялся рассказывать Дамианос. Нужно было завладеть вниманием князя, чтобы получше к нему приглядеться. — Позволь, архонт, я расскажу тебе, как ловят леопардов. Охотники наливают в источник, куда барсы ходят за водой, много кувшинов сладкого вина. Сами ложатся на землю, накрывшись козьими шкурами, которые заглушают запах человека. Зверь приходит, пьет и пьянеет. Сначала кружится на месте и танцует. Потом ложится и засыпает. Тогда его можно взять...

Он понятия не имел, как ловят леопардов, и выдумал эту историю на ходу. Важно было понаблюдать, как будет слушать Кый. На лице вождя попеременно отразились удивление, недоверие, потом веселость. Не поверил. Умный. Это осложнит задачу.

— Платы не нужно, — с поклоном закончил аминтес. — Барса я привез архонту в подарок. Сейчас покажу, что умеет дикая кошка. Я обучил ее многим вещам.

Дамианос цыкнул особенным образом, и Гера прижалась к палубе, готовая к прыжку.

— Фсссс!

Желто-черным зигзагом промчалась по палубе, развернулась.

— Шрррр!

Вернулась, легла у ног.

Зрители на берегу зашумели. Князь сказал:

— Знатно!

Но это была лишь разминка.

Дамианос велел Гере вскарабкаться на середину мачты и спрыгнуть вниз, потом пробежаться по кромке борта. Леопардиха не подвела. Она понимала, что ею любуются и восхищаются, поэтому старалась вовсю.

— Вот так пардус достает с дерева подстреленную птицу, если она застряла наверху. Может пробежать по ветке. А так он гонится за оленем... Ксссс! — Гера молнией пронеслась от носа до кормы. — Слушается только хозяина. Скажи: если подарок нравится архонту, я обучу его всей премудрости.

— Пусть обучит, — велел князь, любуясь кошкой. — Пока не научит, дальше не поплывет. Караван подождет, сколько надо.

Он говорит сложными предложениями, отметил Дамианос. Варвар, но не дикарь.

Пока всё шло в соответствии с планом. Первый подарок Кыю понравился, и появилась возможность общаться с князем напрямую.

Но насчет второго подарка имелись серьезные сомнения...

— У меня для архонта есть еще один дар. Не знаю только, придется ли по нраву... Я привез искусную в любви девку. Она не похожа на обычных женщин. Такие, как она — тонкие и черные, — сейчас у нас в большой цене. У самого великого кесаря такая же наложница, — соврал он. — Гелия, выйди к архонту!

Из каюты появилась эфиопка.

Дамианос стиснул зубы.

Она так и осталась укутанной в серую тряпку, укрыв ею и волосы на манер платка. Худая, темнолицая, робко глядящая себе под ноги.

Это она нарочно, догадался Дамианос. Хочет, чтобы князь от нее отказался! Нельзя было с ней путаться! Женщины, как и кошки, привязчивы. Но Гелию, в отличие от Геры, за поводок к новому хозяину не отведешь и командам его не научишь...

Тут еще и Хрив, старый черт, сказал:

— Брешет грек. Царь Михаил еще отрок. Нет у него наложниц. И кто такую лядащую возьмет? Зазор тебе, княже. Дает, что самому негоже.

Вдруг Гелия сделала неуловимое движение — будто стряхнула с себя что-то. Покрывало сползло с головы, пышные волосы высвободились, распрямились, зазолотились на солнце нестерпимым сиянием. Дамианос увидел, что в них вплетены тончайшие золотые нити.

Толпа на берегу ахнула. Князь моргнул. Старый толмач сотворил знак, каким отгоняют морочное наваждение.

Женщина повела плечами — и тряпка медленно стала спускаться ниже, ниже.

На Гелии была только короткая туника из полупрозрачной и блестящей сетчатой камки. Точеное тело, очерченное льющимися из-за спины солнечными лучами, казалось, тоже сверкает.

Гул стал громче. Кый заморгал чаще. Да и Дамианос тоже смотрел — не мог оторваться.

Наконец покрывало соскользнуло на палубу, и Гелия перешагнула через него ножками в плетеных

золотых сандалиях — невесомая и божественная, словно выходящая из морской пены Афродита.

— Вот мой подарок, архонт, — со скромным поклоном сказал Дамианос. И замер. Все-таки для славянина красавица была очень уж худосочна.

Бабы на берегу были того же мнения.

Первой высказалась громкоголосая Красава:

— Будто оса. Тьфу!

— А черная-то, черная! — подхватили другие. — Ножищи длинные, голые. Срам! И на башке не волосья — пакля смольная!

Но мужских голосов в этом хоре было не слышно, а князь, будто застыв, всё водил глазами по невиданной деве сверху вниз и снизу вверх. На леопардиху он больше не смотрел. Та зарычала, недовольная, что ею больше не любуются, и Дамианос успокаивающе почесал кошке загривок: я-то за тебя, не волнуйся.

Выждав немного, Гелия сделала еще один шажок к князю. Качнула бедрами, провела язычком по полным губам. Вождя варваров, отроду ничего подобного не видавшего, эти простенькие приемы поразили, как вспышка молнии. Он тоже облизнулся. Кашлянул. Осторожно протянул руки и пощупал просвечивающие через сетку груди — будто проверял, настоящие ли. Гелия мурлыкнула, наклонилась, пощекотала князю лицо своими благоуханными завитками.

Он отпрянул — чуть не споткнулся.

— Укусила? Змея! Руби ей голову с плеч! — закричали бабы. — Убей ее, княже! Заколдует!

Но Кый, не оборачиваясь, махнул рукой, и крики затихли.

— Спроси, Хрив, чего купец Демьян хочет за дары?

— Я прошу позволения остаться в городе. Хочу поставить склад и торговать. Из Константинополя мне будут привозить товары.

Толмач перевел, назвав ромейскую столицу на славянский лад «Царь-городом».

— Ладно. Вели дать ему место между Ёханом Жидятой и новым ляхом, как его, Бориславом.

«Вели»? Значит, старик не просто переводчик. Дамианос поглядел на хромого внимательней. Кто он? Где выучил греческий? Откуда знает про барсов?

— Этот чтоб утром на подворье был. С пардусом. Пусть покажет, как охотиться. А девку сейчас заберу.

Князь осторожно, словно не уверенный, понимает ли черная женщина человеческие жесты, показал рукой: иди на берег.

— Вели вынести мои вещи, — прошептала Гелия. — И да способствует тебе удача. Когда смогу, пришлю весточку.

Изящной походкой, словно танцуя, она сошла по трапу. Женщины смотрели на нее враждебно и ворчали. Мужчины молчали и сопели.

Что-то кольнуло у Дамианоса в сердце, когда он провожал Гелию взглядом. И пронеслась странная мысль: «Опять один».

Ну и что? Он всегда один. Разве бывает иначе?

Тряхнув головой, поздравил себя. Пока всё шло идеально: разрешение на жительство получено, прямая связь с вождем обеспечена, помощница внедрена.

И день еще не закончился.

До вечера Дамианос успел еще многое. Он любил первый стадиум работы, когда подготавливаешь площадку для последующих действий.

Прямо на пристани нанял собственного толмача — дунайского болгарина, который два года назад плыл на ромейском корабле от юга к северу, был высажен в Кыеве по болезни и прижился здесь. Болгарин был расторопен, жуликоват и болтлив — последнее Дамианосу особенно понравилось. Ему ведь требовался не переводчик, а посредник и поставщик сведений.

Дамианос узнал, какие в городе правила и обыкновения, да как устроено княжеское подворье. Выспросил, велика ли у Кыя дружина (полтораста конных и четыреста пеших); много ли жен и наложниц (с дюжину); сколько племен платит полянскому владыке дань (болгарин точно не знал, но сказал, что много). Объяснилось и про всезнающего Хрива. Он был *старый конюх*, то есть старшинствовал над конюшнями — одна из высших должностей во всяком княжестве. Пять лет провел в Херсонесе Таврическом, в плену у греков — отсюда знание языка и византийской жизни. Кый хромца ценит, во всем с ним советуется.

Значит, нужно будет подвергнуть *дамианизации* и Хрива.

Имя Дамианос означало «укрощающий» или «дрессирующий». Недаром говорится: какое у тебя имя, такая и судьба.

По роду службы аминтесу приходилось заниматься именно этим: дрессировать людей и подчинять их своей воле, да так, чтоб сами этого не сознавали. Теорию он изучал в Гимназионе и Академии, практику осваивал сам.

Наука как наука. Со своими законами, подразделами, границами возможного. Не такая уж сложная, когда привыкнешь. Случаются, конечно, исключения из правил, бывают и осечки, но редко.

Носильщики, нанятые болгарином, сложили вещи и мешки с пшеницей на пустыре меж двух дворов — здесь «константинопольскому купцу» выделили место для поселения. Завтра плотники срубят навес и поставят забор, пока же имущество сторожил Магог. С ним было спокойно: не отойдет, не уснет.

Болгарин уговаривал сразу построить и дом, обещал срядиться занедорого, но Дамианос велел обождать. Если дамианизация пойдет успешно, свое жилье не понадобится. Склад — иное дело. Пшеницу можно понемногу продавать, чтобы всегда иметь свободные средства. А потом из Константинополя доставят еще товара, какого закажешь.

Ночевал Дамианос на мешках, в обнимку с Герой. Спал крепко и сладко. Во сне виделся с Белой Девой. Геката всегда посещала его в первый день на новом месте.

А наутро свежий, готовый к преодолению любых препятствий, отправился на княжий двор, ведя леопардиху на поводке. Сегодня должно стать ясно, легкой или трудной окажется дамианизация.

Княжий двор находился в самой середине огороженного частоколом холма и тоже представлял собой маленькую крепость. Несколько поставленных вплотную больших срубов были повернуты глухими бревенчатыми стенами вовне — только верхний ярус щурился подслеповатыми бойницеобразными окнами. В окаем был еще и прорыт ров. Узкий мост упирался в массивные ворота, правда, раскрытые нараспашку, но с нависающей сверху железной решеткой, которую, очевидно, можно было захлопнуть одним поворотом рычага.

Осторожен Кый. Даже если врагам удастся, незаметно подкравшись со стороны леса, ворваться в город, князь сумеет отсидеться в своем детинце.

Проходя мостом, Дамианос заметил, что из прорези над воротами зорко смотрит часовой. Тоже необычно — Воислав и другие славянские вожди, с которыми аминтесу доводилось иметь дело, выставляли дозорных только во время войны.

Двор был просторный, шириной шагов в сто. Сюда выходили окна и двери многочисленных по-

строек, как жилых, так и хозяйственных: трехэтажный княжеский терем с высокой красной крышей и шатровым крыльцом, другой дом, поменьше (судя по прикрытым ставням — женский), две казармы-гридницы, длинная конюшня, псарня, амбары, закрома, птичник. Богато жил полянский князь. Прав пирофилакс: правитель, который построил себе такую резиденцию, глядит далеко, а метит высоко.

Людей на подворье почти не было. К Дамианосу, опасливо косясь на огромную кошку, подошел стражник. Кто таков и зачем пожаловал, не спросил — значит, был предупрежден. Сказал громко, как глухому:

— Князь с дружиной заутреннее кушают. Жди, грека. Понял?

И показал на середину двора, где торчал столб с изображением Перуна — поляне чтили этого бога выше других.

Что не позвали завтракать, Дамианоса не удивило. Право сидеть за княжьим столом еще надо было заслужить.

Ничего, дело привычное. На первом стадиуме нужно заставить себя уважать — создать репутацию. Для того существует немало проверенных способов.

— Поработаем, Гера?

Он отцепил цепь от ошейника, и барсиха потерлась ему о бедро, радостно ударила по земле хвостом. Бедняжка не знала, что они сегодня расстанутся.

Для начала Дамианос заставил ее просто побегать из конца в конец двора, чтоб разогрелась. Потом приступил к демонстрации. Подбрасывал тряпичный мяч, любимую Герину игрушку, и кошка в высоком прыжке цапала его зубами, приносила хозяину. По команде «вверх!» взбежала по отвесной стене конюшни, оттолкнулась задними лапами, перевернулась в воздухе и мягко приземлилась. На удачу глупый голубь вздумал напиться из лужи. «Добыча!» — показал Дамианос. Желтая стрела пронеслась по двору. Полетели перья.

На длинной лестнице, с двух сторон спускавшейся с крыльца, постепенно скапливались люди. Это выходили с завтрака дружинники и ближние княжьи люди. Во двор не спускались. Смотрели. Когда Гера выкидывала очередной фокус, восхищенно покрикивали. Дамианос не обращал на публику внимания. Даже когда краем глаза увидел на крыльце алое пятно — это вышел князь, — сделал вид, будто не замечает.

Из второго жилья, с прикрытыми ставнями, доносились ахи и взвизги. Он правильно определил: там обитают жены и наложницы. С ними ли Гелия? Всё ли у нее в порядке? Смотрит она сейчас на представление или нет?

Спросить не у кого, да и нельзя. Право задавать вопросы еще нужно завоевать. То, что туземцы глазеют на невиданное зрелище и восторженно гудят, это не уважение, а просто любопытство.

— Эй, Демьян! — позвал по-гречески с крыльца надтреснутый старческий голос. — Поди, князь зовет.

Это был *старый конюх* Хрив, стоявший рядом с Кыем.

Сделав вид, будто только сейчас приметил князя, Дамианос сдернул шапку и поклонился.

— Князь хочет посмотреть, каков пардус в охоте. Сейчас поедем. Тебе дадут коня.

Аминтес снова поклонился.

Ехать было недалеко. Только спуститься с холма, пересечь неширокое поле, а там уже начинался лес — и, как было хорошо известно Дамианосу, тянулся на сотни миль, прорежаемый разве что реками.

Конные загонщики углубились в чащу. Князь со свитой, а с ними и Дамианос остались на опушке, среди деревьев.

— Сейчас выгонят оленя, — пояснил Хрив то, что и так было понятно.

Дамианос сидел на корточках рядом с леопардихой. Шептал ей в ухо, почесывал. Кошка жмурилась.

Зрители зашевелились, стали показывать руками. От дальнего края леса на поле вылетели две стремительные тени — олень с оленихой. Следом, трубя и крича, скакали загонщики. Немного же времени им понадобилось, чтобы отыскать добычу. Должно быть, здешние леса кишат дичью.

Быстроногие животные неслись по открытому пространству, всё больше отрываясь от преследователей. Когда олень возьмет разгон, его не догонят даже гончие псы, достать можно только стрелой.

Уши у Геры встали торчком. Заметила. Тело, только что мягкое, напряглось и стало крепче стали.

Олени промчались в полусотне шагов от ждущих всадников.

— Скажи, пусть уберут луки, — сказал Дамианос хромому. — При охоте с пардусом они не нужны. Гера, рррых! Добыча!

Олениху, подотставшую от самца, Гера опрокинула одним скачком, налетев сбоку. В свите одобрительно зашумели.

— Лучше б пардус рогатого взял, — сказал князь. — Уйдет теперь рогатый.

Дамианос только усмехнулся.

Гера задержалась, только чтоб перегрызть оленихе загривок. Это заняло не более стигмы. Потом кинулась за самцом, в полминуты догнала его, запрыгнула на спину, повалила.

Наблюдая за погоней, дружинники улюлюкали и орали, а когда олень рухнул, взревели от восторга. Кый тоже кричал, хлопал себя рукой по бедру — от этих мощных ударов под князем приседала лошадь.

— А лося пардус возьмет? Спроси! — азартно спросил Кый.

— Возьмет, — ответил Дамианос.

— А медведя?

— Нет. С пардусом охотятся на быстрого зверя. Для охоты на сильного зверя пардус не нужен.

Раззадоренный зрелищем князь всё горячил коня, ерзал в седле.

Объявил:

— Ну так я медведя сам возьму, без пардуса. Эй, что берлога? Не тронули косолапого?

Ему ответили:

— Как можно, княже.

— Скажи греку, Хрив. Я на его охоту поглядел. Хороша охота. Теперь пускай он поглядит, как князь охотится.

— Архонт говорит, что будет охотиться на медведя. По-нашему. Один на один. Езжай со всеми. Увидишь, — перевел старик.

— Один на один? — изобразил удивление Дамианос, хотя отлично знал, как славяне ходят на медведя.

Обычные охотники бьют могучего зверя стрелами, чтобы сначала ослабить, а потом закалывают в несколько копий. Но князь, если только он хочет, чтоб дружина его чтила, должен брать медведя в одиночку. Это требует большой силы и ловкости.

Когда медведь, разъярившись, поднимется на задние лапы, нужно всадить ему в грудь копье на прочном древке — рогатину. Упереть тупым концом в землю и крепко держать, чтоб не перекосилось. Тогда зверь насадит себя на острие сам. Будет рассекать воздух когтистыми лапами, но охотника не достанет. А когда сомлеет, надо выхватить меч и добить медведя точным ударом в глаз.

Часа два кавалькада всадников и пеших псарей, вызванных из города, двигалась через лесные дебри. Дамианос привязал поводок барсихи к стремени. Лошадь сначала испуганно косилась на хищницу, но вскоре привыкла — разомлевшая от двух убийств и хозяйской похвалы Гера шла смирно.

Наконец вышли на край небольшой поляны, остановились. Нужно было дождаться, пока собаки поднимут зверя и выгонят его в нужное место.

Дамианос подошел к Кыю, встал между князем и его запасным конем, нагруженным охотничьим оружием. Никто не обратил на грека внимания — он находился здесь по приглашению вождя. Только Хрив спросил:

— Что это у тебя?

— Манубалист. Стреляет вот такими маленькими стрелами, — ответил Дамианос, вставляя болт.

— Зачем?

— Если архонт будет в опасности, я застрелю медведя. Манубалист много мощнее лука.

Хромой снисходительно усмехнулся:

— Нашего князя спасать не нужно. Он убил сто медведей. Или больше.

Но вдали раздался истошный лай, и разговоры прекратились.

Кый тяжело спрыгнул на землю. Снял с запасного коня тяжелую рогатину. Неспешно, вразвалку, сам похожий на медведя, вышел на открытое пространство.

На той стороне затрещали сучья, качнулись кусты. Мягким исполинским комом на поляну выкатился медведь. Таких матерых Дамианосу видеть еще не приходилось. Когда зверь, увидев приближающегося человека, вздыбился, стало видно, что князь головой едва достанет исполину до середины груди.

Зрители шумно дышали, подступив к Дамианосу вплотную. Пришлось чуть отойти, чтоб не мешали. Аминтес пристроил ложе самострела в развилку меж двух веток. Приготовился.

Кый показал себя охотником опытным и хладнокровным. Быстро побежал вперед, в пяти шагах остановился, подпер древко ногой и ловко принял на острие взбешенного великана. Сейчас главное было — правильно рассчитать центр тяжести, и князь отлично справился с непростой задачей.

Медведь взревел от боли, яростно замахал страшными лапами, но достать охотника не мог.

— Гей, княже! Красно́ вздел! — закричали все.

Вдруг что-то хрустнуло. Это переломилась рогатина. Зверь упал на человека, подмяв его под себя.

Вопль отчания и ужаса вырвался из множества глоток. Люди, на бегу обнажая мечи, кинулись выручать князя, да разве тут поспеешь?

А Дамианос был наготове. Он не зря крутился около запасного коня. Прорезал острым ножом до

середины древко рогатины, когда залаяли собаки и все стали смотреть на поляну.

Эта несложная комбинация в лексиконе аминтесов называлась «Автодеструкция»: самому создать опасность и самому же ее устранить, дабы заслужить благодарность человека, к которому нужно войти в доверие. Срабатывает безотказно.

Упор был хорош, прицел точен. Толстый болт почти до хвоста вошел в медвежий череп.

В следующее мгновение — спасатели были еще далеко — Кый выполз из-под туши, замахнулся мечом да и замер. Должно быть, увидел стрелу. Оглянулся.

Дружинники подбежали, обступили князя со всех сторон. Дамианос шел позади, очень медленно. Нужно было дать время хромому Хриву: пока доковыляет, пока объяснит князю, кто его спас.

Так и получилось.

Он еще не дошел, а все заоборачивались. Почтительно расступились. И теперь глазели не с любопытством, как давеча во дворе, а как надо — с почтением.

Погодите, славные поляне. То ли еще будет.

Князь был помят, с разодранной на груди рубахой, но почти цел. Лишь из царапины на обнажившейся груди сочилась кровь.

Благодарить за спасение, конечно, не стал — князю не к лицу.

Лишь сказал:

— Спроси, из чего он этим стрельнул?

Показал зажатый в окровавленных пальцах болт.

Дамианос снял с плеча манубалист. Продемонстрировал, как им пользоваться.

— Что хочет за самострел? Не торгуйся, Хрив.

Хитрый старик перевел:

— Князь купит твое оружие. Если не очень дорого.

— Не могу, — спокойно ответил Дамианос. — Не продается. Это манубалист моего отца. Могу заказать такой же для архонта в Константинополе.

Это был завершающий элемент первого стадиума, возможный только после успешной «Автодеструкции»: почтительный, но твердый отказ неважно по какому поводу. Такое поведение еще выше поднимает уровень завоеванного уважения.

И Кый настаивать не стал. Вернул манубалист, со вздохом молвил:

— Много у греков разных хитрых штук. А покупать не будем. Попроси у него после пострелять. Отдай мастерам. Пусть в точности таких понаделают.

Этого Хрив толмачить не стал.

Теперь, в новом статусе, пожалуй, можно было и задать вождю вопрос:

— По нраву ли пришлась князю наложница?

Хромец покривился, но перевел.

— Баба как баба, — неохотно ответил Кый. Но всё же ответил — тем самым признав, что грек заслуживает уважительного отношения. Отлично.

Гелия ему, кажется, не понравилась. Что ж, не всё удачи.

— Если черная рабыня архонту не по сердцу, я заберу ее обратно и закажу в Константинополе другую. Каких женщин предпочитает архонт? Толстых и белых?

Выслушав перевод, Кый небрежно махнул рукой:

— Пускай живет. Одной больше, одной меньше. Хватит про баб болтать. Пусть лучше расскажет, где бывал? В каких местах?

— Кроме Константинополя? Много где. В Деултуме Болгарском, в Гермонассе, в хазарском Итиле, в Синопе, в Херсонесе, в критском Гераклионе, в Иерусалиме, — стал перечислять Дамианос.

Хрив переиначивал названия, знакомые славянам, на местный лад. Гермонасс у него стал Тьмутараканью, Херсонес — Корсунью.

Князь слушал очень внимательно.

— Спроси, в Корсуни давно был?

— У меня там дом, — сказал Дамианос, зная, как все славянские князья интересуются таврическим городом.

— Пусть вечерять приходит. После трапезы говорить с ним буду. Еще вот что. Вели его на подворье поселить. Днем пускай учит меня с пардусом управляться. Вечером буду с ним беседы беседовать. Что знает — до донца выспросим.

«Всё. Первый стадиум благополучно завершен, — подумал Дамианос. — Я обеспечил себе

близость к предмету изучения. Заставил относиться к себе с интересом и уважением».

Выходит, правильно не стал заказывать плотникам дом. Не понадобится.

И еще вдруг подумалось: «А в общем скучно. Всё одно и то же. Из точки альфа в точку бета, со ступеньки на ступеньку, от стадиума один к стадиуму два, потом к стадиуму три. Полезная вещь наука, но лишает жизнь непредсказуемости».

ДАМИАНИЗАЦИЯ. СТАДИУМ ВТОРОЙ

Переход на второй стадиум — когда из чужака становишься если не совсем своим, то по крайней мере *принятым в туземную среду,* — осуществился в тот же день.

По возвращении в город Кый велел всем горожанам собраться во дворе и поклониться «греку Демьяну» за то, что уберег князя от гибели. Собралась толпа тысячи в полторы — должно быть, все мужское население.

Честь застала аминтеса врасплох и не особенно обрадовала. Слишком стремительный взлет чреват осложнениями. Когда оказываешься слишком на виду, кто-то начинает завидовать, кто-то ревнует. Покорные воле князя, люди поклонились, но это не было знаком прочного, надежного уважения. Его заслуживают не так.

Вечером, в трапезной, Дамианос удостоверился в правоте своих опасений.

Ужинать с князем садилась *старая* дружина, к которой относились начальные люди и все всадни-

ки. За длинными столами, поставленными четырехугольником, сидело человек полтораста, а то и двести. «Грека Демьяна» усадили по левую руку от Хрива, правее которого размещался сам князь. Почетно? Безусловно. Но как же угрюмо и неприязненно косились на иноземца дружинники, помещенные дальше от почетного места!

Ничего, эту трудность тоже можно было решить. На то имелись свои способы. Самый простой назывался «Большая собака». Как в собачьей стае всегда есть заводила, самый крупный и злобный из кобелей, так и во всяком мужском сборище непременно имеется записной задира. Такого нужно разозлить, чтобы полез в драку, — и хорошенько отлупить на глазах у остальных. Отлично помогает правильно поставить себя в воинской среде. Дамианос не раз пользовался этим нехитрым приемом. Науке рукопашного боя в Сколе обучали превосходно.

Однако через некоторое время стало понятно, что здесь с «Большой собакой» не получится. Дружинники Кыя вели себя не так, как буйная вольница северицкого Воислава и других князьков. Глотку не драли, ссор не затевали. Им и хмельного меда на столы не подали, что было совсем уж удивительно. Да, крепко держал Кый свою дружину. Когда он начинал говорить, во всей широкой зале становилось тихо.

На самом дальнем конце особняком держалась ватага каких-то косматых бородачей в грубых кожаных куртках. Они иначе выглядели, иначе себя

вели, переговаривались только между собой — и не по-славянски, как понял Дамианос, прислушавшись.

— Это вэринги? — спросил он Хрива.

— Да, варяги. Князь берет на службу, если приходят, — подтвердил старик. — Ох, люты в бою.

Про варягов, или по-гречески вэрингов, Дамианос был наслышан, но собственными глазами пока не видел.

Во времена его детства об этом диком племени, обитающем на самом краю света, за Сарматским морем, поминали лишь на гимназионских уроках географии, очень коротко. Но последние лет двадцать северные варвары, согнанные со своих берегов голодом, повадились грабить европейское побережье. Про них говорили, что они искусные мореплаватели, а в сражении не имеют себе равных. Князь Воислав рассказывал, что однажды на Богреку заплыла диковинная ладья с двумя десятками светловолосых чужаков. Северяне их всех истребили, но потеряли чуть не втрое больше людей убитыми и покалеченными.

Хрив тронул Дамианоса за плечо:

— Поел? Вставай. Горницу твою укажу. Пардуса привяжешь пока там. Нельзя его во дворе держать. Собаки еще не привыкли, воют. После пойдем к князю. Говорить с тобой желает.

Комната, в которой поселили Дамианоса, была обыкновенным чуланом, приютившимся под лестницей. Не на что сесть, не на что лечь. Славяне в

домашнем быту неприхотливы. Кроватей они не знают. Мужчины, особенно воины, в походе спят на голой земле, дома — на полу.

И все же с жильем Дамианосу очень повезло, спасибо леопардихе. Если б не она, скорее всего велели бы спать в гриднице, с дружинниками. Там все время был бы на виду, под любопытствующими взглядами.

Ничего. Положить под голову мешок, накрыться плащом. А спать на жестком не привыкать.

Опочивальня князя оказалась ненамного роскошней каморки, в которой привязал кошку аминтес. Конечно, эта комната была больше, но по византийским меркам все равно тесная: от стены до стены шагов десять и потолок низкий — даже Дамианос с его ростом, подпрыгнув, достал бы рукой. Как все северные народы, славяне хорошо переносят мороз, но любят, чтоб дома было тепло, потому и строятся так, чтобы помещения жарко протапливались.

Мебели в княжеском покое почти не было. Скамья у стены, несколько сундуков, грубое деревянное кресло без подушки да ложе — не для сна, для любовных утех. Дамианос покосился на меховую полость, которой была накрыта кровать, и с тревогой подумал про Гелию — как она тут провела минувшую ночь? Известно, что не угодила. Но не сделал ли дикарь ей какого худа?

Однако тревожиться об эфиопке сейчас было не время. От первой беседы с Кыем наедине (пере-

водчик не в счет) зависело очень многое. Например, будут ли еще встречи с глазу на глаз.

Беседы как таковой, впрочем, не случилось.

Князь сидел в кресле, широкий и грузный, в длинной белой рубахе с вышитым воротом. Задавал вопросы, выслушивал ответы. И всё.

— Пусть про Цесарь-град расскажет, — сказал Хриву, сидевшему на скамье рядом с Дамианосом. — Сколь велик город. Сколько домов. Сколько народу. Каков терем у кесаря.

По ходу долгого рассказа спрашивал еще. Наконец умолк и долго, сдвинув мохнатые брови, пристально разглядывал грека.

— Не врет он про Цесарь-град?

— Кто его знает, — ответил старый конюх. — Человечишко хитрый. Что на уме — Перун его знает. Может, и привирает.

«Ревнует, — отметил про себя Дамианос, не подавая виду, что понял сказанное. — Раньше-то про чужие края князю рассказывал он один. Не нравится старику, что Кый слушал с таким интересом. Нужно поправить дело, пока хромец не начал вредить».

— Как это — двести тысяч людей в городе? — проговорил князь. — Я думал, на всей земле меньше. Сколько это — двести тысяч?

Хрив покачал головой.

— В Корсуни семь тысяч живут — городскую стену за час не обойдешь. И может ли быть, чтобы цесарский терем был больше всего Кыева? Гони ты этого Демьяна, княже. Брехун. Или нарочно путает.

— Еще послушаю. Завтра вечером чтоб сызнова здесь был. А сейчас пусть идет, — сказал, поразмыслив, Кый. Дамианос вздохнул с облегчением.

Спал он с приоткрытой дверью, чтобы не задохнуться. Все равно у славян засовов внутри дома не бывает.

Глубокой ночью проснулся от скрипа. Звук был легчайший, но у аминтесов сон чуткий.

Плавным, не заметным со стороны движением, Дамианос сунул руку под мешок, сжал рукоятку кинжала.

Кажется, кто-то из княжьих людей оказался еще завистливей и ревнивей, чем он думал. Не Хрив ли?

Но поступь крадущегося была почти невесома. Хромые так не ходят.

Напружинил мышцы, готовый откинуть покрывало и перекатиться по полу.

— Ты меня только не прирежь спросонья, — послышался тихий голос.

Гелия!

Он рывком сел, обернулся.

В темноте женщину было не видно, лишь поблескивали белки глаз.

— Как ты узнала, где я? И зачем так рисковать? Княжеская наложница не может быть наедине с мужчиной. Убьют обоих. Ты цела? Кый был с тобой груб?

Ответом ему был шелестящий смех.

— Не узнаю тебя, братец. Раньше ты так не тараторил.

Она права, подумал Дамианос. И сказал главное:

— Ты ему не понравилась. Всё зря.

Снова смех, будто он удачно пошутил.

— Не веришь? Я спросил про тебя. Говорит, «баба как баба».

— А ты чего ждал? Что он скажет: *«Мне черную ладушку в усладу Даждьбог послал?»* Это он мне такое говорит, а чужим нельзя.

Дамианос вздрогнул. Фраза про ладушку была произнесена по-славянски — с греческим смягчением звуков, но отчетливо.

— Ты знаешь славянский?!

— Знаю. В Гимназионе девочек учат многим языкам. Одним телом от мужчины многого не добьешься. Любовь делает инструмент послушным, но как его использовать, если нет слов? Меня научили арабскому, франкскому, германскому, хазарскому, италийскому. Когда последний раз была в Академии, пришлось выучить язык славян и вэрингов. Скола начала присматриваться к северным варварам, хоть они пока и далеко от наших рубежей.

— Значит, ты понравилась Кыю?

— Как же я могла ему не понравиться? — удивилась она. — Зачем ты меня обижаешь? Ты знаешь свое дело, а я знаю свое. Кый говорит, что не променяет меня на всех женщин земли и загробного мира.

— Он способен говорить такие вещи? — недоверчиво спросил Дамианос.

Гелия прыснула.

— С женщиной — если это умелая женщина — всякий из вас разговаривает не так, как с мужчинами. — И посерьезнела. — Не считай Кыя глупым дикарем. Знаешь, что он сказал? «На людях буду с тобой груб. Боюсь, бабы заревнуют и отравят. Бабы — они такие». Мало кто из мужчин понимает, как опасны бывают женщины. Кый умен и дальновиден. Будь с ним осторожен. Он сейчас про тебя выспрашивал. Кто ты да что ты. Ты его сильно занимаешь.

— Если он так умен, как же тебе удалось его обмануть?

— Я капнула ему в мед сонного эликсира. И буду так делать впредь. Днем нам с тобой видеться нельзя. Жди меня на исходе ночи.

Дамианос достал из мешка аптечку.

— Зажги лучину. Посвети.

В кожаном футлярчике лежало несколько бесцветных шариков — универсальное противоядие, недавно разработанное учеными Сколы. Один дал Гелии.

— Держи всё время при себе. Почувствуешь в животе неладное — сразу глотай. Как бы Кый ни притворялся, женщины все равно тебя возненавидят. Ведь он, поди, будет звать тебя в опочивальню каждую ночь?

— Можешь в этом не сомневаться. Но твое противоядие мне не понадобится. Женщины опаснее мужчин, но нас учат обходиться и с женщинами. Не беспокойся. Скажи лучше: хочешь меня? До рассвета еще час, и Кый спит крепко.

Протянула руку, погладила его по голой груди.

— Спасибо, нет. Ты теперь иди, — сдержанно ответил он, внутренне вознегодовав на такое легкомыслие. Риск и так огромен, а она с этим!

— Ну-ну, — усмехнулась Гелия, отодвигаясь. — У славян гетер нет. Скоро сам попросишь... До завтрашней ночи. Удачи, аминтес.

Утром во дворе попрощался с Герой. Она не поняла, за что хозяин почесал ей щеки и дал кусок соленого вяленого мяса, любимого лакомства, но благодарно потерлась круглой башкой.

Стало грустно. Он оттолкнул барсиху, сказал князю:

— Чтобы зверь слушался, нужно показать ему нового хозяина. Для самца — это тот, кто кормит. Для самки — тот, кто сильнее. — Подождал, пока Хрив переведет, и продолжил: — Сейчас пардус должен увидеть, что князь сильнее меня. Пусть толкнет в грудь, а когда я упаду, сядет сверху. Зверя я привяжу, чтоб не кинулся защищать...

Кый слушал с интересом, кивал.

Толкнул так, что Дамианос грохнулся не на шутку, зашиб спину, а навалился — перехватило дыхание. Гера зарычала, вскинулась на задние лапы, натянула цепь. Но Дамианос немного повыл на жалобной, умоляющей ноте, и леопардиха села, поджала хвост.

— Теперь пусть князь к ней подойдет, крепко возьмет за цепь у самой шеи и ведет за собой.

Так Кый и сделал. Мощной рукой потянул Геру, и она послушно пошла рядом. На поверженного

Дамианоса не оглянулась. Что ж — природа устроена мудро: кто сильнее, тому достается всё.

Отряхиваясь, аминтес поднялся.

— Основные охотничьи команды такие...

И началось учение, закончившееся только за полдень. Вечером Дамианос снова рассказывал князю про заморские страны под скептический перевод Хрива. Ночью клетушку под лестницей навестила Гелия. Обменялись сведениями и суждениями.

В последующие дни происходило то же — разве что без охотничьего учения, которое Кый быстро освоил.

С утра и до вечера Дамианос был занят привычным делом: врастал в среду, укреплял репутацию, налаживал отношения.

Как обычно, больше всего пользы получилось от врачевания. Недаром аминтесов так основательно обучают лекарскому искусству.

С его помощью удалось преодолеть опасную враждебность старого конюха.

Гелия, которой было поручено выяснить про княжьего советника всё, что возможно, сообщила: старик подозрителен, придирчив, на подворье его недолюбливают, а сам он любит только младшую внучку, которая все время хворает.

Это было очень кстати.

При первой же возможности Дамианос сказал Хриву, что слышал о его беде и хотел бы посмотреть на девочку, ибо учился в Константинополе медицине.

Хромец заколебался, хотел отказаться, но жалость к внучке пересилила. К тому же он наверняка помнил по своей корсунской жизни, что греческие врачи — не чета славянским знахарям.

Жил он по соседству с княжеским детинцем, в большом доме со службами и собственной челядью. Горенка, где лежала больная, была чистая, светлая. На полу охапки душистых трав, под распахнутым окном — богатым, со слюдяными пластинками — благоухала цветущая сирень.

Бедняжка была плоха: трудно дышала ртом, глаза оплыли, горло напухло. При первом же взгляде стало ясно — эргоаллия, раздражение телесных флюидов травяными испарениями и цветочной пыльцой. Какая-то из трав, которыми устлан пол, а может быть, кусты под окном вызывают насморк и удушье. У константинопольских жителей, выросших в большом городе, этот недуг не редкость, хоть и не в такой сильной форме. У славян же, живущих на свежем лесном воздухе, эргоаллию Дамианос встречал впервые.

Расспросы подтвердили диагноз.

Зимой девочка здорова, но с поздней весны, когда полы начинают покрывать молодыми травами, ей становится плохо — и так до середины лета. В прошлый изок (так Хрив называл июнь) чуть не померла, а в этом году еще хуже. Уж и жертвы всем богам приносили, не поскупились, и рабыню-портомою, заподозрив в сглазе, утопили — не помогает.

— Не нынче-завтра заберет ее Симаргл-детобор... — давясь рыданиями, сказал Хрив по-гречески.

— Вылечу я твою внучку, — уверенно молвил Дамианос. — Заклинание знаю. Пока волшебные слова говорю, траву всю пускай отсюда вынесут. И кусты под окном срубят. Эта волшба зелени не терпит.

Помахал с четверть часа руками, попел абракадабру. Знал по опыту: колдунам варвары доверяют больше, чем целителям. И для больных хорошо — вера в чудо помогает лечению, потому что сгущаются и крепнут эманации души.

Выждав, чтоб сквозняк выдул из светлицы зараженный воздух, Дамианос положил ребенку на глаза одну руку, на шею другую. Усыпил.

— Завтра ей лучше будет. Окно теперь держите закрытым. Чтоб чары не испарились.

Старик глядел угрюмо, недоверчиво. На прощание не поблагодарил. Но утром прибежал со связкой соболей. Внучка ночью спала спокойно, а утром бегала, играла.

— Не нужно мне мехов, — сказал Дамианос, проникновенно глядя в глаза старому конюху. — Я тебе друг. Не думай, что я хочу тебя от князя отодвинуть. Не жди от меня подвоха. Я поживу у вас тут год или два, наторгую и уплыву восвояси. Ничего другого мне не надобно. Не соперник я тебе. А будет внучке худо — зови хоть ночью.

И с того дня переменился к греку Хрив. Перестал, переводя, от себя злое прибавлять.

Славу искусного ведуна, умеющего исцелять недуги, составить нетрудно. Нужно выбирать те

болезни, которые можно вылечить — вот и весь секрет, а за неизлечимое не браться. Это в цивилизованном мире врач не может без ущерба для репутации отказать, если зовут к больному. А коли ты колдун — да платы не берешь — твоя вольная воля.

Кроме Хривовой внучки Дамианос помог еще двоим недужным: избавил дворовую девку от кровавого поноса и вскрыл дружиннику гнойный нарыв на десне. Не забыл побормотать заклинания, позакатывать глаза.

А после этого произошел случай, после которого про «Демьяна Грека» заговорил весь город.

Проходя по берегу речки Погайны, впадающей в Данапр, аминтес увидел толпу, услышал женский вой. Подошел — мать убивалась над утонувшим сыном. Его только что вынули из воды, лежал бездыханный, посиневший. Дамианос присмотрелся и увидел, что мальчик, кажется, еще жив.

— Пусти, — сказал женщине (уже сам говорил по-славянски некоторые слова). — Дай я.

Стал дуть утопленнику в рот и качать руки, чтоб заработали легкие. Люди вокруг волновались, роптали. Им не нравилось, что чужак теребит покойника.

Был, конечно, риск, что оживить ребенка не удастся. Тогда пришлось бы худо. Могли б и на части разорвать. Но в конце концов мальчика вырвало водой. Задышал.

— Чудо! — закричали тогда в толпе. — Грек у Стрибога дух одолжил, в мертвого вдохнул!

После этого, когда Дамианос шел по Кыеву, на него оглядывались. Со страхом и почтением. Именно так, как надо.

С этой-то стороны дамианизация шла споро. Менее ладно выходило с князем.

Он вызывал к себе грека почти каждый вечер и всё задавал свои нескончаемые вопросы, однако сам говорил мало. Прошла неделя, а Дамианос всё не мог определить, что за человек полянский князь. Что у него на уме и как с ним быть.

Гелия твердила: умен и хитер. По виду кабан или медведь, а на самом деле лис.

Но Дамианосу так не казалось. Хитрый человек ведет какую-то игру, пытается залезть собеседнику в душу, а Кый, похоже, всего лишь удовлетворял свое бездонное любопытство касательно византийской жизни. Его интересовало всё: корабли и дома, еда и питье, обычаи и вера, конская сбруя, устройство повозок, плоды и овощи, грамотная премудрость и цифирь, цесарский двор и патриархия. Про самого Дамианоса он не расспрашивал. А Гелия говорила, что князь несколько раз допытывался, что́ она знает про прежнего хозяина. Эфиопка отвечала, что почти ничего. Купил-де ее на рынке перед отплытием из Константинополя, и всё.

Была в этом какая-то тревожащая странность. На седьмую ночь она разрешилась.

Гелия прокралась в комнату к брату взволнованная.

— Перед тем, как я его усыпила, он про тебя говорил. Долго. Что ты толковый и умный. Что

много знаешь и не врешь. Он тебя и так, и этак испытывал. Время от времени задавал вопросы, ответы на которые знал. И ты всегда отвечал правду.

— Испытывал? — насторожился Дамианос. — Зачем?

— Хочет сделать тебя своим советчиком. Будет с тобой завтра говорить по-другому. Готовься.

«Ну вот и второй стадиум завершен, — удовлетворенно подумал аминтес. — Десяти дней не понадобилось».

А помощнице сказал:

— Умница. Что бы я без тебя делал.

Назавтра Кый начал не с вопросов, как обычно, а впервые заговорил сам. Верней, велел Хриву:

— Передай, о чем было толковано.

Дальше речь повел старый конюх, а князь лишь внимательно наблюдал за греком.

— Человек ты бывалый, Демьян. Повсюду плавал. В разных державах торговал. С разных народов людьми знался. Про хазаров тебя спросить хотим. Ты ведь в их Итиль-город хаживал? И, говоришь, самого кагана видал?

Дамианос кивнул:

— Один раз, издали. На празднике иудейской Пасхи.

В один из вечеров, расспрашивая о разных странах, Кый допытывал и о Хазарии. Зачем ныне к этому возвращаться?

— Поляне испокон веку кагану дань платят. За то хазары к нам не ходят. Наших деревень не тро-

гают. Дань необидная. Все равно жалко. Хазары не те, что в старые времена. Не воюют, набегами не мучают. А мы плати да плати. Вот сызнова от кагана посланцы прибыли. Соболей им надо дать. Куниц. Бобров. Меду тридцать бочек. Рабов до сотни. У нас всё заготовлено, как прежде готовили. Только князь сомневается. Может, не давать? Что про то скажешь? Если мы кагану ничего не дадим, пошлет он воинов наши деревни жечь или не пошлет?

— Не пошлет, — уверенно ответил Дамианос. — В хазарском царстве раздор и смута. У кагана настоящей власти нет, правит за него бек. Но и беку не до вас. Из Степи напирают кочевые угры. Вся хазарская сила на них уходит. Ничего не давайте и скажите, что больше дани платить не будете. Да пригрозите, что сами на них походом пойдете.

Кый послушал перевод. Спросил про угров — что за народ, сильно ли страшен и не вздумает ли, обойдя Хазарию, на Данапр прийти.

— Не обижайся, князь, но к вам сюда никакие кочевники не пойдут. Путь далекий, а поживиться нечем. Когда твой град станет богат, тогда жди злых гостей. А пока будь спокоен.

Воислав от таких речей разъярился бы — был спесив. Кый же лишь покивал, довольный.

— Ступай теперь, — сказал Хрив. — Про хазар князь решит.

А перед рассветом пришла Гелия. Радостно сообщила:

— Кый говорит: Демьян — самое ценное, что привезли греческие корабли.

Дамианос подумал: «Значит, перехожу на следующий стадиум». Стадиум третий назывался «Вожжи в руках». Теперь куда направишь повозку, туда она и поедет.

Далее в дамианизации случился двухнедельный перерыв. Князь отправился в объезд лесных селений собирать дань. Гелию взял с собой — не мог обходиться без новой полюбовницы. Это было необычно. В походы, даже мирные, славяне женщин не берут. Дамианос испугался, что обитательницы бабьего терема не простят темнокожей чаровнице такого успеха, но, увидев, как сердечно, с объятьями, Гелию провожали в путь другие наложницы, успокоился. Эфиопка чем-то сумела завоевать их расположение. Значит, не хвасталась, когда говорила, что умеет управляться не только с мужчинами.

Пока князь отсутствовал, аминтес без дела не сидел. Нанес на разлинованные табулы точный рисунок укреплений города, а также изучил окрестности — нашел места, где удобно встать скрытным лагерем. Возможно, Кый окажется неподатлив, и тогда, как знать, придется уходить к другому князю, чтобы его руками устранить угрозу.

А что полянский вождь для империи опасен, Дамианосу было уже ясно. Кый силен, умен, хладнокровен. Он сумел создать крепкую, для славянского мира удивительно дисциплинированную державу. Еще не царство, но уже костяк государства. Гелия легко могла бы отравить того, кто де-

лит с нею ложе, но, пожалуй, княжество от этого не распадется. У Кыя есть сыновья, и старший уже командует конной дружиной. Нет. Этот данапровский волдырь нужно выдавить до конца, иначе проблема останется.

Но сначала требовалось вызнать, каковы стремления Кыя. Почему он так подробно выспрашивает про Византию? Если собирается идти походом, времени мало. Но если колеблется, может быть, удастся повернуть его в иную сторону. Например, против тех же хазар.

О чаяниях полянского князя Дамианос узнал в первый же вечер после возвращения Кыя.

Во дворе горели факелы, ржали еще не развьюченные лошади — дань была обильна, сгружали ее долго. Усталая дружина, ездившая по лесам, пила и пела в трапезной. Дамианос уже знал: когда воины так шумят, князя с ними нет.

Кый ужинал у себя. И пригласил — впервые — разделить стол.

Сидели втроем. Ели мало.

На сей раз князь говорил сам, а Хрив переводил фразу за фразой. Сказать ему, чтоб не утруждался, было нельзя, а жаль. Кый излагал такое, что Дамианос жадно ловил каждое слово. Он никогда еще не слышал, чтобы варвары рассуждали столь складно и разумно.

— У нас, славян, как? — неторопливо начал Кый без всяких предисловий. — Чуть кто из князей в силу вошел, тысячонку копий имеет — сразу

глядит, кого из соседей пограбить. Наберет добычи, захватит полон и рад. А мне думается, от такого житья прибытку мало. Хочу по-другому державу строить. От торговли достатку больше, чем от набегов. Но прибыль станет во стократ богаче, если я сумею весь путь, от моря до моря, под себя взять. Ваши греческие купцы ли с юга поплывут, франкские ли с севера — все товары везут, пошлину платят. Потому что я им и людей для волока дам, и от разбойников обороню, и ладьи починю, а то новые построю, продам. Всем от этого выгода. Вот вы, греки, когда караван снаряжаете, сколько с собой охраны берете? Оно и дорого, и груза меньше. А я под себя пороги возьму, крепостцу там поставлю. И по берегу конную дружину в сопровождение пошлю. Сколько мне купцы за то заплатить согласятся? Думаю, не двадцатую часть товара, как ныне, а пятую. Как, по-твоему, Демьян? Дадут они пятину?

Дамианос слушал — только диву давался. Мысли летели стремительной чередой.

Так может говорить только великий муж. Не вождь дикарей, а будущий правитель государства.

Рано или поздно славянские племена все равно объединятся — под властью если не Кыя, так другого. Появится честолюбивый и везучий предводитель, но рядом не окажется аминтеса, совпадут неудачные для империи обстоятельства, и на равнинном пространстве меж Скифским и Сарматским морями возникнет большая держава. Это неизбежно. Славяне размножились и окрепли, у них есть потребность слиться в единую силу.

Если этого все равно не миновать, стоит ли противиться естественному ходу событий? Чем оставлять исход на волю случая, который, очень возможно, вынесет на поверхность царя воинственного, не лучше ли поддержать мирного и рассудительного Кыя?

Но такое решение вне полномочий аминтеса. Принять его может только пирофилакс — и то с санкции высшей власти.

Нужно отправить в Константинополь донесение и запросить инструкций — вот к какому выводу склонялся Дамианос, кивая Хриву.

Тот вдруг перестал переводить. Они с князем перемолвились несколькими словами, которые заставили аминтеса насторожиться.

— Гляди, чтоб он про того грека не прознал, — сказал князь негромко. — Им встречаться нельзя.

— Не встретятся. Тому велено за дверь носу не совать.

— Хорошо. Что он? Важное что добыл?

— Важней некуда, княже. Ты бы сам сходил, с ним поговорил.

— Схожу. Демьяну-колдуну скажи — завтра добеседуем.

Дамианос вернулся к себе, не зная, что и думать. Какой еще «тот грек»? Откуда? Какие важные сведения мог доставить этот неведомый гонец, которого держат взаперти? Почему двум грекам нельзя встречаться?

Ночью ждал Гелию с нетерпением. Дал задание: как угодно, любыми ухищрениями, но выманить у князя ответы на все эти вопросы.

Еще тревожней стало, когда на следующий день вечером не позвали к князю, хотя важная беседа осталась незаконченной.

Что-то происходило. Но что?

— Узнала? — накинулся он на сестру, едва она глубокой ночью переступила порог темной комнатки. — Разговорила его?

— Нет мужчины, которого я не сумею разговорить, — шепнула Гелия, и на сей раз ее бахвальство у Дамианоса раздражения не вызвало. — Всё выяснила. Известие действительно важное.

— Говори!

— У Хрива в Херсонесе, в канцелярии катапаноса, есть подкупленный чиновник.

— Зачем полянам в Херсонесе шпион? Кый говорил мне, что не помышляет о войне!

— Знаю. Он врал тебе, что хочет жить торговлей. А на самом деле он, как все они, мечтает разграбить Херсонес. Пускай, говорит, Демьян отпишет в Цесарь-град, какой я купцам покровитель. Не надо, чтоб греки меня боялись. Захвачу Херсонес — такие богатства возьму, никакой торговлей столько не наживешь. А я тебя предупреждала: это хитрый лис.

Дамианос обескураженно молчал. Значит, Кый догадался, что всезнающий «колдун» поселился здесь не просто так. Это скверно. Еще скверней, что князь готовится напасть на византийские владения.

— Зачем прибыл лазутчик? Что за важные сведения он привез? Вот бы что узнать... — пробормотал аминтес.

— Узнала, — щелкнула его по носу Гелия и бесшумно рассмеялась. — Я выпотрошила своего обожателя, как рыбу. Даже самый умный и хитрый мужчина, если его как следует ублажить, становится болтлив.

— Ну?

Он придвинулся.

— Чиновник сбежал из Херсонеса, потому что стража перехватила гонца, посланного к нему из Кыева. Испугался, что тот не выдержит пыток, и удрал. Но прибыл не с пустыми руками. Дал Кыю ключ, как взять город без боя.

— Что?! Какой ключ?

— Это я не очень поняла, а подробно спрашивать поостереглась. Там есть какой-то подземный ручей, текущий с гор в Херсонес. Грек выяснил, как он проходит. Не знаю, почему это так важно.

— Зато я знаю. — Дамианос шепотом выругался. — Это не ручей. Вода поступает в город по секретной трубе. Проклятье! Это я научил славян, что любую крепость можно взять, если оставить ее без воды. Так Воислав захватил Стрежень — легенды об этом ходят по всей славянской земле. Если проклятый предатель покажет варварам, где можно перекрыть водопровод, Херсонес не продержится и трех дней...

— Кый хочет на рассвете услать этого человека, чтобы ты его не увидел. А тебе будет продолжать морочить голову своими сказками.

— Значит, дело надо сделать сегодня. Где поместили херсонесца, ты не спросила?

— Конечно, спросила. — Гелия гибко, как кошка, потянулась и зевнула. — Я ведь знала, что ты захочешь его убить... Под самым шатром терема есть маленький чердак. Как поднимешься по лестнице — справа. Там херсонесец и спит.

— Теперь я вижу, что аминтес-женщина может быть полезней любого мужчины. — Он потрепал ее по упругим волосам, развернул и подтолкнул в спину. — Иди. У меня мало времени.

— Убей его так, чтобы не было похоже на убийство. Не хочу, чтобы Кый меня заподозрил.

— Не учи меня моему ремеслу, девочка. Иди.

Труднее всего было подняться по скрипучей лестнице бесшумно. В некоторых местах, где ступени совсем рассохлись, пришлось ложиться животом на перила и подтягиваться на руках.

Зато нужную дверь Дамианос нашел быстро. Аминтесов учат искусству ночного зрения, поэтому, войдя в комнату, он сразу разглядел лежащего на скамье человека.

Смочить тряпку морфофором. Подкрасться. Зажать предателю нос и подержать.

Морфофор — это сонное зелье, после которого сам человек не просыпается. Только если кто-то растолкает в течение одного часа. Потом буди не буди — поздно. Глубокий сон становится смертью. Никаких следов не остается.

На всякий случай придется час покараулить на лестнице, в темноте, — чтоб никто не вошел и не разбудил спящего. Потом можно возвращаться к себе.

Только и всего.

...На цыпочках он приблизился к скамье, затаив дыхание и не сводя глаз с лежащего.

Еще пять шагов. Четыре. Три...

Вдруг из тьмы, с двух сторон, Дамианоса схватили крепкие руки. Приподняли, швырнули на спину, прижали к полу.

Щелкнуло кресало. Зажегся огонь.

На лавке лежал не человек — груда тряпья.

За руки и за ноги аминтеса держали четверо дружинников.

А у стены, подбоченясь, стоял, поблескивал глазами полянский князь.

ЛОВЕЦ В ЛОВУШКЕ

— Как же ты его кончать думал? — спросил Кый с усмешкой. — Придушил бы?

Дамианос попробовал вывернуться, но воины навалились сильнее. Чтобы не вскрикнуть от боли, аминтес заскрипел зубами.

Мысли были короткие, рваные.

Как?.. Почему?.. Откуда?..

— Что молчишь? — Князь подошел к скамье, сбросил на пол тряпье, сел. — Ты ведь знаешь по-нашему.

Появилась мысль чуть более длинная: «Всё пропало. Я погиб. Кончено». Но Дамианос испытал не ужас, а совсем другое чувство. Более всего оно было похоже на облегчение.

Одно кончено — жизнь. Зато начнется другое. Главное. То, что после смерти. *Та, которая после смерти.*

Мук, которым его могли подвергнуть перед неминуемой казнью, он не боялся. Аминтесов учат, как избежать страданий, если шансов на спасение

нет. Есть несколько верных способов оборвать свою жизнь, даже когда связаны руки. Самоубийство, конечно, смертный грех и осуждается церковью, но многое из того, чему учат в Сколе, противоречит христианскому закону. В Гимназионе Слово Божье не преподают. И часовни там нет. Пирофилакс говорит: «Кто спасает ближних своих, уже душу спас, а в случае чего монахи отмолят». Хоть бы и не отмаливали — у Дамианоса своя вера.

Поняв, что дело проиграно и конец неизбежен, он сделался почти спокоен. «Почти» — потому что полной отрешенности мешало одно: любопытство. Как вышло, что предводитель дикарей раскусил лазутчика высшей категории и так ловко заманил в ловушку?

— Не возьмешь в толк, чем себя выдал? — понимающе покивал князь. — Узнали тебя. Помнишь, как после охоты я тебя рядом с собой на крыльцо поставил и горожанам благодарить велел? Как люди подходили, кланялись? Это я хотел, чтоб на тебя хорошенько посмотрели. Ко мне в Кыев отовсюду приходят. Потому что здесь жизнь спокойная и всегда служба сыщется. Узнал тебя один пришлый человечек, северич с Бог-реки. Он раньше у князя Воислава был. Который в греческие края с дружиной ушел. И сгинул. А повел Воислава на море волхв и колдун именем Гад. Ты самый это и был.

— А зачем ты вздумал меня людям показывать? — спросил Дамианос. Отпираться смысла не было. Опознали — никуда не денешься. — Чем я показался тебе подозрителен?

Интересно было узнать, в чем он совершил ошибку.

— Спокойный ты, — подивился Кый. — Бесстрашный. И ловкий. Хорошо цесарю, коли у него все слуги такие. Только в одном ты просчитался. Не надо было меня дураком считать. Я сто раз на медведя ходил. Рогатину перед охотой хорошо проверяю. От нее жизнь зависит. А тут вдруг сломалась. С чего? Стал потом смотреть — подрезана. Кому понадобилось? Мои люди верные, им меня губить ни к чему. Один там чужой был — ты. И очень уж ты быстро матерого застрелил. Будто заранее знал, что меня спасать придется. Э, думаю, а грек-то хитер. Зачем такое устроил? Коли для того, чтоб благодарность мою заслужить, то просто хитер. А коли для чего иного — тогда вдвойне хитер. И стал я к тебе приглядываться, Гад-Демьян. Чтобы понять, какая в тебе хитрость — обычная или двойная.

«Сам ты хитер, — подумал Дамианос. — Права была Гелия. Как есть — лис». Он совершил худшую из ошибок, какие только может допустить аминтес: недооценил противника. Считал себя ловцом — и сам угодил в ловушку. Да как крепко! Хуже, чем когда попал в хазарский плен. Тогда был молод, малоопытен, а ныне оправдываться нечем.

— Почему ты не велел меня убить? Зачем к себе допускал? — спросил он, глядя на полянского князя с интересом и невольным уважением. Что ж, такому противнику, пожалуй, и проиграть незазорно.

— Рассказываешь интересно, — засмеялся Кый. — Советы даешь хорошие. Воиславу ты тоже хорошие советы давал. Пока тот на греков в поход не засобирался. И понял я. Ты не убийца. Ты лазутчик. Прислан за мной доглядывать. Не вздумаю ли я на ваши земли походом идти. Для того мы с Хривом и придумали про корсунского грека при тебе поговорить. Если попробуешь того грека отыскать и кончить — так и есть. Значит, ты тут сидишь греческой земли оберегателем. Верно или нет?

Дамианос молчал, потрясенный тем, что варвар оказался столь проницателен. Зачем только князь тратит время на разговоры с разоблаченным лазутчиком? Не для того же, чтоб покичиться. Кый не из бахвалов.

— А не велел я тебя гридям на мечи взять и беседу с тобой беседую вот почему... — опять покивал князь, как бы показывая, что заметил во взгляде грека недоумение и понял причину. — Убей я тебя — на твое место другого пришлют. Поди знай кого. А ты — вот он. Я тебя знаю. Ты мою думу тоже знаешь. Я ведь давеча тебе правду говорил. Про то, что торговля краше войны. И Корсунь мне ваша ни к чему. Захвачу я ее — перестанут греческие корабли приходить. Встанет торговля. Прибытку сам-десять, а убытку сам-сто. Живи у меня в Кыеве открыто, Демьян. Не лазутничай. Помогай мне советом и делом. Я цесарю не в опаску. Мне с вами не воевать — союзничать надо. Что скажешь? Не держите его, ребята. Ступайте. Вы больше не нужны.

Дружинники разжали цепкие лапы, поднялись, вышли.

Потирая ноющие запястья, Дамианос сел на полу.

Варвар оказался еще умнее, чем думалось. И не варвар он, а истинно мудрый правитель. Всё, что сказал, — разумно.

Смерть отодвинулась, опасность отступила. И умиротворение тоже растаяло. Душу охватило беспокойство. Не из-за предложения, которое сделал князь. Про это пусть Кириан решает. Надо доложить и ждать ответа. Может быть, пирофилакс рассудит, что Кый слишком умен и иметь столь дальномыслящего соседа опасно. А может, империя будет рада обзавестись на северном рубеже союзником, всецело зависящим от византийской торговли. Это дело государственное, не аминтесу решать. Но вот что будет с Гелией? Ясно же: Кый ее раскусил и использовал для того, чтобы заманить лазутчика в приготовленный капкан.

Князь, видно, отпустил людей неспроста. Густые черные брови сдвинулись, взгляд стал грозен.

— По глазам вижу, что согласен. Но допрежь всего надо нам с тобой вот что решить, Демьян. Знаю я, что Гелька к тебе по ночам бегает. Покапает мне зелья, чтоб спал, как чурбан, — и бегает. Хотел я ее за неверность зарубить. Не могу. Без нее жизнь мне будет не в радость. Но одну бабу на двоих делить мы не будем. Моя она!

От облегчения Дамианос засмеялся. Князь не ждал этого — побагровел. Рука легла на рукоять

кинжала. «Мудрость мудростью, а голову из-за женщины потерять может. Это хорошо. Ай да Гелия!» — подумал аминтес.

— Не баба она мне. Сестра.

Теперь засмеялся Кый.

— Все еще числишь меня дураком, грек? Сестра! Она черная. Других таких и на свете нет.

Улыбаясь, Дамианос задрал до шеи рубаху.

— Матери у нас разные, потому мы не похожи. А отец общий. Ты у нее родинку под левой грудью видел? Гляди, у меня такая же.

Князь подошел, прищурился. Гнев в глазах потух.

— Ишь ты. Стало быть, ты мне шурин?

Получалось, что так. У славян наложница, если она живет в доме, считается все равно что женой, разница невеликая.

— Тогда ходи к ней открыто, днем. А по ночам у меня за спиной шушукать нечего...

Широкий лоб Кыя собрался морщинами, взгляд снова изменил выражение, и Дамианос догадался, что князь думает уже о другом. Кажется, главный разговор был еще впереди.

— Теперь про главное с тобой говорить хочу. Коли ты мне советчик и подручник. Не бойся, грекам от этого дела вреда не будет. Только польза... Сядем на лавку. Беседа долгая.

Сели. Дамианос — на краешек, из почтения.

— Путь от моря и до моря длинный. — Князь снял пояс, положил на лавку. Показал на нижний конец. — Внизу никого нет, только разбойники бродят. Но эти ладно. Когда я в силе буду, крепость поставлю на порогах, я говорил... Здесь вот, в се-

редке, всё мое, и тут тихо, спокойно. Но на другом конце, за волоками, где реки в другую сторону текут, стало неладно. По-над Ильмерь-озером в позапрошлый год сел пришлый князь. Имя ему Рорик. Рода он не славянского — варяжского. Варяги до нас и раньше доходили, малыми ватагами. Пограбят городки, людей заберут и назад уплывают. Это ладно. Но Рорик пришел и не уходит. Говорят, город поставил или, может, крепость. Силу копит. Новые варяги к нему из-за моря прибывают. Окрестных людей всех к руке прибрал. Они ему дань платят. Славяне, емь с чудью — все платят. И это бы ладно. Мне что? Беда в другом, Демьян. Купцы с севера к нам ходить перестали. Ваши, южные, плывут, а встречь — никого. Я знаю, греки большим кругом по морям ходят и с другой стороны в Цесарь-град возвращаются. Они вам про Рорика рассказывали?

Дамианос, и так слушавший очень внимательно, встрепенулся.

В Константинополе говорили, что позапрошлогоднему весеннему каравану давно пора бы уж вернуться. Ушли корабли и будто сгинули.

— Я головному человеку вашего каравана про Рорика говорил, предупреждал, — продолжил князь. — Глядите, мол. На севере лихо. Он не послушал. Пустое, сказал. Откупимся. Хорошо, коли так...

Кый с сомнением покачал головой.

— Ты осторожен и дальновиден, княже. Не может быть, чтобы ты к варягам лазутчиков не посылал. Что они про купеческие корабли говорят?

— Посылал, как не посылать. — Князь вздохнул. — Только никто не вернулся. Знать, поставил Рорик на всех речках-тропах заставы. И охотникам-емчанам велел всех чужих ловить. Тамошняя емь свои леса зорко стережет. Никто безвестно не прошмыгнет... Ты слушай, Демьян. Я тебе еще не всё сказал...

Он продолжил, угрюмо глядя на свои сцепленные руки.

— Ты меня уже знаешь. Я без нужды не воюю. Послал к Рорику посольство. Чтоб передали варяжскому князю: давай речным путем вместе владеть. От волоков вниз — я. От волоков вверх — ты. Сговоримся равную пошлину брать: я десятину и ты десятину. Всем выгода...

— Что он ответил? — спросил Дамианос, потому что князь замолчал.

— Что ответил? Не вернулись послы. Послы — не лазутчики. Лучшие люди, нарочитые. У каждого свой род. Нельзя попустить. И отправил я малую дружину — послов вернуть... Мало не доходя Ильмерь-озера, на Кресторечье, нашлись послы. Мертвые, все трое. И челядь, девять человек. Не просто мертвые, а... — Кый содрогнулся. — Навроде рыб потрошенных. Требуха вынута и ребра зачем-то все наружу вывернуты. Столб воткнут. На нем деревянная птица, орел... Напугалась моя дружина. Побежала оттуда, даже тел не подобрала. И бежала целый день, а потом еще целую ночь... Вот они какие, Рориковы варяги. Боюсь я их, Демьян.

— Погоди, ведь у тебя в дружине тоже варяги есть.

— Есть с дюжину. Самые лучшие воины. Храбрей и сильней у меня нет. А знаешь, кто они? Те, кого сами варяги от себя прогнали за то, что слабы или трусливы... Так-то. Ихние худшие у меня за лучших числятся...

И стало видно, что этому умному, мужественному вождю действительно жутко.

— Страшней всего, что я никак в толк не возьму: зачем Рорик силу копит и почему со мной говорить не хочет? Сон потерял. — Он усмехнулся, будто вспомнив о чем-то малосущественном. — Я ведь как про Гелькино зелье догадался? То ночами всё думы мучили, а тут дрыхну, будто барсук. С одной постельной утехи так не уснешь. — И снова помрачнел. — Я тебе вот что скажу, Демьян. Князь варяжский неспроста там сел, никого в эту сторону не пускает. Как войско накопит, на меня пойдет. И возьмет Кыев-град. Со своими волками лютыми да внезапно — непременно возьмет. А дальше знаешь что будет? С нас, полян, Рорик сильно не разживется. Не мы ему нужны. Ему надо поближе к южному морю сесть. Чтобы оттуда на вас, греков, за добычей ходить. И Корсуня тому Рорику мало будет. Он захочет сам Цесарь-град на меч взять.

Поглядев на слушателя и заметив, как у того по лицу скользнула скептическая гримаса, Кый вздохнул:

— Не веришь? Зря. Когда Рорик вместо меня здесь сядет, он всех славян под себя подомнет.

Древлян, вятичей, бужан, уличей, северичей — всех. Добавит к варяжской дружине славянскую и на вас пойдет. Если меня на Днепре, Данапре по-вашему, не станет, вот с кем вам, грекам, придется дело иметь.

«А ведь он прав, — подумал Дамианос. — В Европе вэрингов сначала тоже считали обычными морскими разбойниками — пограбят да уйдут. Но в Академии рассказывали, что вэринги захватывают земли в Британии и Германии, а оттуда по морю и по рекам добираются чуть не до Иберии. Живут они войной и разбоем. Договориться с ними о мире еще никому не удавалось...».

— К чему ты ведешь, княже? Чего от меня хочешь? Чтобы я отправился в Цесарь-град и попросил для тебя подмоги?

— Подмоги... — Кый покачал головой. — Дорога до Цесарь-града долгая. По реке плыть — это надо много кораблей собирать. Если сушей ехать, с конной охраной, только к концу лета доберешься. Пока цесарь думать будет, пока войска пришлет. Если вообще пришлет... Да и не надо мне тут греческого войска. Знаю я, каково это — чужое войско к себе пускать.

«Не пришлют сюда никакого войска, — сказал себе Дамианос. — Дорого. Есть у империи заботы более неотложные, чем какой-то Рорик. Вот если подтвердится, что речной путь перекрыт, — тогда другое дело».

— А вдруг варяги скоро нападут? — Князь смотрел с тревогой. — Что у них на уме — поди знай...

— Говори прямо. Чего ты от меня хочешь?

— Скажу. Ты ловок, оборотист. Отправляйся к Рорику. Сделай то же, что у Воислава делал. И что в Кыеве сделать хотел. Стань у варягов своим. Сойдись с их князем. Оплети его, убеди, заколдуй. Чтобы не шел к нам на Днепр. Никого другого, кто мог бы такое исполнить, я не знаю. Ты — можешь. Вижу это, знаю. Отправляйся на север, Демьян. Не для меня — для своего народа. Я тебе провожатых дам. До волоков довезут и на Ловать-реку спустят, откуда до Ильмерь-озера прямой путь. Дальше не пойдут, забоятся... Вот что хуже всего, Демьян. Мои люди с тем Рориком еще не воевали, а уже боятся.

Надолго умолкли. Дамианос размышлял, взвешивал «за» и «против».

По правилам, менять цель задания без санкции Сколы не полагается. Приказано работать с полянским князем, а не с каким-то неведомым вождем вэрингов. С другой стороны, экспедицию на север можно рассматривать как некоторое усложнение того же самого задания. В конце концов, пирофилакса ведь заботит не Кый, а безопасность имперских земель и торгового пути...

Если бы к варягам был внедрен кто-то из аминтесов, можно было бы с ним связаться. Но варяжского направления в Сколе пока не существует. Гелия говорила, что этот варварский язык начали изучать совсем недавно...

Князь терпеливо ждал ответа.

— Хорошо. Съезжу, — наконец решил Дамианос. — Но без языка мне близ варяжского князя

делать нечего. Просто посмотрю своими глазами, что за Рорик такой, и вернусь.

— А я думал, ты все языки, как свой грецкий, знаешь, — удивился Кый. — Ты же колдун. — Он вспомнил что-то, нахмурился. — Еще вот что. Один емчанин, которого мои люди на Кос-реке поймали, рассказывал... Не знаю, правда ли, нет ли... Будто есть у Рорика сильный волхв. Сам слепой, но каждого человека насквозь видит. И будто бы, как поймают варяги кого чужого, сразу тащат к тому волхву. Кто с недобрым пришел, того слепой велит смерти предать. Так, наверно, и с моими лазутчиками вышло...

«Сказки, — подумал Дамианос. — А вот что вполне вероятно — что у Рорика в Кыеве есть свои шпионы. Из тех же финнов-емчан, которых здесь полным-полно».

— Завтра в ночь уйду, князь. Но гляди: чтоб никто кроме гребцов не знал. И им скажешь, только перед тем как в лодку сядут.

— Так и сделаю, — пообещал Кый. — Сам провожу, сам посажу.

ПУТЬ НА СЕВЕР

— Храни тебя Перун, а своему грецкому Кресту сам молись, — сказал на прощание князь и пошел от воды прочь, приземистый, почти квадратный. Песок скрипел и охал под его чугунными шагами.

Над ночным Данапром стелилась сизая дымка, от которой тьма казалась не черной — серой. Ни луны, ни звезд — с погодой повезло.

Автоматон Магог уже сидел, где велено, — посередине лодки, между местами для гребцов, пришедших с Кыем. Их было двое: рослые, плечистые *отроки* из младшей дружины.

Князь сказал им:

— Демьяна слушайте. Он вам голова. Доставите до Ловати. После вернетесь. И сразу, ни с кем не говоря, явитесь ко мне. Ясно?

— Ясно, княже, — ответили те и больше ничего не спросили. Порядок у Кыя в дружине был крепкий.

Дамианос объяснил: грести по очереди, безостановочно. Не разговаривать. Голоса по воде да-

леко разносятся. Весла были обернуты кусками шкур. Съестное и мешок с дорожным набором аминтеса лежал под скамьей, близко.

Вот и всё. Можно отправляться в путь. В Кыеве дела пока что окончены.

За последний день Дамианос продал для княжьих закромов весь запас зерна, полученное серебро закопал в надежном месте, за городской стеной. По возвращении пригодится. Подготовил на шести табулах подробное донесение для пирофилакса. Князь обещал отправить в Херсонес сухим путем. Написано было шифром, непосвященный не поймет.

А еще поговорил с сестрой — открыто, средь бела дня.

Сказал, что Кый всё знает, но бояться его незачем. Ей ничто не угрожает. Объяснил, куда уезжает и зачем. Велел проследить, чтобы донесение ушло безотлагательно и чтоб восковые таблички были получше упакованы.

Напоследок проговорил непривычное, с усилием:

— Если я не вернусь... А я могу не вернуться, потому что никогда не имел дела с вэрингами, не знаю их повадок и языка... Если я не вернусь, доведи дело до конца. Следи за Кыем. Не ослабляй «вожжи»... И еще знай: мне было хорошо с тобой работать.

— Мне тоже, — с улыбкой ответила африканка. — Удачи в пути, братишка.

Он был немного уязвлен беспечностью ее тона, но Гелия держалась правильно — как заведено у аминтесов.

— ...Первый, на весла, — велел Дамианос бородатому дружиннику. Второй был совсем молодой, с одними усами. — Так и буду вас звать. Ты — Первый, ты — Второй. В дороге тоже молчать. Ни единого слова.

Незачем ему было узнавать их имена. И в лица вглядываться тоже ни к чему.

Он уперся в нос лодки, готовясь оттолкнуть ее от берега и потом впрыгнуть.

— А вот и я, — сказал сзади по-гречески веселый женский голос.

Гелия!

Похожая на ночную тень, она вынырнула из тумана и, обняв Дамианоса, звонко его поцеловала. Потом легко, словно белка, прыгнула в лодку. На эфиопке была длинная накидка, за плечами котомка.

Отроки испуганно вскинулись: у Гелии в темноте лица было не видно — блестели только белые зубы и глаза.

— *Греби!* — велела она Первому по-славянски. Тот послушно зачерпнул воду лопастями. Лодка отошла от берега.

— Ты что затеяла? — прошипел Дамианос. — Я же приказал...

— Помолчи, глупый. — Она уже удобно устраивалась на задней скамье. Свернула и подложила, чтоб мягче сидеть, его плащ. — Я с тобой, дураком, не спорила, потому что спорить с дураками незачем. Ты только раскричался бы и всё испортил. А теперь ты меня не прогонишь. Думаешь, зачем я тебя только что обняла и поцеловала? У славян брат с сестрой так не делают, только любовники.

Дружинники вернутся — расскажут. И придется Кыю, хочет он того или нет, меня зарубить. Иначе ему зазор. Так что мне обратного пути теперь нет. Садись рядом, братец. Места хватит, я подвинусь.

— Разве ты не знаешь, что приказы положено исполнять? — в бешенстве прорычал он.

— Только если они разумные. Без языка ты у вэрингов мало что сумеешь. Либо вовсе пропадешь. А я их скрипучее наречие знаю. И потом, разве ты еще не понял, что вдвоем мы можем сделать гораздо больше?

— А как быть с Кыем?! — Дамианоса трясло от ярости, что случалось с ним очень редко. — Об этом ты подумала?! Если мы даже успешно выполним задание, мы не сможем сюда вернуться! Дружинники — ты права — расскажут князю. Он вообразит, что мы его обманывали.

— А Правило одиннадцатое, «Обрезание нитей»? — проворковала Гелия. — У князя Рорика в Кыеве наверняка есть глаза и уши. Когда гребцы вернутся, они могут проболтаться о лазутчике, отправленном на север. Ты не можешь этого допустить. Так что Кый ничего не узнает. Не сомневайся: вернусь — он будет счастлив.

— Обрезанные нити про поцелуй не расскажут. Это значит, что я могу тебя высадить, — пробурчал он, но уже знал, что этого не сделает. С Гелией больше шансов на успех. И потом... От мысли, что она будет рядом, сделалось радостно.

Вверх по Днепру шли восемь дней и ночей, без остановки. К берегу ни разу не пристали. Бородатый (он же Первый) и Усатый (он же Второй)

гребли по очереди. Иногда Дамианос, видя, что дружинники выбились из сил, сажал на весла автоматона. Ели холодное, из припаса: черствые лепешки, вяленую рыбу, копченое мясо. Запивали водой из реки. В реку же справляли нужду. Когда это делала Гелия, славяне закрывали глаза — глядеть на женское нечистое считалось плохой приметой.

Все молчали. Дружинники — потому что приказано. Магог был бессловесен. Аминтесы не разговаривали из осторожности. Правило девятнадцатое («Мидасовы уши») гласило: «При посторонних, даже если это глухие или дикари, ни о чем существенном не говорить». А о несущественном Дамианос болтать был не расположен. Гелия попыталась было, но он не отвечал, и эфиопка оставила его в покое. Она обнаружила удивительную способность спать по двадцать часов в сутки. Лежала на дне, свернувшись калачиком, и сладко посапывала. Проснется, съест что-нибудь — и опять спит.

Дамианос глядел по сторонам. Так далеко на север он никогда еще не забирался. Берега были сплошь лесистые. На холмистом, правом, через каждые пятнадцать-двадцать миль стояли городища: маленькие поселки на десяток домов, огороженные частоколом. Край этот был заселен гуще, чем другие славянские земли. Верный признак, что под Кыем живется спокойно, река и лес хорошо кормят, а проходящие мимо караваны позволяют приторговывать и подрабатывать: продавать еду, мех, доски на починку судов или же потянуть корабль против сильного течения.

Жители городищ и рыбаки смотрели на лодку без интереса. Ничего примечательного в ней не

было — плывут люди по каким-то своим делам, и ладно. И очень хорошо, что спящую без пробуда Гелию было не видно. На черную бабу обращали бы внимание.

Данапр постепенно сужался. Здесь он еще был не великой рекой, а среднего размера речкой.

На девятый день бородатый дружинник показал знаком, что просит позволения говорить.

— Там вон Гнездовский волок, — сказал он осипшим от долгого молчания голосом и показал на холм, где виднелись крыши не городища, а целого городка. — Прикажи к берегу править. Князь дал куну серебра. Дадим гнездовцам. Перетащат лодку в Касплю-реку.

— Нет. Плыви мимо, — качнул головой Дамианос. — Высадимся выше. Ночью сами перетащим.

Ни к чему гнездовским обитателям знать, что к северу идет лодка, в которой четверо мужчин и диковинная женщина.

Из-за того, что прождали дотемна и потом волокли лодку своими силами, ушло много времени. Еле управились к следующему полудню.

Зато по Каспле, неширокой, темноводной, поплыли много быстрей, потому что она текла куда надо — к северу.

Здесь никто не жил. Городища были редки, стояли пустые.

— Куда ушли люди? — спросил Дамианос.

— Кто знает... — был ответ.

Дружинники сделались напряженными. Всё оглядывались по сторонам, будто ждали беды.

На третий день добрались до второго волока.

— Этот последний, — сказали гребцы с облегчением. — Перетащим в Ловать, а дале не пойдем. Так князь велел, ты сам слышал.

Когда спустили лодку в воды новой реки, на вид не отличимой от Каспли, Дамианос спросил:

— Может, еще погребете? Серебро, которое гнездовцам не дали, ваше будет.

— Нет, — сказал, поеживши́сь, усатый.

Бородатый, осмелев от того, что княжеское задание исполнено и грек им больше не начальник, дерзко прибавил:

— Сами плывите, нам жить не надоело.

— Жаль, что не надоело, — мирно ответил амантес. И убил бородатого ударом кинжала в глаз. Усатый ахнул, попятился. Его Дамианос сшиб наземь ударом ноги, прижал коленом, перерезал горло.

— Ловко управился, — похвалила Гелия. — Что Кыю скажем, если вернемся?

— Мало ли куда они делись. Край тут глухой. Да и не будет он допытывать. Он умный...

Автоматон, равнодушно наблюдавший за убийством, по команде хозяина спустил трупы в воду. Течение унесет их вниз.

«Такая служба, — думал Дамианос, отмывая забрызганный кровью рукав. — Христовы заповеди не для нас. Кто спасает ближних своих, уже свою душу спас».

Он и сам не знал, зачем каждый раз, убив кого-то по необходимости, ищет для себя оправдания. Верно, по привычке. Никакой вины или каких-то иных чувств давно уже не испытывал. Неприятно, конечно. Да что ж?

...Поплыли втроем. Собственно, вдвоем, потому что автоматон — не человек, а машина. Теперь греб он один, без отдыха и остановки. Лишь иногда, чтобы размять нывшие от вынужденного безделья мускулы, на весла садился Дамианос.

Первое городище, которое попалось на Ловати, было не просто пустое, а сожженное дотла.

Причалили. Дамианос походил по пепелищу. Поселок спалили давно, не менее года назад. В бурьяне лежал труп с разрубленным надвое черепом, с которого успела облезть кожа, остались только волосы и борода. В колодезный сруб впилась стрела с неславянским оперением — она засела так глубоко, будто ее выпустил не человек, а крепостной самострел. Только откуда здесь взяться крепостному самострелу? Стрелу пустил какой-то богатырь. Голову тоже разрубили ударом невиданной силы.

Потом встречались еще селения. Тоже черные, мертвые.

Дамианос решил, что днем двигаться опасно. Поэтому в светлое время прятали лодку в кусты и ждали. В путь отправлялись с вечерними сумерками, плыли до рассвета. Кый говорил, что по Ловати до Ильмерь-озера идти шесть суток, но из-за дневок получилось дольше.

Вынужденные стоянки настроения не портили. Гелия, отоспавшаяся за время путешествия, была радостна и беззаботна. Фальшивя, тихонько напевала, часа по два расчесывала свои роскошные волосы и говорила, говорила. Иногда дельное — учила языку вэрингов, но чаще болтала пустое.

На первой же остановке спросила, не передумал ли Дамианос считать ее сестрой. Если переду-

мал, то почему бы ему не провести время с приятностью, раз уж они все равно сидят и ждут.

— Нет, — ответил он. — И больше не предлагай.

— Что же мы будем делать до вечера? Тогда давай разговаривать. Я знаешь про что тут думала?

Он вздохнул. Ладно, лучше пусть болтает, чем пристает со своей холодной любовью. Всё не может успокоиться, что не превратила его в «инструмент».

— Ты обратил внимание, как на нас с тобой смотрели дружинники, которых ты убил? Какие у них были лица?

— Боязливые. Мы для славян — люди чужие, обладающие непонятным знанием, а потому страшные.

— Мы для них не люди, а сверхъестественные существа. Здесь мы — боги, спустившиеся к смертным.

— С той лишь разницей, что мы тоже смертные, — заметил Дамианос. Она хотела что-то ответить, но не стала.

Какое-то время спустя заговорила снова:

— Нас двое: ты и я. Я вдруг это поняла.

— Конечно, двое. Магог не в счет.

— Я не про сейчас. Я про вообще. Понимаешь, я всегда думала, что на свете я одна, а все остальные не имеют важности. Или вообще мне мерещатся. А ты имеешь для меня важность. Даже если мерещишься. Не понимаешь?

— Нет.

— Я тебе одну историю расскажу. Тогда ты поймешь. — Она поворошила палкой неяркий, бездымный костер. Дамианос никогда еще не видел ее такой грустной и серьезной.

— ...Однажды, давно, я тоже один раз подумала, что встретила человека, который имеет важность.

Мне было шестнадцать лет, и это было первое задание. — Пухлые губы искривились, по лицу пробежала тень. — Нет. Не хочу вспоминать.

— Ну и не надо. Многие не любят вспоминать свое первое задание. Я тоже.

— ...Нет, все-таки расскажу, — сказала она минуту спустя. — Прибыли послы от императора франков. И нужно было знать, о чем они между собой разговаривают. Задание дали мне. Кто заподозрит девчонку? В шестнадцать лет я выглядела на четырнадцать. Мне поручили самого молодого посла. Он был принц, племянник императора. Его включили в посольство, потому что он был царской крови, а все дела вершили два других посла. Принц, конечно, в меня влюбился. Это было совсем легко. Очень старался, чтобы мне с ним было хорошо. Был нежен. Говорил, что не может жениться, но оставит меня при себе и сделает моих сыновей графами — это такие франкские патрикии. Я жалела его, бедняжку. — Гелия виновато посмотрела на собеседника. — Чего ты хочешь? Мне было шестнадцать. Ты в шестнадцать лет был умный?

— Не помню. Вряд ли.

— А потом мне велели моего принца отравить. Я удивилась, но спрашивать, сам знаешь, у нас не положено. Потом узнала, конечно. Я всегда всё узнаю. Император франков хотел избавиться от племянника, потому что тот был сильный, храбрый и красивый. На родине его все очень любили. Больше, чем сыновей императора. Старшие послы в тайной беседе с логофетом пообещали какие-то важные уступки, если принц вдруг заболеет и умрет. Знаешь... Я тебе первому про это рассказы-

ваю. — Эфиопка печально улыбнулась. — У меня была глупая мысль всё рассказать принцу и убежать с ним. Но потом, конечно, я одумалась.

Она вздохнула, бросила ветку в огонь.

— Выполнила приказ?

— Принц умер у меня на руках. Я гладила его по лицу. Я дала ему самый безболезненный яд. Это всё, что я могла для него сделать.

— Ты часто его вспоминаешь? — с любопытством спросил Дамианос.

— Раньше вспоминала часто. Теперь редко... — Она пожала плечами. — Значит, он не был важным. Ты важнее. Тебя бы я не отравила, даже если бы мне приказал сам пирофилакс. Ты для меня важнее, чем пирофилакс.

Коротко взглянула и отвела взгляд.

Дамианос серьезно покивал. Про себя усмехнулся: «Подбираешь ключик? Ну-ну, старайся».

Гелия потом рассказывала много историй из своего прошлого, в том числе удивительных. Она была лет на десять моложе Дамианоса, а повидала на своем веку больше, чем он. Женщинам-аминтесам не дают долгих заданий, редко посылают в дальние края. Чаще всего приходится работать прямо в Константинополе или неподалеку. Почти всегда — с мужчинами.

Но главный разговор, определивший отношения напарников, был не о прошлом. Он состоялся на второй или третьей стоянке.

Дамианос подстрелил из манубалиста бобра, а Гелия превосходно его зажарила с какими-то тра-

вами. Женщин-аминтесов в Гимназионе среди прочего учили кулинарному искусству.

Половину бобра слопал Магог. Он начал есть, когда получил приказ. Перестал жевать тоже по приказу. Если не остановить, так и жрал бы, пока не лопнет желудок.

Гелия вытерла сочный рот листком мягкого, пушистого разноцвета, разлеглась на траве, потянулась гибким телом. Вопросительно посмотрела: насчет любви не передумал?

Он погрозил пальцем. Тогда эфиопка повернулась на бок, подперла голову локтем и сказала:

— А я знаю, почему ты отказываешься. Поняла. Ты не хочешь быть беззащитным, когда я защищена. И это правильно. Но хочешь, я тоже стану беззащитной? Хочешь, я, как твоя барсиха, подставлю тебе открытый живот? Я не про тело. — Она небрежно дернула плечом. — Я про душу.

— Если ты сама этого хочешь, — вежливо ответил Дамианос, пытаясь угадать, с какой стороны она зайдет на этот раз.

— Я хочу, чтобы ты меня узнал. *Настоящую меня.* Помнишь, ты вчера сказал, что мы не боги, потому что смертны, а я промолчала? Ты первый, кому я это говорю... — Она глубоко вздохнула, и Дамианос вдруг понял, что она волнуется — не притворяется, а в самом деле волнуется. — Я никогда не умру, я бессмертна. Что бы ни говорили попы и кто угодно, меня не обманешь. — В ее голосе звучала убежденность. — Разве было когда-то, чтобы меня не было? Я была всегда, сколько себя помню. У меня не было начала. А может ли иметь конец то, что не имело начала?

И посмотрела с торжеством.

«Философии в женском Гимназионе обучали, но лишь азам — остановились на софистике, — подумал Дамианос. — Когда малоученому человеку приходит в голову собственная мысль, он чувствует себя первооткрывателем». Спорить не стал. В конце концов, каждый договаривается со смертью по-своему. У кого-то Белая Дева, у кого-то иллюзия о придуманности мира, в котором существует только одна реальность — ты сам.

— Теперь ты не побоишься отказаться от защиты? — спросила она, с беспокойством следя за его лицом. — Дай себе волю. Отпусти поводья. Тебе нужно хоть изредка это делать. Тебе будет хорошо, ты знаешь.

— Не нужно этого, — ласково ответил он. — Плотские отношения всё усложняют, а нам надо оставаться друг с другом простыми. Давай лучше будем братом и сестрой.

Она презрительно фыркнула:

— У меня слишком много братьев и сестер.

— А мы с тобой будем близнецы, — засмеялся он. — Мы и вправду очень похожи. И я не имею в виду родинку под левой грудью.

У Гелии вспыхнули глаза.

— Да! Ты прав! — воскликнула она. — Двойняшки девять месяцев лежат рядом в утробе, отгороженные от остального мира. Такими будем и мы! Только мы вдвоем — и больше никого!

— Договорились. А теперь мне нужно поспать.

День был пасмурный и холодный. Вскоре стал накрапывать дождь. Они лежали, прижавшись друг

к другу для тепла, укрытые шкурой. В самом деле — будто близнецы в материнской утробе.

С хвои падали капли. У костра сидел и сопел не ведающий сна автоматон.

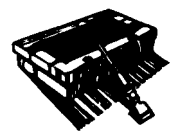
— Вас в Гимназионе учили поэзии? — спросила Гелия. — Или это только девочек?

И процитировала Овидия:

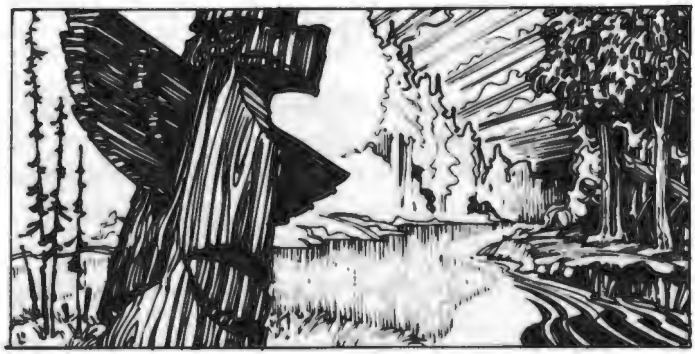
Когда возлюбленную прочь
Ушлет злой рок, без колебаний
За ней на самый край земли
Тотчас последует любовник.
Преодолеет горы он,
Раздутые дождями реки,
И даже снежная метель
Влюбленного не остановит.

— Учитель приводил эти строки как пример добровольного сумасшествия, которым заболевают люди, вообразившие себя влюбленными. А я сейчас подумала: вдруг настоящая любовь — это то, что у нас с тобой?

— Сомневаюсь, — ответил он. — Спи.



РАДОСЛАВА



Что такое Кресторечье, о котором поминал князь Кый, Дамианос понял, когда Ловать, за время пути превратившаяся из чахлой лесной речки в немалую реку, пересеклась с еще одним потоком, образовав подобие огромной буквы Х. На остром мысе, видный издали, торчал столб с каким-то знаком. Когда подплыли ближе, стало видно, что это грубо вырезанный деревянный орел.

— К берегу. К берегу. К берегу, — свистнув, трижды повторил аминтес, прежде чем Магог понял.

Нос лодки мягко ткнулся в нависшую над водой кромку травянистого берега. Гелия спала, будить ее Дамианос не стал.

Вскарабкался по некрутому откосу один.

Время было полурассветное: еще не день, но уже не ночь. Туман, что стелился над водой, наверху не удерживался, его сдувал холодный ветерок. Полагалось бы щебетать ранним птицам, но над мысом висела мертвая тишина.

Дамианос знал, какое зрелище здесь обнаружит, — и все равно содрогнулся.

Вокруг столба, как сходящиеся к центру лучи, лежали двенадцать тел. Аминтес на своем веку насмотрелся на мертвецов, в том числе преданных самым лютым казням, но такого еще не видывал.

Голые люди лежали ничком. Руки раскинуты. Ребра с обеих сторон вывернуты и загнуты назад. От внутренностей, вынутых палачами, ничего не осталось — давным-давно пожрали стервятники. Но у всех покойников — Дамианос наклонился к каждому — были широко разинуты рты. Значит, ужасному ритуалу их подвергли при жизни. Аминтес перевернул костяк, на котором еще сохранилась кожа.

Понятно. Сначала распороли живот, потом положили лицом вниз, и кто-то очень сильный, взявшись руками за ребра, рванул их кверху. Какому жестокому богу приносят такие жертвоприношения?

Вернулся в лодку. Гелия сидела, полоскала рот речной водой, готовилась чистить зубы толченым мелом — она очень следила за белизной улыбки.

— Вылезаем? Будем дневать здесь?

— Нет, чуть дальше, — сказал он. Через некоторое время спросил: — Какому богу приносят жертвы вэринги?

— У них много богов, как у всех варваров. Есть бог грома Тор — как у славян Перун. Могут делать жертвоприношения ему. Но главнее Один, отец

Тора. Он обитает в великолепном дворце Вальгалла, куда могут попасть только храбрецы, павшие в бою.

— Орел — символ Одина?

— Один из символов. Почему ты спрашиваешь?

— Скоро встретим вэрингов. Осталось только попасть на ту сторону озера Ильмерь.

Озеро оказалось очень большим, противоположного берега не видно. Можно было бы плыть прямо, это сократило бы путь, но Дамианос предпочел двигаться вдоль суши. И, конечно же, только в темное время.

Прибрежные поселки — скорее, не поселки, а дворы на одну большую семью — попадались часто и, в отличие от прежних, не пустовали. Окна светились тусклыми огоньками. Должно быть, местные жители приняли власть вэрингов и платили им дань.

На исходе ночи Дамианос велел автоматону причалить к лесистому берегу неподалеку от кучки домов, чьи контуры вырисовывались на побледневшем небе. Этот поселок вплотную примыкал к деревьям, где легко укрыться и откуда удобно наблюдать.

Лодку спрятали получше, закрыв ветками. Гелию с Магогом аминтес оставил на поляне, подальше. Сам же засел в зарослях и стал наблюдать.

Долго ждать не пришлось. С первыми лучами солнца во дворе началось движение. Вышла баба в

надвинутом на брови платке, пошла в сарай, и там закудахтали куры. Женщина была одета по-славянски, не по-емчански, и Дамианос этому порадовался: повезло.

Через какое-то время со двора пошли четверо: чернобородый мужик с луком и парень с силками направились к лесу, старик с подростком — к озеру.

Аминтес подождал еще с час — проверить, не осталось ли в доме мужчин.

Но слышался только женский голос и несколько детских.

Что ж, можно рискнуть.

Он подошел со стороны поля, неспешным шагом, как ходят путники, привыкшие к длинным дорогам. Не забыл предварительно припорошить одежду и сапоги пылью.

Постоял у ворот — обождал, пока увидит хозяйка. Очень старался ничем не испугать — и все же испугал. Видно, чужаков здесь видели нечасто и опасались.

Первым незнакомца заметил мальчишка лет пяти. Он был в одной холщовой рубашонке до колен. Закричал, побежал к дому, упал.

Выскочила мать, та самая баба, что на рассвете ходила в курятник. Вместо того чтоб утешить орущего мальчишку, зачем-то схватила чугунный прут и побежала к крыльцу, где висел кусок железа.

Вот оно что — это било. Сейчас начнет колотить, звать мужчин.

— Хозяйка, мне бы только дорогу спросить! — крикнул Дамианос жалобным голосом.

Женщина обернулась, еще не решив, поднимать шум или нет. Вид у путника был негрозный, повадка мирная.

— Ты кто? — настороженно спросила баба.

— Бродячий знахарь. У мало́го твоего никак чесотная болезнь? — Мальчишка, перестав орать, сидел и сосредоточенно расчесывал голую ногу. — Хочешь, заговором полечу?

— Сама лечу, травами, — так же враждебно ответила хозяйка. — Иди куда шел, не то мужа с братьями крикну. — И соврала: — У мужа братьев шесть человек.

Но Дамианос подмигнул мальчонке, протянул руки — и тот сам в них пошел. Была у аминтеса, он знал, такая особенность — легко ладить с детьми и животными.

— Поди в дом! — крикнула мать. Но Дамианос уже достал из мешка коробок с мазью, потер воспаленные места — ребенок чесаться перестал.

Больше всего на женщину, кажется, подействовало, что ее сын совсем не боится чужого человека. Она подошла ближе.

— Заговор я нашептал. Какие травы варить, скажу. Перестанет малой чесаться. — Дамианос потрепал мальчугана по белобрысой голове, подтолкнул под задницу. — Другие дети здоровы ли? Сама?

И оттаяла хозяйка. Принесла попить козьего молока, а по-настоящему накормить пообещала, когда мужчины придут обедать.

Бабу аминтес полечил от брюшного вздутия (тут сделать было ничего нельзя — просто пошеп-

тал немного), но девчонке-трехлетке сделал раствор для гноящихся глаз. Когда вернулись рыбаки и охотники, поставил старику-свекру пластырь от суставной ломоты.

За это и сытно накормили и — главное, ради чего шел на риск, — ответили на нужные вопросы. Воистину медицина — царица наук.

— Хочу к варяжскому князю податься, — сказал Дамианос. — Людей его полечить. У них, сказывают, серебра много. Далеко ли осталось?

Оказалось, совсем недалеко. В часе пешего хода из озера вытекает Волхов-река. Вдоль нее еще час пройти — там и есть варяжское городище. Только идти коротким путем не надо. Там повсюду дозоры, и каждого, кто со славянской стороны идет ли, плывет ли, хватают и убивают. Местным жителям тоже строго наказано: появится кто из-за озера — тех ловить или варягам доносить. А иначе всему роду смерть.

— Рориковы варяги себя «русами» зовут, — сказал старик, глава семьи. — Они строгие, но живут по закону. Озоруют, а меру знают. Заозерных кривичей всех пожгли, поубивали, однако нас, словен, не трогают. Жить при них можно. Порядок есть. Раньше которые варяги заплывали — те разбойники были. А русы нет, не разбойничают. Дань брать берут. Девок, баб молодых прятать надо — портят. Но тоже ведь понять можно. Ихние-то за морем остались. Скучают. Еще что? Чужих, кто из-за озера, мечами на куски рубят. Русы — они такие. Для потехи убивать любят. А все ж много

дурного про них не скажу. Можно жить. А то мы давно поднялись бы да в лес ушли. Лес прокормит, река рыбу даст...

Старик был говорлив. Пришлось повернуть разговор на самое важное.

— Как бы мне к русскому лагерю попасть, чтобы дозорные не зарубили? — спросил Дамианос.

Мужики посовещались, пришли к выводу, что лучше всего обойти кругом и зайти с другой стороны, будто идешь не с юга, а с севера. Тогда не убьют, отведут в городище. А там уж как решат.

— Лучше не ходил бы туда, добрый человек, — сказал чернобородый. — Звери они. То ли серебром тебе заплатят, то ли порешат ни за что. Поди знай.

— И то правда. — Дамианос поднялся. — Спаси вас Перун, а я, пожалуй, назад поворочу. Ну их, варягов.

Полдня были потрачены с пользой. Теперь он знал, как действовать.

Лодку так и оставили в лесу, только укрыли получше — пригодится обратно плыть. Остаток дня, ясного и жаркого, шли пешком через лес, определяя направление по солнцу. Открытые места обходили. Наконец, по расчету Дамианоса, оказались к северу от Рорикова стана. Тогда повернули обратно и взяли наискось, на закат. И теперь уже не таились, шли по тропе.

Беспокоило одно. Эфиопка вышагивала своей порхающей походкой, будто пританцовывала; бед-

ра покачиваются, пышные волосы золотятся на солнце.

— Слушай, — озабоченно спросил Дамианос, — а ты можешь не приманивать своим видом мужчин? Вэринги охочи до женщин.

— Я могу делать с мужчинами всё, что захочу, — самоуверенно ответила она. — Захочу — будут липнуть, как мухи. Захочу — испугаются.

— Ну, пугать вэрингов не нужно. Это может быть опасно. Вот если бы они на тебя не облизывались...

— Поняла. Ступайте, я вас догоню.

Она присела на корточки, стала рыться в своей котомке. Дамианос подал знак автоматону: идем.

Через несколько минут сзади раздались семенящие шаги. Аминтес обернулся и обмер.

По тропинке шаркала ногами сгорбленная старуха, с головой укутанная в тряпье. Лицо африканки еще больше потемнело, сделалось совсем черным и всё покрылось морщинами. Блеск глаз померк, плечи ссутулились.

— Так хочешь ты меня или нет? — прошамкала Гелия скрипучим голосом и захихикала.

— То, что надо, — одобрил он. — Держись в двадцати шагах сзади. Если сделаю рукой вот так — замри на месте.

Приказал то же самое Магогу, только совсем простыми словами и трижды повторил.

Теперь Дамианос был предельно сосредоточен. Перед каждым поворотом тропинки делал остановку: зорко смотрел вперед.

Поэтому заметил затаившийся в кустах дозор прежде, чем был обнаружен сам. Что-то металлическое блеснуло в листве, донесся приглушенный звук голосов.

Дамианос вскинул руку: стоять! Сам же пошел дальше без утайки и забормотал под нос, будто разговаривая с собой, как это делают одинокие путники.

На тропинку ступили, преградив путь, трое. Дамианос сделал вид, что удивлен, но не остановился.

Вэринги. Такие же, как те, что служат в дружине у Кыя: рослые, широкогрудые, с красными обветренными физиономиями и нечесаными бородами — одна рыжая, две светло-пегих. Двое в коротких перепоясанных рубахах; у рыжего на плечах, несмотря на теплую погоду, накидка волчьего меха. На ногах не сапоги, как у славян, а грубые кожаные чулки, примотанные к икрам тесемками. Мечи длиннее и тяжелее, чем у славян. Зато и удар, должно быть, таков, что прорубит любой доспех.

Рыжий, видно, был за старшего.

— Кто? Откуда? Куда? — сказал он по-славянски, странно выговаривая звуки — будто рот наполнен мелкими камешками.

— Я знахарь, колдун, — громко ответил Дамианос и прибавил слово, которому его научила Гелия: — *Офрефлисмад*! — Так у вэрингов называют людей, обладающих сверхъестественной силой. — Иду от Ладоги. К князю Рорику.

Светлобородые обступили его по бокам. У того, что слева, один глаз был закрыт и провален.

— Зачем Рорик? — спросил старший и вдруг свирепо прищурился, глядя Дамианосу через плечо. Мощная рука схватила за горло и сжала. — Кто там? Кто сзади?

— Они со мной, — прохрипел аминтес. Ну и силища! — Гелия, идите сюда!

Он взял вэринга за запястье и надавил на точки, от которых немеет кисть. Потом легко разжал волосатые пальцы. Медленно. С дикарями следует вести себя, как с хищными зверями. Ни в коем случае не выказывать робости, держаться уверенно, но не делать быстрых движений.

Варвар, бывший на голову выше щуплого аминтеса, изумленно разглядывал свою лапищу.

— *Витта*, — пробормотал он, что означало «волшебство».

— Зачем мне к Рорику, я скажу самому Рорику... — спокойно начал аминтес, но не договорил.

Одноглазый двинулся навстречу Гелии.

— *Банна*! — крикнул ему Дамианос. — Не тронь! Женщина заколдована! *Витта*! Она прогневила бога. За это он сделал ее лицо черным, а волосы поставил дыбом. Я ее врачую!

Вэринг то ли не понял, то ли не придал значения. Потянул с плеч Гелии тряпку — и попятился. Волосы встали торчком, черное страшное лицо злобно оскалилось неестественно белыми зубами.

Все трое русов возбужденно заговорили между собой. Несколько раз повторили известное Дамианосу слово *аллил* — нечто злое, нечистое.

Рыжий опасливо обошел черную женщину, остановился перед Магогом. Они были одного роста и одинакого телосложения.

— Ты кто?

Автоматон безучастно молчал.

— Он не ответит, — сказал, подходя, аминтес. — Это мертвец. *Хаугбуй!*

Взял трипокефала за нос, потянул книзу. Показал поблескивающую сквозь волосы серебряную пробку в дырявой голове.

— Сюда попала стрела. Стрела, понимаешь? Убила его. А я оживил. *Витта*!

Рыжий поежился, словно ему стало зябко под волчьей шкурой, и быстро отошел. Вэринги загудели, совещаясь.

— Волчья куртка говорит, что колдуна нужно отвести к какому-то годи. Одного, — шепотом переводила Гелия. — Годи решит, как с тобой быть. А черную старуху и живого мертвеца в лагерь вести нельзя. Мы нечистые, можем принести беду. Нас оставят здесь. Пусть годи пришлет сказать, что с нами делать.

— Кто этот годи, непонятно?

— Наверное, жрец Одина. Кто бы ни был, ты сумеешь с ним управиться. За меня тоже не тревожься. — Она оскалилась и подмигнула. — Это всего лишь мужчины. Хоть и очень грязные.

А Дамианос и не тревожился. Пока всё складывалось превосходно.

— Тебя поведет одноглазый, звать — Токе, — сказала она, послушав еще. — Токе говорит, что не боится колдунов. У него амулет от злых чар.

— Я разыщу тебя. — Дамианос повернулся к Магогу. Свистнул, чтобы привлечь внимание. — Оставайся с ней. Глаз с нее не спускай. Если будут обижать — защити. Понял?

Автоматон сонно кивнул. Уставился на женщину. Теперь так и будет на нее пялиться.

— Э, нет. Ты скажи ему, чтобы он меня защищал, только если я попрошу. А то мало ли что втемяшится в его дырявую башку.

— Защищай, когда она скажет: «На помощь!» «На помощь!» Понял?

Снова кивнул.

Одноглазый тронул Дамианоса за плечо рукоятью меча. Амулет амулетом, а прикасаться рукой поопасался.

— Иди со мной. Близко не ходи. Далеко тоже нельзя, — сказал Токе, коверкая слова так, что трудно было понять.

Он повел чужого человека сначала лесом, потом лугом, мимо небольшого, поросшего камышом озера. Освещенное ярким июньским закатом, оно всё переливалось перламутром. Над водой колыхалась кружевная дымка, пронизанная острыми стеблями тростника.

«Мир прекрасен и опасен, — подумалось аминтесу, — но иногда прекрасен до такой степени, что об опасности забываешь». Мысль была странная, совершенно не ко времени. За ней последовала другая, еще более удивительная: «Где-то я уже видел эту картину».

Не видел. Не мог видеть. Он попал в эти края впервые. И всё же замирание сердца подсказало,

что пейзаж ему знаком. Не просто знаком, а памятен и важен.

Почему-то хотелось смотреть на озеро — и не куда-то, а на вполне определенное место, где камыши расступались, открывая доступ к мерцающей воде.

«Что за ерунда со мной творится?» — рассердился Дамианос. И отвернулся, стал смотреть на вэринга, прикидывая, как бы его разговорить. С запасом всего из нескольких слов это будет непросто.

Вдруг единственный глаз Токе выпучился, перестал мигать. Ноздри приплюснутого носа алчно расширились. Дикарь смотрел куда-то поверх головы низкорослого спутника. Проговорил неразборчивое слово и пригнувшись побежал — к тому самому участку берега, куда стигму назад так хотелось посмотреть Дамианосу.

— Стоять! Никуда! — крикнул вэринг, коротко обернувшись, и погрозил огромным кулаком.

Только теперь Дамианос взглянул на озеро.

Камыши плавно шевелились. Меж них медленно, очень медленно, к берегу шла девушка. Она была вся окутана сияющим солнечным нимбом. Одета в мокрую, прилипшую к тонкому телу рубашку. Волосы у девушки были длинные и белые, украшенные кувшинками.

У Дамианоса подкосились ноги.

Вот почему ему показалась такой знакомой и такой важной эта картина! Он множество раз видел всё это во сне: воду, тростник, дымку — и выходящую из нее деву.

Геката! Это была Геката! Миг встречи настал! Внезапно, безо всякого предупреждения. Не после смерти, как всегда думал Дамианос, а здесь, на этом свете. Если, конечно, между жизнью и смертью есть какой-то рубеж.

«Может быть, я умер? — сказал себе замерший Дамианос. — Может быть, я шел по тропинке, и в меня вонзилась стрела дозорного, и я погиб в одно мгновенье, даже не поняв этого? Или одноглазый Токе пронзил мне сзади сердце мечом?»

Это не имело значения. Умер так умер, жив так жив.

Встрепенувшись, он побежал навстречу Белой Деве, желая наконец рассмотреть ее лицо — в снах оно всегда было полуразмытым, так что сияли одни глаза.

Наверное, все-таки умер. Или неведомым для себя образом погрузился в сон. Наяву всегда был легконог, а сейчас бежал, словно по болоту.

Увалень Токе, который непонятно зачем вторгся в мир, где чужим не место, далеко обогнал Дамианоса. С топотом и плеском вбежал в воду. Дева заметила его, вскрикнула, метнулась обратно, но вэринг был уже рядом. С гоготом подхватил ее, без малейшего усилия перекинул через плечо, поволок на берег.

Дамианос остановился. Яростно потер глаза. Тряхнул головой.

Это было не видение! Это происходило наяву!

Варвар тащил на себе девушку, ее длинные белые волосы развевались, звонкий голос кого-то звал:

— Лесень! Спасай, Лесень!

Но тот, к кому она взывала о помощи, не спешил. На берегу — ни справа, ни слева — больше никого не было. Только Дамианос.

На сухом месте Токе бросил пленницу на землю, одной рукой прижал к земле, другой стал развязывать кожаную тесьму, на которой держались штаны.

— Лесень! Лесень! — всё звал тонкий голос.

И Дамианос очнулся. Ни о чем не думая, просто откликаясь на зов, он подбежал сзади, крепко сдавил одноглазому сонную жилу на шее, подержал — и отшвырнул тяжелую тушу в сторону.

Это была Геката, вне всякого сомнения! Он узнал прозрачные, будто раннеутреннее небо, глаза. А лицо — у Белой Девы могло быть только такое лицо: чистое, юное, тонкого рисунка, с молочной кожей и земляничного оттенка губами.

Губы что-то проговорили, но у Дамианоса звенело в ушах.

— Лесень... Ты пришел... — повторила Дева и улыбнулась — испуганно, но в то же время радостно. — Я позвала, и ты пришел...

Говорила она по-славянски северным говором — как те словене, у кого Дамианос сегодня обедал.

На щеках нежный румянец. Сквозь рубашку — совсем как во сне — просвечивали маленькие сосцы.

«Живая? — спросил себя Дамианос. — Она живая?» И совсем перестал что-либо понимать.

— Я Рада. Радослава, — чуть шире улыбнулась она. — Но ты ведь сам знаешь...

— Ничего я не знаю, ничего не понимаю, — пролепетал аминтес по-гречески.

Он решил, что нужно до нее дотронуться. Протянул руку, ожидая, что она пройдет насквозь, — и коснулся мокрого, теплого плеча.

Девушка, вздрогнув, отшатнулась. Вскрикнула, схватилась за локоть.

— Ой! Больно! Рус сжал, теперь болит!

Дамианос закрыл глаза.

«Она настоящая. Это живая девушка. Много лет снилась, а теперь встретилась. Такого не бывает. А со мной случилось. Это счастье или это несчастье? Конечно, счастье!»

Девушка стонала. У нее был вывихнут локоть. Должно быть, от потрясения она не сразу ощутила боль.

— Потерпи, — сказал Дамианос. — Сейчас вправлю.

«Рада, Радослава», — попробовал он на язык имя, ловко вправляя вывих.

— А-ай! — пискнула она. — Ох... А теперь стало не больно!

Она разглядывала его уже без страха. Глаза горели восхищением и любопытством.

— Ростом мал, руки-ноги тонкие, как ветки, и на челе отметина. Как есть Лесень.

«Про кого она? Кто это — Лесень?»

Вдруг встала на колени и низко, лбом в землю, поклонилась. Быстро заговорила, не поднимая головы:

— Лесной бог, я теперь твоя. Я больше тебя не боюсь. Я согласна. Я знала, так и будет.

— Что будет? — Он нагнулся, с трудом разбирая ее скороговорку.

— Что я твоя буду. Мне бабинька насулила, я еще маленькая была. «Замуж не выйдешь, старой не будешь, тебя бог Лесень заберет». Я сильно боялась. Думала, помру рано. Или в жертву принесут. У нас, лесовичей, бывает. Когда зверя нет и год голодный. А ты, Лесень, добрый. Ты меня от руса спас. Ты меня силком не заберешь. А если добром — я согласна, забирай. Я теперь не боюсь.

Про лесовичей Дамианос слышал. Малый лесной народец, те же ильмерьские словене, но живут наособицу, молятся своему богу. Стало быть, он зовется Лесень...

Это не Белая Дева. Это просто девушка, совсем молоденькая, почти девочка. Лет шестнадцать, не больше.

Или так: Белая Дева — не то, что он всегда думал. Не богиня луны и смерти, не Геката, а... А просто девушка. С очень светлыми, почти белыми волосами, молочной кожей и ясными до прозрачности голубыми глазами.

— Я не бог. Я Дамианос.

Зачем-то назвал свое настоящее имя, дикое для славянского уха.

— Ты — бог. — Радослава села на корточки, засмеялась, глядя снизу вверх. — Ты играешься. Но меня не обманешь. Пойдем-ка.

Распрямилась, взяла его за руку. Пальцы у нее были слабые, тоненькие, но от их прикосновения

из аминтеса будто вышла вся сила, и он покорно позволил девушке вести его за собой.

Они прошли берегом озера, а затем полем к невысокому холму, где в окружении березок, словно князь со свитой, стоял древний дуб.

Капище, понял Дамианос, когда увидел, что к дубу ведет дорожка, с обеих сторон выложенная звериными и птичьими костями.

— Вот — ты.

Радослава остановилась перед дубом и низко поклонилась ему. С одной стороны кора на дереве была снята, и там темнел барельеф: резное изображение лесного бога. Руки у него были наподобие веток, борода короткая, как у Дамианоса, а ровно посередине лба торчал маленький сучок.

— Как же тебя не признать? — засмеялась девушка, осторожно показав на «огненный перст». — Нешто не ты?

Голова у Дамианоса кружилась, совсем ничего не соображала. «Ты похож на этого идола не больше, чем она — на Белую Деву. Девчонка почти ребенок, она напридумывала себе — это ладно. Но ты-то, ты?» — шепнул рассудок.

Аминтес посмотрел на девушку из лесного племени, почувствовал, что не может отвести взгляда, и рассудок умолк.

— Я пришел издалека. Я не бог. Я человек.

Она потрогала его за руку, неуверенно коснулась подбородка — и отдернула палец.

— Ты Лесень. Ты пришел за мной. Потому оделся в кожу и мясо. Но я тебе не нравлюсь, и ты не признаешься.

Голубые глаза в одно мгновение наполнились слезами, губы задрожали.

«Она живая. Она не растает и не исчезнет. Значит, ее можно будет отыскать. А сейчас — долг. Дело».

— Где ты живешь?

— Там. — Она показала на опушку недальнего леса. — Мы живем там. А то ты не знаешь! Мне дотемна на озеро ходить нельзя. Русы девушек ловят. Но сегодня вдруг так захотелось на вечерней заре искупаться! Вода вся розовая. А это мне не просто так захотелось. Это ты меня позвал.

Из-за густеющих сумерек вдаль было видно плохо, но Дамианос все же разглядел под деревьями серые крыши лачуг.

— Наша крайняя. Мы с бабинькой живем. Она глухая совсем, — сказала Радослава и хихикнула. — Ой, я ему рассказываю, а он все и так знает.

— Беги домой. Не оборачивайся. А то молнию с неба пошлю, — строго приказал Дамианос, решив, что быть богом, пожалуй, удобнее.

— Опять шутишь. Ты молниями не караешь — то Перун.

— А чем я караю?

— Ну как... Медведя можешь наслать. Или волков.

— Нашлю. Медведя. Беги домой!

Она медлила.

— А еще придешь?

— Приду. Не оборачивайся, поняла?

Девушка, подобрав рубашку, побежала, а Дамианос упал в высокую траву, где стоял. Конечно,

обернулась — женщины есть женщины, хоть небесные, хоть земные. Увидела, что на поле никого нет, вскрикнула и припустила еще быстрее, только белые ноги замелькали.

И вскоре — показалось, сразу после того, как убежала Радослава, — померк последний свет. Стало темно.

Дамианос торопливо шел назад к озеру и повторял: «Потом, потом, не сейчас».

Ему было страшно, как никогда в жизни. Может быть, вообще — впервые в жизни.

Словно сорвали надежный панцирь, под которым он чувствовал себя неуязвимым. Раньше он смотрел на других людей и чувствовал, что сильнее их, потому что его ждет Белая Дева и он ничего не боится. Но если Дева не Там, а здесь, то как же тогда умирать?

Он стал таким же, как все. Смертным, который боится смерти.

О Боже! О боги! Как это страшно...

«Потом, потом, не сейчас».

Вэринг валялся на том же месте. Когда аминтес вывел его из обморока, Токе захлопал единственным глазом, стал бить себя по щекам, озираться. Он не понимал, что с ним произошло, куда подевалась девушка и почему вдруг стало темно.

— Где баба? Был баба. Нету.

Дамианос пожал плечами:

— Не было никого. Наверно, ты видел ведьму. *Фрозлейк.* Колдовство. Нет ли на тебе какого-ни-

будь амулета от злых чар? Амулет, понимаешь? Есть ведьмы, которых амулеты не отпугивают, а приманивают... Идем в лагерь, темно уже.

Варвар затрясся. Сорвал с шеи какую-то ладанку и швырнул в воду.

«Больше о ней не думать, — приказал себе Дамианос. — Иначе буду бояться, сделаю ошибку и меня убьют. Мне теперь погибать нельзя».

ЛОГОВО ЗМЕЯ

Лагерь русов был виден издалека.

Прошли рощей, оказались на краю большого поля, и на дальнем его конце засветился огненный остров: черный холм с ровным венцом черного вала, а поверху — багровый отсвет от множества костров. Будто жерло невысокого, но широкого, пышущего пламенем вулкана.

Скоро засиял бледный месяц, и замерцала лента широкой реки, на берегу которой вэринги поставили свою крепость.

Вкруг плоской вершины тянулась стена из вбитых в землю древесных стволов в два ряда, посередине насыпаны земля и камни. У распахнутых ворот стояла стража — молчаливые бородачи в войлочных куртках, обшитых железными полосами, с огромными топорами и длинными обоюдоострыми мечами.

Токе сказал им что-то, показав на Дамианоса. Прозвучало знакомое слово (или имя?) *годи* и несколько раз *фрозлейк*, «колдовство». Часовые по-

смотрели на тщедушного аминтеса с опаской, сделали одинаковый жест: поплевали на пальцы и потерли ими о левое плечо — должно быть, отогнали злых духов.

Что ж, эти грозные варвары суеверны. Отлично.

Конвоир повел Дамианоса через весь лагерь, на другую сторону холма, так что было время присмотреться к русам получше.

Жили они кто как. Некоторые в длинных бревенчатых домах — заглянув в окно, аминтес увидел длинноволосых, длиннобородых людей, которые ели у длинного стола, или лежали на лавках, или чистили оружие. Попадались и кожаные либо войлочные шатры. Но многие вэринги, кажется, обходились без крова над головой и просто сидели вокруг больших костров. Все как на подбор плечистые, грубоголосые, заросшие буйным волосом, похожие на буйволов или на медведей.

На утоптанной площадке молча дрались двое богатырей. Бились так: сначала ударит кулаком один — в грудь или в лицо; другой пошатнется — ударит в ответ; и снова, и снова. Вокруг стояли зрители, на каждый удар откликались ревом. Остановился и Токе, тоже стал кричать.

Наконец один боец не удержался на ногах и грузно повалился. Полежал на земле. Встал. Потянул из ножен меч. Толпа подбадривающее загудела. Победитель тоже обнажил оружие.

«Неужто будут биться насмерть? — удивился Дамианос. — И никто не остановит?!»

Но зрители просто расступились пошире. Мечи сшиблись, полетели искры. Искусством фехтования верзилы не владели, но быстрота ударов была такая, что свистел воздух. Вот один, победитель кулачной драки, оступился, и второй рубанул его сверху наискось по шее. Голова вместе с плечом и рукой отлетели в сторону. Укоротившееся тело, выпустив фонтан крови, рухнуло в другую. Ну и силища!

Под оглушительные вопли толпы пошли дальше.

На середине лагеря, когда проходили мимо дома, который был длиннее и выше остальных (наверное, там обитал князь с ближней дружиной), Дамианос попытался прикинуть, сколько у Рорика воинов.

«Казарм» — так аминтес окрестил бревенчатые постройки — десятка полтора. В каждой, кажется, человек по тридцать-сорок. Да шатры, да сидящие у костров... Не так уж русов много. Может, тысяча или немного больше. Город Кыев они, пожалуй, возьмут, особенно если нападут врасплох. Каждый из этих дикарей справится с двумя или тремя обычными воинами. Но Херсонесу и тем более великому Константинополю этой кучки разбойников можно не опасаться. Во всяком случае, пока.

Надо будет еще осмотреться при свете дня. Возможно, кроме основного лагеря есть другие.

Провожатый вел его в самый дальний конец. Это место было не похоже на другие. Сначала чернела пустая полоса, потом кольцом горели костры, но около них никто не сидел. Внутри освещенного

круга стояла плетенная из ветвей хижина и торчал столб с изображением орла — как у Кресторечья, над жуткими мертвецами.

— Годи, — кивнул Токе на хижину и погрозил кулаком. — Годи Урм! Ты плохой колдун. Урм — хороший.

У столба стоял старик с седыми волосами до середины спины и такой же длинной бородой, заплетенной в две косы. Он держал в руке посох, на верхнем конце которого был закреплен нож, и проделывал странные манипуляции: окунал клинок в какой-то сосуд и потом смазывал красной жидкостью — кровью или, может быть, ягодным соком — клюв деревянного орла. Движения старика были странно замедленны, неуверенны. Прежде чем сунуть посох в кувшин, он всякий раз шарил рукой в воздухе. С таким же трудом находил он и клюв.

Слепой, догадался Дамианос. И вспомнил рассказ Кыя о варяжском колдуне, который видит насквозь всякого человека и по чьему слову любого подозрительного предают немедленной смерти.

Токе опасливо вошел в освещенный круг, поклонился, что-то сказал. Слепец коротко ответил.

«У них один глаз на двоих», — сказал себе Дамианос, усмехнувшись. Дикарских чар и чародеев он нисколько не опасался. Об ожившей Белой Деве аминтес думать себе запретил, дисциплинированный разум повиновался, и сейчас Дамианос чувствовал себя так же, как в начале всякого рискованного предприятия — напряженно и весело.

Одноглазый вернулся, отвел задержанного к самому большому костру, где, переступая с ноги на ногу, ждал человек, не похожий на вэринга: в длинной рубахе до колен, в плетенных из лыка лаптях. Емчанин, определил Дамианос по вышивке на рукавах. В обхват лба крученый кожаный ремешок. Значит, уважаемый человек. Старейшина или волхв.

— Стой тут. Жди. Урм зовет — ходи, — бросил на прощание Токе и ушел.

Рядом сидел на земле, медленно жевал длинный лоскут мяса полусонный детина с исполинской шипастой дубиной поперек коленей. На шее тускло посверкивал железный обруч. Очевидно, охранник, приставленный стеречь тех, кого приводят к слепому. Сбежать от такого стража было бы нетрудно, но зачем?

Интересно, что емчанин выглядел совершенно спокойным. Поглядел на аминтеса мирно, спросил:

— Что за человек? Одет по-славянски, а борода короткая, как у греческого купца.

Говорил он нечисто, но понятно: «Сьто са селовек?»

— Шел оттуда, — неопределенно махнул Дамианос в сторону севера, ничего не ответив про короткую бороду. — Варяги остановили, сюда привели. Кто этот слепой? Что он делает?

— Это годи. По-вашему волхв. Имя — Урм. По-вашему Змей.

«Змей? Значит, тезка. Я у северичей тоже Гадом был», — все так же весело подумал аминтес.

— Змей кормит бога Одина кровью.

— Петуха зарезал? — кивнул Дамианос, зная, что у северных народов лучшей жертвой богам считается петух.

— Нет, это я петуха резал. Нашему богу Юмалу жертву давал. *Руотсы* видели, меня к Урму привели. Он один решает, кто может быть волхв, а кто нет. Ничего. Посмотрит — отпустит. Скажет: можно. Что я ему? Он большой волхв, я совсем маленький. — И тем же спокойным, рассудительным тоном продолжил: — Бог Один, которому молятся руотсы, любит человечью кровь. Ее тут много. Каждый день кого-то убивают. Или у них *энвиг* — это когда они между собой рубятся. Или кто-то совсем больной и просит, чтобы его зарезали.

— Больные русы просят, чтобы их зарезали? — переспросил Дамианос, подумав, что неправильно понял.

Емчанин улыбнулся.

— Руотсы ничего не боятся. Но боятся помереть от болезни или от старости. У них называется «смерть на соломе». Кто так умер, никогда к богу Одину в небесный дворец не попадет. Поэтому

больные и старые просят, чтобы их убили. Нужно с мечом в руке помирать — тогда хорошо... А еще Урм много чужих убивает. Понюхает, понюхает. Если не такой запах — ножом режет. А кровь Одину даёт.

— Как это «нюхает»? — опять не понял Дамианос.

— Носом. У него нос волшебный. Врага чует. Поэтому я совсем не боюсь. Я руотсы не враг. Зачем меня убивать?

Вдруг раздался шум, и интересный разговор прервался. От центра лагеря к логову Змея-Урма двигались гурьбой десятка три воинов. Передние несли что-то на руках. Вот они вышли на пространство, освещенное кострами, и Дамианос увидел, что это мертвое тело.

— Урм! Урм! — кричали люди и еще что-то, сердитое и требовательное.

Труп они положили на землю, лицом вниз. Под левой лопаткой рубаха потемнела от крови. Удар колотый, определил Дамианос опытным взглядом. Нанесен ножом или копьем.

— Зарезали, — сказал емчанин. — Кто зарезал — не знают.

К толпе вышел слепой. Поднял руку с посохом — все замолчали. Потом заговорили снова, но теперь тихо, почтительно. Годи послушал, наклонил голову.

— Этот, который лежит, на ночь в караул встал. Около своего *шипслаг*. И кто-то зарезал, — пересказал емчанин, видно, хорошо знавший язык вэрингов.

— Что такое «шипслаг»?

— Руотсы, кто из одной деревни, один корабль строят. Плывут по морю вместе. На земле один дом строят и тоже живут вместе. — Местный волхв показал на бревенчатые казармы. — Чужих к себе не пускают. Даже других руотсы.

Жреца под руки подвели к мертвецу. Годи тяжело опустился на колени, стал ощупывать рану. Поднес ко рту окровавленный палец. Понюхал, лизнул. Сказал что-то, от чего по толпе прокатился ропот.

— Говорит свой зарезал. Так кровь шепчет. Говорит, один из вас зарезал! — поразился емчанин. — Хэй, какой большой колдун! Всё видит!

«Конечно, свой. Не чужой же, — подумал Дамианос, не впечатлившись. — Земляк из своего же шипслага, к кому часовой не боялся повернуться спиной. Можно было не нюхать и не лизать. И так ясно».

Урм поднялся, стукнул посохом, возвысил голос.

— Говорит — в ряд вставайте. Буду нюхать каждого.

Артельщики зароптали, но повиновались — выстроились кругом, в центре которого находился годи.

Тем временем у капища собирались и другие русы — шли и бежали со всего лагеря. Столпились уже несколько сотен человек, и прибывали всё новые.

Аминтес с любопытством наблюдал за действиями жреца и заодно присматривался к артель-

щикам из шипслага. Как же Урм определит, кто из них убийца?

Годи кланялся орлу, шевелил губами, время от времени бил посохом о землю. Молитва сначала была тихой, почти беззвучной, но постепенно голос креп, делался пронзительней и превратился в песню со странным, трудно уловимым мотивом. Удары стали ритмичными, тело певца мерно покачивалось, голова запрокинулась, седые косы бороды мотались из стороны в сторону.

Люди, стоявшие в круге, а за ними и зрители тоже закачались — все разом, в одном и том же темпе. Это выглядело так, будто завывания колдуна подняли ветер и по толпе пошли волны.

— О-о-один! — оглушительно возопил Урм, перевернул посох острым ножом книзу и вонзил его в землю.

Все замерли. Стало очень тихо.

Тогда жрец, вытянув руки, пошел к корабельной артели. Нащупал одного, взял за ворот, притянул к себе и стал обнюхивать лоб. Оттолкнул, переместился к следующему.

Слышалось лишь сдавленное дыхание толпы да потрескивание костров.

«Всё понятно, — сказал себе аминтес. — У страха есть запах. Животные его чуют, поэтому при дрессировке хищного зверя бояться нельзя. Слепые часто обладают не только острым слухом, но и тонким обонянием. Все варвары суеверны. Преступник, зная о колдовских способностях Урма, сейчас стоит и обливается холодным потом».

Дамианос и без обоняния уже догадывался, кто убийца. Высокий костлявый рус беспокойно ерзал и кусал губы. По мере того, как приближался жрец, смятение всё усиливалось.

Вот годи притянул его к себе, обнюхал — и что-то крикнул.

Все взревели, а тот, кого объявили убийцей, опустил голову и закрыл ладонями лицо. Он даже не попытался отрицать свою вину. С него уже снимали пояс и меч, вязали руки за спиной.

— Великий колдун, — сказал емчанин с восхищением. — Меня отпустит. Понюхает и отпустит.

— Что будет с убийцей? — спросил Дамианос, глядя вслед преступнику, которого повели в центр лагеря.

— Конунг решит. Если будет добрый, прикажет мечом зарубить. Если будет злой — прикажет в воде топить.

— Почему мечом лучше?

— У руотсы так. Кто от меча умер — к богу Одину попал. Кто без крови умер, тот под землю идет. — Емчанин пожал плечами и понизил голос: — Руотсы совсем дикие. Всякой глупи верят.

«Да нет, это не глупость, — подумал Дамианос. — Это причина, объясняющая, почему вэринги так отважны и свирепы в бою. Они не бесстрашны, они тоже боятся смерти, как все люди. Но боятся смерти мирной, а о гибели в сражении мечтают. Точно так же, как мечтаю о смерти я, потому что на той стороне меня ждет Белая Дева».

Он вздрогнул, вспомнив, что никто его на той стороне не ждет. Геката здесь, близко! И зовут ее иначе...

«Не сейчас! Потом! — одернул он себя. — Не хватало еще, чтобы слепой фокусник своим чутким носом унюхал во мне страх».

Вэринги понемногу разбрелись, оживленно обсуждая случившееся. Годи стоял под орлом такой же прямой и грозный, как деревянный идол. Упивался торжеством. Но стоило последнему зрителю удалиться, и старик задвигался. Видимо, определил по слуху, что красоваться больше не перед кем.

Повел рукой, нащупывая воткнутый в землю посох, нашел его, вытер испачканный землей клинок. Устало потер лоб, вялой старческой походкой побрел к хижине, но остановился. Вспомнил про задержанных.

Сказал что-то, и охранник, опершись на палицу, поднялся с земли.

— Не меня зовет, тебя. Я долго жду, а он тебя зовет, — проворчал емчанский волхв. — Говорит, пускай подойдет колдун с севера. Ты тоже волхв?

Дамианос сделал несколько шагов вперед — и остановился: Урм выставил вперед ладонь, запрещая чужаку входить на ритуальную площадку.

Тяжело ступая, жрец вышел за линию костров сам.

Глаза у него имелись, но были незрячие, подернутые мутно-белой пленкой. Запущенная старче-

ская катаракта, определил аминтес. Справа зрение утрачено бесповоротно, но слева, пожалуй, катаракту можно было бы убрать.

Годи придвинулся, шумно втягивая воздух. А Дамианосу было впору зажимать нос — от служителя Одина несло, как от выгребной ямы. По косам, которые, кажется, никогда не расплетались, ползали насекомые. Вэринги все были грязные, много грязней славян, но старик, похоже, не мылся десятилетиями.

Урм отодвинулся и что-то спросил.

— Я не понимаю по-русски, — ответил Дамианос.

Подошел емчанин, в пояс поклонился жрецу, залопотал на языке вэрингов — видимо, предложил переводить.

— Великий волхв спрашивает: «Какому богу служишь, северный колдун?»

— Эскулапу, — спокойно ответил аминтес. — Богу знахарей и лекарей.

— Воин, который тебя привел, сказал: ты умеешь оживлять мертвых. Это правда?

Переводя, емчанин отчаянно задвигал бровями и замотал головой: не признавайся!

Понятно почему. Маленького колдуна годи отпустит подобру-поздорову, большого — вряд ли.

— Мертвых оживлять не умею. А вот слепого зрячим сделать могу.

Емчанин посмотрел испуганно, но перевел.

По морщинистому лицу жреца пробежала зловещая улыбка.

— Говорит: я слепой. Ты можешь сделать меня зрячим?

— Могу. Видеть будешь одним глазам, плохо. Но свет от тьмы отличишь. И сможешь ходить без палки.

Улыбка пропала. Кустистые брови угрожающе сдвинулись.

— Тогда говори заклинание. Ты сам выбрал свою судьбу. Если я не стану видеть, ты умрешь смертью «кровавого орла».

Емчанин содрогнулся и пояснил:

— «Кровавый орел» — такая казнь. Хуже ничего нет. Живому человеку разрезают живот, берут рёбра...

— Знаю, — отмахнулся Дамианос. — Скажи ему, что мне нужно больше света. Чтоб с двух сторон держали факела. Еще нужно крепко привязать Урма к столбу. Так, чтоб не мог пошевелиться. Иначе колдовство не сработает, только глаз вытечет. Глаз хоть и слепой, но все равно жалко.

Экстракция катаракты — операция тонкая, но неболезненная и недолгая. Лучше, конечно, привязывать пациента к столу, но можно и в вертикальном положении.

— Он даст привязать себя к столбу. Но если глаз вытечет, ты умрешь под этим столбом, — перевел емчанский волхв и пробормотал, поминая своего бога: — Хэй! Юмал, Юмал...

Зловонного старика Дамианос обмотал веревкой так, что годи едва мог вздохнуть. Лоб обтянул кожаным поясом в три слоя.

— Ну-ка, пусть дернет головой. Не может? Очень хорошо...

У аминтеса в котомке среди инструментов имелись и острая игла, и хирургический резец каленой арабской стали.

Торжественным голосом Дамианос продекламировал какую-то трескучую невнятицу, а сам пока прилепил кусочками смолы верхнее и нижнее веко, чтоб не моргали.

Операция делается так: сначала — подрезать в нижней части глаза связки; подождать, пока мутный хрусталик сползет вниз; потом смазать ранку раствором, чтобы скорее зажила и не воспалилась. Вот и всё.

Старик сопел и отчаянно двигал бровями — не от боли, а от страха, но крепления держали хорошо, смола не подвела, и управился Дамианос быстро.

Закончив, он наложил на глаз повязку.

— Всё. Завтра он сможет видеть солнце.

Но едва жреца развязали, он нетерпеливо сорвал повязку, захлопал прооперированным глазом и что-то крикнул, показывая на костер, потом на другой, на третий.

— Он видит огонь... — прошептал потрясенный емчанин. — Видит много огней. О, ты великий волхв! Такой же великий, как Урм. Это я говорю, не он...

— Скажи, что через несколько дней он будет видеть лучше. А еще я подарю ему вот это... — Порывшись в котомке, Дамианос достал оптикон. — Пусть заглянет в эту трубочку.

Таким глазом, как у годи, много не увидишь, но увеличительное стекло отчасти заменяет хрусталик.

Урм прижал оптикон к глазнице, посмотрел в одну сторону, в другую и стал радостно причитать. Наконец воззрился на Дамианоса.

— Он сказал: никому не говори, что я могу видеть. Совсем никому.

Аминтес усмехнулся. Ловкий старичок. Быть зрячим, когда все вокруг уверены, что ты слепой, очень удобно. Можно устроить немало чудес.

— Хорошо, я буду молчать. Только вот что. У меня двое больных, которых я лечу. Мужчина и женщина. Пусть их ко мне приведут.

— Он говорит: тебя отведут к хельги. Их тоже. Хельги решит, что с вами делать.

— «Хельги»? Кто это?

Но емчанин объяснить не успел. Урм спрятал оптикон в свой широкий пояс, взял лесного волхва левой рукой пониже затылка и вонзил бедняге прямо в сердце закрепленный на посохе нож.

Тихо охнув, емчанин осел и распластался на земле, а годи подошел к столбу и помазал орлу клюв свежей кровью.

«Одного свидетеля он устранил, но есть ведь еще страж?» — подумал аминтес, глядя на вэринга, невозмутимо опиравшегося на дубину. Тот ухмыльнулся щербатым ртом и высунул язык — наполовину обрубленный.

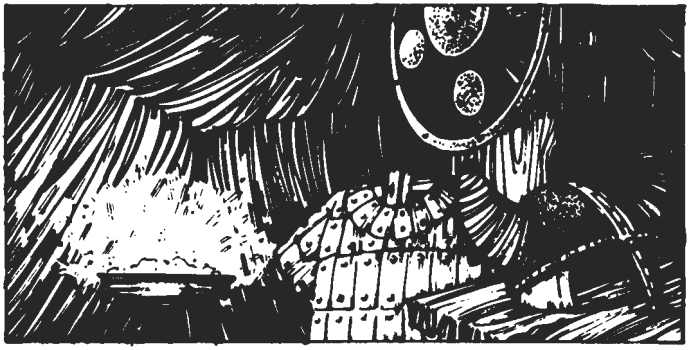
Тогда понятно. Этот сохранит любую тайну.

Что за «хельги», который будет решать, как поступить с «северным колдуном» и его спутниками?

И второй вопрос, не менее существенный: как добиться, чтобы Змей-Урм не взревновал к сопернику, умеющему творить чудеса бóльшие, чем он сам?

Меняются племена, меняются варвары, а трудности всё время одни и те же...

КОНУНГ И ХЁВДИНГИ



Ночь еще только начиналась. В небе, которое казалось бледным из-за поднимающегося вверх дыма костров, светились тусклые звезды и мерцал слабый стареющий месяц. Русский лагерь жил шумной, нестройной жизнью. Где-то зычные голоса орали монотонную песню, где-то гоготали, где-то над огнем жарили косулю, где-то вповалку спали. В одних шипслагах окна светились, в других нет.

Аминтес шел рядом с Урмом, смотрел вокруг и всё больше укреплялся в мнении, что эти варвары, кажется, не столь уж опасны. Да, они могучи и бесстрашны, но немногочисленны и недисциплинированны. В сражении же все решают не отвага и сила отдельных бойцов, а слаженность действий.

Жрец прикидывался, будто по-прежнему ничего не видит, и для виду опирался на плечо Дамианоса, но жадно водил своим прозревшим оком вправо, влево, вверх. Еще бы: ведь он видел лагерь впервые. «Интересно, похожа эта картина на ту,

которую он себе воображал по звукам и запахам?» — подумал аминтес, но спросить не мог. Урм несколько раз с ним заговаривал, пытался что-то выяснить или втолковать, но ничего не получалось, и старик лишь досадливо стукал посохом.

Вэринги поворачивались и смотрели им вслед. Это было хорошо: пусть привыкают к виду чужака, которому покровительствует сам великий Урм.

Как ни странно, большой дом, где только и мог обитать князь (у вэрингов он назывался «конунгом»), остался в стороне. Значит, Дамианос ошибся, когда пришел к выводу, что «хельги» — это титулование Рорика? Они идут к кому-то другому?

Годи показал вперед, на большой, подсвеченный изнутри шатер, вокруг которого цепью стояли дозорные. Дамианос разобрал из сказанного лишь одно слово: «хельги».

Сбоку от входа стояли Гелия и Магог. Ага, их уже привели.

Сейчас поглядим, что за хельги. Аминтес внутренне подобрался. Приближалось очередное испытание. Это было приятно.

Эфиопка заметила его, блеснула белыми зубами из-под накидки, хотела что-то сказать или о чем-то предупредить, но часовой замахнулся кулаком. Автоматон, согласно приказу, не сводивший глаз с Гелии, чуть повернул косматую башку: не последует ли команды защищать? Африканка успокаивающе поцокала ему языком.

Больше Дамианос на них не смотрел — Урм уже вводил его в палатку.

Внутри по углам горели жаровни, давая неровный, красноватый свет. На центральном столбе, подпиравшем венец, висел красный щит с золочеными бляхами; внизу на подставке стоял пластинчатый доспех; на грубо сколоченном столике посверкивал серебряный шлем с бычьими рогами.

Светлобородый мужчина в черной длинной рубахе, перепоясанной узким блестящим ремнем, с почти наголо обритой головой — лишь сбоку свисал длинный чуб — чертил что-то кинжалом на земляном полу. Услышав шаги, он быстро надвинул на рисунок медвежью шкуру и только потом обернулся.

«Совсем молод, но привык отдавать приказы. Нрав сдержанный и скрытный, — по привычке стал мысленно формулировать первые впечатления аминтес. — Взгляд спокойный, хваткий. Никакого почтения к Урму, смотрит только на меня. Ничего интересного не усмотрел. Не понимает, почему оторвали от дела...»

Дамианос был изрядно удивлен. Он почему-то воображал, что конунг Рорик стар и многоопытен.

Здесь, в лагере вэрингов, всё оказывалось не таким, как представлялось издали.

Шкура закрыла рисунок не полностью. Дамианос скосил глаза и увидел, что это схема или, может быть, карта. Поразительно! Может быть, все же что-то иное? Варвары не знают географических карт и даже не представляют, что это такое. Мудрый Кый — и тот, показывая путь на север, всего лишь разложил на скамье пояс.

Годи быстро объяснял что-то, показывая на Дамианоса. Молодой витязь слушал, слегка морщась, и несколько раз отодвинулся от старика. Если у предводителя вэрингов чувствительный нос, не выносящий зловония, это еще удивительней, чем знание географии.

— Ты колдун? — Хозяин шатра говорил по-славянски хоть и с ошибками, но почти не коверкая слов. — Что он рассказывает? Какой мертвец? Какой черный женщина? Какой белый ведьма?

Сейчас — в этот момент — следовало решить, как себя подавать. Пожалуй, этот остроглазый рус, не похожий на дикаря, в колдовство не поверит. Нужно всё переиграть.

— Про белую ведьму ничего не знаю. Она привиделась воину, который меня вел. Я не колдун. Я лекарь. Со мной двое больных, которых я лечу, конунг.

— Я не конунг, — усмехнулся светлобородый. — Конунг — Рорик. — Это имя он произнес с придыханием в середине: «Рохрик». — Я хёвдинг. Мое имя Хельги. Пойдем, посмотрим на мертвец и черный женщина.

И пошел к выходу, стремительный, скорый на решения. Дамианос уже видел, что с хёвдингом (на языке вэрингов это означало «военачальник») ему придется непросто.

Подойдя к Гелии, смиренно горбившейся подле дозорного, Хельги стянул с ее головы тряпье, взял эфиопку за подбородок и повернул лицом к огню.

— Ты глуп, лекарь. Или ты врешь. Женщина не больной. Она черный, потому что из Африка. Я видел такие, когда мы плавали в Иберская земля.

На автоматона решительный молодой человек смотрел чуть дольше. Тот же продолжал пялиться на Гелию и не обращал на военачальника внимания.

— Это не мертвец. Просто дурак, — вынес приговор Хельги и повернулся к Дамианосу. — Я думаю, ты не лекарь. Ты хитрый брехун. — Это слово он выговорил очень отчетливо — должно быть, не так давно выучил. — Или лазутчик, который пришел смотреть наш лагерь. Я бы приказал тебя убить. Но Урм говорит, ты ему нужен. Пусть твой судьба решит конунг.

Он повернулся к страже, отдал какое-то распоряжение и вернулся в шатер, махнув на прощание жрецу и не удостоив взглядом Дамианоса.

— Приказал стеречь, — шепотом перевела Гелия. — Когда луна будет посередине неба, отвести тебя и меня к конунгу. Дурака вести не надо. Говорит, своих девать некуда.

— К конунгу — это прекрасно, — довольно молвил аминтес. — А то, я смотрю, у вэрингов бюрократическая волокита, прямо как в наших канцеляриях. Гоняют от одного начальника к другому.

Гелия хихикнула.

Урм прищурился своим якобы незрячим глазом, хотел что-то сказать, но лишь крякнул и подал знак, смысл которого был понятен без слов: приложил палец к губам, а потом той же рукой многозначительно погладил острие ножа. Дамианос успокаивающе кивнул и прижал ладонь к сердцу. Старый шарлатан заступился за коллегу — спасибо. Наверняка надеется получить от бродячего жреца Эскулапа еще какую-то пользу. Но тратить время на годи незачем. Судя по поведению хёвдинга, Урм пользуется авторитетом только у простых воинов.

Бывший слепец пошел прочь, громко стуча посохом, но двигаясь гораздо уверенней, чем прежде. Пленники отошли к костру, сели на землю. Один из дозорных — они все были молодые и поджарые, похожие на самого Хельги, — встал рядом.

— Что-то в тебе изменилось, — тихо сказала Гелия. — Я вижу. Ты стал другой. Глаза не такие, как раньше. Если бы я тебя не знала, подумала бы, что ты чего-то боишься. Но ты не умеешь бояться. Что случилось, брат?

— Ничего, — ответил он недовольно. — Я всегда такой в начале новой работы.

— Я твой близнец. Я чувствую. Скажи правду.

— Думай лучше о встрече с конунгом. Или не мешай думать про это мне. Ты знаешь, что такое «кровавый орел»?

— Да. Нам в Академии рассказывали. Это такая ритуальная казнь. Очень неприятная.

— Ну так если не хочешь, чтобы нас выпотрошили и вывернули наизнанку, сиди тихо. Я пытаюсь сосредоточиться.

— Меня не выпотрошат, — беспечно молвила Гелия. — Женщин они топят в реке. Но я бессмертная, ты же знаешь.

Если у Рорика такие шустрые хёвдинги, то каков же сам конунг, думал Дамианос. Малейшая оплошность — и пропадешь.

Раньше эта мысль была бы приятной. Сейчас же тоскливо сжалось сердце.

Спустя час с небольшим — луна сияла ровно в середине неба — страж тронул аминтеса за плечо древком копья, показал: следуйте за мной.

Автоматону Дамианос велел оставаться у костра и не двигаться. Сестре сказал:

— Что ж, пора. Всякое со мной бывало, но дрессировать варварских вождей без языка еще не доводилось. Держись рядом. Переводи. Умеешь шептать, не двигая губами?

— Конечно, умею. Хоть и не понимаю, чем тебе не нравятся мои губы, — шутливо ответила Гелия. Ей всё было нипочем.

Вот теперь их вели к большому дому, черневшему в самом центре лагеря. Терем был выстроен с некоторыми потугами на нарядость: по краям крыши — нескладные коньки, к широкому крыльцу приделаны кривоватые перила. Плотники из вэрингов неважные. В Кыеве купец средней руки и то ставил себе хоромы краше, чем русский князь.

Из дома, в окнах которого покачивался багровый свет, несся гул множества голосов. У Рорика, как у всякого царька, конечно, имелась своя ближняя дружина, и он, опять-таки по повсеместно распространенному у дикарей обычаю, должен был

делить с нею стол. Сражаться, спать и есть бок о бок — таков закон всякого воинского сообщества.

Оказавшись в длинном зале с низким потолком, Дамианос быстро оглядел помещение и убедился, что трапезный обычай вэрингов мало отличается от славянского или хазарского — разве что последние пировали не за столами, а на земле, постелив конские шкуры.

У парадной стены, на которой висели узорные щиты, находился почетный стол; оттуда через всю горницу в три ряда тянулись столы для дружинников, которые сидели в соответствии с возрастом и заслугами. Чем ближе к князю, тем больше седых голов.

На столах в продолговатых деревянных блюдах лежали огромные куски мяса, странно расплющенные рыбины, сухие плоские лепешки. Стояло множество здоровенных неудобных кувшинов, которые воины брали двумя руками и пили, обливая бороду желтой пенной жидкостью.

Охранник вел Дамианоса и Гелию вдоль стены. Ближе к князю пили не из кувшинов, а из костяных рогов — у каждого из старших дружинников имелся собственный. Здесь были и прислужники с железными кольцами вокруг шеи, забиравшие со стола кости и подкладывавшие угощение на блюда — не деревянные, а серебряные.

— В ошейниках — *трелли*, рабы. Видишь, они в рукавицах? — шепнула сзади Гелия. — Им запрещено касаться свободного человека руками. Когда викинга хотят предать позорной смерти, палачом назначают трелля.

— «Викинг» — это дружинник? — переспросил Дамианос и мысленно повторил слово, чтобы запомнить.

Ели вэринги так, как едят самые дикие из варваров — жадно и неопрятно. Жилистые куски, не дожевав, выплевывали прямо на стол, жирные руки вытирали о волосы, не вытряхивали из бород остатки пищи. Дружинники Кыя по сравнению с викингами показались бы патрикиями.

Наконец приблизились к верхней части залы, встали у стены. Отсюда уже можно было как следует рассмотреть конунга и его ближайшее окружение.

Дамианос почти успокоился, тревога отступила. Всё было как всегда. Сколько раз за минувшие годы повторялась одна и та же картина. Первый пир у очередного царька, трапезничающего со своей дикой дружиной. Стоишь в сторонке, приглядываешься. Сейчас начнется первый стадиум дамианизации.

Вдруг — раньше такого никогда не случалось — аминтесу стало тоскливо. «Я как осел, который год за годом тянет по кругу одно и то же мельничное колесо. Пора менять ремесло. Пожалуй, я рад предложению пирофилакса».

Спохватился. Отогнал несвоевременную мысль.

«Так. Рорик несомненно вон тот, с седым чубом и длинными усами...»

За почетным столом сидели четверо — не на скамье, как остальные, а в деревянных креслах.

Двоих Дамианос знал: Урма и Хельги. Справа от опасного хёвдинга, откинувшись на высокую

спинку, рассеянно щипал лепешку седоусый и седочубый человек с вздувшимися на голом черепе венами — его-то аминтес и определил как вождя буйной вольницы. Конунг был в простой рубахе, такой же, как у большинства викингов, но с золотой цепью на груди. Лицо Дамианосу не понравилось: неподвижное, усталое, оно плохо поддавалось чтению. Еще правее смачно грыз баранью ногу румяный красавец богатырского сложения. Он был одет нарядней, чем Рорик и Хельги, — в алой бархатной куртке франкского кроя и со спиралевидными серебряными браслетами на могучих руках. Светлый чуб вился кольцами, усы торчали кончиками кверху, а на бритой голове сверкал золотой обруч с большим красным камнем.

— Это принц? Как ты думаешь? — тихо спросил Дамианос.

Гелия смотрела на вождей так же внимательно, как он. И возможно, с ее знанием мужчин видела больше.

— У вэрингов клок волос на голой голове — признак знатности, высокого положения. Так что оба молодых — хёвдинги. Но старику с больной печенью они не сыновья. Не вижу никаких черт сходства... Князь больше любит здоровяка. Видишь, сидит к нему вполоборота. Слушает тощего, который плавал в Иберию и видел там черных женщин, но смотрит на румяного с улыбкой.

За одним из ближних столов сильный и звучный голос запел. Все повернулись в ту сторону. Немолодой викинг, наполовину седой, завел тягучую песню, почти лишенную мелодии. Она показа-

лась Дамианосу нудной, но воины слушали заинтересованно и внимательно. Иногда охали, били кулаком по столу или разражались криками.

— Что он поет?

— Сагу. Это такие сказания о героях и их подвигах. Кто за какие моря плавал, каких победил врагов, сколько привез добычи. Скучища... — Гелия всё присматривалась к княжескому столу — обычаи вэрингов ее нисколько не занимали. — Интересно. Румяный красавчик слушает с разинутым ртом, глаза горят. Кажется, он не очень умен. Рорик позевывает. Дед с заплетенной бородой вообще уснул. Зато наш приятель из шатра времени попусту не теряет. Он пишет, честное слово! Он вырезает ножом буквы на куске кожи! У вэрингов есть своя письменность, они пишут закорючками, которые называются «руны». Но чтобы хёвдинг был грамотен — это необычно!

— Смотри лучше на Рорика. Работать придется с ним.

— ...Дьявол его знает, — вздохнула Гелия, поизучав конунга. — Кроме печени он еще страдает запорами. Раньше очень любил женщин, но его мужские годы на исходе. Больше ничего не вижу. Лицо, как у константинопольского вельможи — будто шторами задернуто.

Сказитель наконец закончил свою нескончаемую песнь. Зал вдруг пришел в движение. Столы из центра отнесли к стенам, освобождая пространство.

На расчищенное место вышли двое раздетых по пояс молодцов — античный скульптор с каждого из них мог бы лепить Геракла. Поклонились ко-

нунгу и затеяли борьбу. Она показалась Дамианосу простоватой. Каждый пытался ухватить противника за пояс или сделать подсечку — вот и все приемы. Наконец сцепились. Запыхтели, мелко переступая. На спинах и плечах вздулись огромные мышцы. Зрители орали, подбадривая борцов. Топтание долго длилось безо всякого результата. В конце концов один поскользнулся на валявшейся кости, покачнулся — и был с грохотом опрокинут на пол. Все взревели.

— Смотри-ка. — Гелия сжала брату запястье.

Красавец, сидевший справа от Рорика, порывисто поднялся. Снял обруч, стянул с себя алую куртку.

— Хас-кульд! Хас-кульд! — закричали в зале. И еще. — Дюр! Дюр!

— Что это за слова?

— Хаскульд — имя. А *дюр* значит «зверь». Наверно, прозвище. Как он сложен, ты только посмотри!

Но Дамианосу было неинтересно, как сложен Хаскульд-Дюр. Аминтес не сводил глаз с конунга. Что он за человек? Как себя с ним держать?

— Уааа!!! — выдохнула сотня глоток. — Дю-ю-юр!!!

Краем глаза Дамианос увидел, как в воздухе, кувыркнувшись через голову, пролетело тело и шмякнулось о столешницу, с которой посыпались кувшины и миски.

Рорик восхищенно ударил кулаком по столу. Хельги чуть скривил угол тонкогубого рта. Не любит Хаскульда? Интересно!

А победитель возвращался к столу, сияя ясной, нисколько не кичливой улыбкой. Принял из рук князя рог, осушил до последней капли, стал одеваться.

Проснувшийся от воплей Урм глядел на всё подряд в оптическую трубку и изумленно качал головой.

«Варвары как варвары, — сказал себе Дамианос. — Чтут силу, боятся непонятного».

После сказителя и борцов всеобщим вниманием завладел карлик, у которого вместо штанов была надета рубаха, а вместо рубахи штаны. Это, очевидно, был шут. Он еще только выкатился в центр залы, а викинги уже покатились от хохота. У всех примитивных народов примерно одинаковое представление о смешном — Дамианос давно открыл для себя эту истину.

Шут потешал публику тем, что делал всё наоборот: поел из блюда задницей, потом отрыгнул что-то изо рта; прошелся на руках, а вместо головы пристроил шлем, зажав его ногами; довольно ловко побегал спиной вперед. Потом схватил здоровенный обглоданный окорок, приставил его спереди и исполнил похабный танец, приставая по очереди то к одному викингу, то к другому. Каждая проделка вызывала взрыв хохота.

За верхним столом веселился лишь Хаскульд-Дюр. Урм снова задремал. Хельги с серьезным видом что-то втолковывал князю. Тот слушал, кивал.

Вдруг, словно почувствовав устремленный на него взгляд, Хельги обернулся и встретился с Да-

мианосом глазами. Лишь теперь хёвдинг, кажется, вспомнил о бродячем лекаре. Что-то коротко сказал Рорику и поманил аминтеса к столу.

Дамианос подошел и поклонился. Проклятый годи всё не просыпался, а его заступничество было бы кстати.

— Конунг желает знать, кто ты на самом деле. Говори правду — иначе умрешь, — сурово молвил Хельги.

Рорик смотрел на чужака без любопытства. Кто это такой и умрет он или нет, конунгу было все равно.

— Хорошо. Я скажу правду. — Дамианос уже решил, как себя вести, и был спокоен. — Я вижу, что тебе, хёвдинг, врать не надо. Я не славянин. Я византиец из Константинополя. Женщина тоже. Ты был прав. Она не больная. Она моя помощница.

Глаза молодого сузились. Он быстро перевел сказанное, и Рорик воззрился на аминтеса уже по-другому — с интересом. Что-то негромко проговорил.

— Если правда, его нам Тор послал, — прошелестела за спиной Гелия, переводя. — Проверь, правду ли говорит и много ли знает.

— Зачем вы сюда явились? — спросил Хельги.

— Чтобы посмотреть, так ли вы сильны, как рассказывают.

— Вы греческие лазутчики? — Хёвдинг недоуменно нахмурился. — Тогда почему ты так легко признаешься?

— Мы не лазутчики. Я бежал из Византии, потому что мне угрожала смерть. Но я хочу вернуться. И расквитаться со своими врагами. Потому и отправился к вам. Если увижу, что вы достаточно сильны, поведу вас на Константинополь. Я знаю дорогу, знаю слабые места обороны. А еще у меня в Константинополе есть сторонники.

Хельги сверлил аминтеса грозным взглядом, но Дамианос не отводил глаз, а говорил уверенно и даже надменно. Он решил, что с варварами, ценящими только силу, разговаривать следует именно так.

Рорик неторопливо что-то сказал.

— Конунг спрашивает: ты устроил заговор против своего короля?

— Да, — спокойно подтвердил Дамианос. — Я заговорщик. И то, что не сумел сделать своими руками, сделаю чужими. Может быть, вашими. Если мы не договоримся, отправлюсь дальше.

Снова последовал перевод. Было видно, что Хельги взволнован. Зажглись глаза и у конунга. Они заговорили между собой.

— Он говорит: это полезные люди, пусть остаются. Хельги говорит: конечно, мы никуда их не отпустим, — нашептывала Гелия. — Князь говорит: ты должен установить, не пустой ли это хвастун.

Хельги: можешь не сомневаться, господин, мы всё выясним. Но только...

Она запнулась. Обернувшись, Дамианос увидел, что эфиопка испугана.

— Что?!

— Хельги сказал: «Женщина понимает наш язык. Их нужно разъединить. Коротышку допрашивай ты, господин, а черную старуху заберу я», — пролепетала она.

— Запоминай, — быстро произнес Дамианос. — Я взял тебя как переводчицу. Купил на базаре. Про Кыев ни слова.

Это всё, что он успел сказать. Рорик подал знак, и трелли с железными кольцами на шее развели брата и сестру в разные стороны.

«Пока всё идет отлично, — думал аминтес, когда его под конвоем вели через темный спящий лагерь. — Чертов Хельги умнее, чем хотелось бы, но главное, что я буду иметь дело напрямую с князем. Значит, стадиум первый благополучно осуществлен».

Дамианоса отвели в землянку, вырытую под крепостным валом. Должно быть, эта нора у русов считалась чем-то вроде темницы, но племя, единственным видом наказания у которого является убийство, не может разбираться в устройстве тюрем. Ни двери, ни запоров. Просто у входа, прислонившись спиной к скату, уселся часовой.

«Может быть, я и не узник, — весело подумал аминтес, — а гость. Это такая русская гостиница, и остолоп с секирой — почетная стража».

Веселость была наигранной. Дамианос сам знал, что оттягивает момент, когда придется вернуться мыслями к главному.

Не к старому Рорику и проницательному Хельги — тут всё шло по накатанной колее, а к явлению Белой Девы.

И Дамианоса охватило сомнение.

Да полно, в самом ли деле славянская девчонка, которую он видел на озере, так уж похожа на Гекату из заветного сна? Наверное, случайное сходство пейзажа и медовые краски заката сыграли с воображением коварную шутку. В этих северных краях немало людей с очень светлыми волосами. Среди тех же русов сколько угодно воинов, которые издали кажутся седыми — такая белесая у них растительность. Глаза? У многих юных и красивых девушек ясные, прозрачные глаза. А лица Гекаты в снах он толком не видел, так что тут и говорить не о чем.

Два противоположных чувства овладели аминтесом: жажда избавиться от опасного наваждения, снова стать бесстрашным и свободным — и ужас при мысли, что это не Белая Дева, а химера, самообман.

Сидеть Дамианос не мог. Есть и пить тоже, хотя ему дали кувшин с каким-то пойлом и большую лепешку. Он всё расхаживал по тесной конуре: пять шагов в одну сторону, пять шагов в другую.

В конце концов понял, что есть только один способ проверить, Геката это или не Геката. Надо увидеть ее вновь. Прямо сейчас, не дожидаясь завтрашнего дня.

Часовой сидел, клевал носом. Аминтес помог ему уснуть окончательно: подкрался, сжал шею, подержал.

Из лагеря выбрался еще проще. Вскарабкался на вал, прикрепил к одному из вертикальных бревен тонкую шелковую веревку, которую всегда держал в поясе, вместе с иберийской стальной проволокой. Спустился вниз, хорошенько запомнив место. Побежал через поле.

Бежать он мог долго. В свое время в Гимназионе их возили на Марафонское поле, откуда нужно было добежать до Афин, повторив путь древнего гонца. Особая рысь, от которой не устаешь, называлась «бег волка».

Месяц еще не зашел, в небе помигивали звезды, и найти дорогу к поселку лесовичей было нетрудно. Но когда аминтес пробегал мимо рощицы, где находилось капище Лесеня, вдруг неудержимо захотелось вновь посмотреть на деревянного бога с сучком на лбу. Зачем — Дамианос и сам не знал. В обычной жизни он не имел обыкновения подчиняться безотчетным порывам, но обычная жизнь закончилась в тот миг, когда из озера вышла девушка с белыми волосами. И потом, вдруг никакого идола на холме нет? Может быть, он тоже привиделся? Тогда незачем бежать дальше. Химера рассеется, мироустройство восстановится.

Бесшумный и быстрый, он взбежал меж белоствольных берез к исполинскому дубу.

И сдавленно вскрикнул.

Изображение божества не исчезло — наоборот, из-за игры лунного света лицо Лесеня каза-

лось живым и подвижным. Но Дамианоса потрясло не это.

У подножия дуба, на коленях, прижавшись грудью к земле и раскинув руки, застыла фигура — белая на черном: белая рубаха, белые руки, белые волосы.

Когда аминтес ахнул, фигура пришла в движение.

Девушка приподнялась, обернулась и сказала:

— Я знала. Надо звать долго, и ты придешь.

Голос был довольным.

Радослава вскочила на ноги, подбежала.

— Я думала. И поняла. Ты говоришь, что ты не бог, потому что ты не хочешь со мной быть богом. Ты хочешь со мной быть человеком. Мужчиной. Я дура, что не догадалась.

Она или не она? Вот единственное, что сейчас занимало Дамианоса. Голос был чистый, тихий. Если бы Геката когда-нибудь во сне разговаривала, то, наверное, именно так — но Белая Дева всегда молчала.

Он взял девушку за плечи, повернул лицом к лунному свету.

Да, да, это она! В белых лучах ночного светила это стало окончательно ясно. Дамианос даже застонал от облегчения. Это Белая Дева!

А девушка поняла прикосновение его рук как начало объятия и вся подалась вперед, прильнула к его груди.

— Я твоя, Лесень, — прошептала она. — Возьми меня. Я ждала этого всю жизнь.

Сердце у него билось так шумно, что он разобрал только последнее слово.

— Жизнь... — пробормотал аминтес. — Да, жизнь... Конечно, жизнь. Не смерть, нет...

Белая Дева существовала наяву. Она была не видением, а женщиной — живой, горячей. Она хотела любви. И размышлять здесь было совершенно не о чем.

Он опустился на траву, потянул на себя Радославу и сделал то, что делают с живыми горячими женщинами — так бережно и нежно, как никогда прежде.

— Еще врет, что он не бог, — тихо засмеялась Рада, когда они уже просто лежали, и он пропускал сквозь пальцы ее длинные белые волосы. — Будто я не знаю, как земные мужики с бабами делают. Маленькая была, раз в бане подглядывала, как дядька с теткой любятся. Он рычит, грызется, она воем воет. А мы с тобой, будто по небу, на облаке, под радугой. Счастливая я. Других таких на свете нету...

Он увидел, что над горизонтом начинает брезжить первый, еще совсем слабый свет. Ночи на севере совсем коротки.

— Мне пора. Скоро заря.

— На вечерней заре пришел, на утренней уходишь. — Она понимающе кивнула. — Я знаю. У тебя в Небесном Лесу всегда сумрак. Приходи завтра. Я, как затемнеет, буду здесь ждать.

— Я, может быть, не смогу.

Радослава улыбнулась.

— Ничего, я все равно буду ждать, с тобой деревянным разговаривать. И ты рано или поздно придешь. Не в эту ночь, так в другую. Я терпеливая —

столько лет ждала. А потом ты заберешь меня с собой в Небесный Лес, правда?

Он поцеловал ее в губы, и она замолчала.

Бежал обратно в лагерь русов — не замечал дороги.

Рассудок и сердце перестали понимать друг друга.

«Ты пропал! — кричал рассудок. — Стержень, на котором держалось твое мужество, сломан! Ты теперь такой же, как все! Ты перестал быть сильным! Ты боишься смерти!»

А сердце обходилось без слов, и его голос действовал сильнее.

Так теперь будет всегда, вдруг понял Дамианос. Разум и сердце между собой не договорятся. И ему сделалось по-настоящему страшно.

Прокрадываясь в землянку мимо дрыхнущего часового, он поднес к лицу ладонь. Она пахла Радославой. Жизнью.

ОБЫЧНАЯ РАБОТА В НЕОБЫЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Спал он мало, но как-то особенно крепко, без сновидений, будто в них теперь отпала всякая нужда. Проснулся — и сразу стал думать о предстоящей работе. Но не с веселой уверенностью, как прежде, а с тревогой.

Обычное дело — втереться в доверие к очередному царьку, создать себе репутацию, а потом воспользоваться и доверием, и репутацией для выполнения задания — вдруг показалось Дамианосу неподъемно трудным и очень рискованным. Опасности подстерегали на каждом шагу. Любая оплошность грозила смертью. Смертью, где не будет Белой Девы.

Весь день Дамианос готовился к первому разговору с конунгом, пытался предугадать все возможные повороты и неожиданности. Раньше он больше полагался на чутье и свою легкую судьбу, но не в этот раз. Это не было страхом. Будущих аминтесов еще в Гимназионе отучают бояться. На каждый страх имеется своя система упражнений: как не бо-

яться высоты, боли или тесного пространства; как радоваться опасности; как преодолевать смятение.

Нет, Дамианос не боялся, он этого не умел. Но не было и задора, верного спутника победы.

К конунгу позвали вечером. Аминтес пошел на встречу, исполненный мрачной решимости. Пускай нет задора и тяжело на сердце, но навыки ремесла никуда не делись. В конце концов, это всего лишь очередной вождь дикарей.

Рорик принял то ли гостя, то ли пленника в тесной каморке — вернее, огороженном углу своего терема. Прямо на полу лежали шкуры, на которых конунг, должно быть, спал по ночам. Добраться до него можно было бы, лишь предварительно перебив всю его ближнюю дружину, спавшую в той же зале, где накануне был пир.

Рядом с конунгом на скамье сидел молодой хёвдинг, и у Дамианоса еще больше сжалось сердце. Хельги внушал ему больше опасений, чем предводитель вэрингов. Как Хельги поступил с Гелией? Что она ему рассказала? Жива ли она?

Спрашивать было нельзя. Беспокойство — признак слабости и неуверенности.

— Конунг хочет, чтобы ты рассказал про заговор. Кто ты? Почему замыслил зло на свой король?

Этого вопроса Дамианос ждал. Ответ был готов.

— Я тоже был хёвдингом, как и ты. Император плохо со мной обошелся. Настоящий мужчина не прощает обид никому, даже императору...

Он сделал паузу, давая Хельги возможность перевести. Русам должны нравиться люди, не про-

щающие обид. Судя по одобрительному кивку Рорика, догадка была верной.

— Возвращаться в Константинополь мне нельзя. Разве что победителем. Я отправился к славянам, потому что знаю их язык. Но славяне слабы. Они не смогут победить императора. Потом я узнал, что за озером Ильмерь встал лагерем могучий воин Рорик, самый сильный и самый славный из...

— Не ври, — перебил Хельги. — И не считай нас дураки. Лучше скажи, как проще дойти до Миклагард — по суша или по море?

— До Миклагарда? — переспросил Дамианос, хотя отлично понял, что речь идет о Константинополе.

«Кый прав! Русы действительно собирают силы для похода на Византию!»

— Да, так мы называем греческий столица — «Серединный город».

— Надо спуститься по Данапру, а дальше плыть морем. Сушей долго и придется с боем пробиваться через сильные народы, — сказал Дамианос, подумав, что уж на море-то имперский флот испепелит огнеметами любых, даже самых сильных варваров.

— Сколько понадобится люди? Сколько корабль?

— Кораблей должно быть достаточно, чтобы перегородить пролив Геллеспонт в двух местах и не пропускать в город подкрепления ни с севера, ни с юга. Ширина Геллеспонта — десять полетов стрелы. Я не знаю, велики ли ваши корабли, — соврал аминтес, хотя видел на реке узкие невысокие ладьи. — Считай сам.

Он нарочно преувеличил ширину пролива, зная, что у Рорика нет и десятой части потребных сил. Мо-

жет быть, вэринги откажутся от своих воинственных планов. Тогда главная задача будет выполнена.

Русы долго обсуждали что-то между собой.

— Высоки ли стены Миклаград? — спросил Хельги.

— Пятьдесят локтей. И вокруг глубокий ров. Чтобы взять город, нужен не только флот, но еще войско. Двадцать тысяч таких храбрых воинов, как у конунга. Тогда Константинополь сдастся. Великий Рорик, у тебя есть двадцать тысяч воинов?

— Конунг не задают вопросы! — рявкнул Хельги. — За это смерть!

Непривычный холодок пробежал по спине у аминтеса, и лишь усилием воли он заставил себя выдержать грозный взгляд хёвдинга.

— Если я не буду задавать вопросы, как я смогу вам помочь? — спокойно возразил Дамианос. — Так есть у конунга достаточно войска или нет? Если нет, я придумаю, как захватить город хитростью. У меня в Константинополе много друзей. Они смогут открыть ворота или устроить мятеж.

Снова последовало обсуждение. Говорил в основном молодой вэринг, старый ронял слова скупо. Поклятье! Как же трудно работать, когда не понимаешь языка.

— Хорошо, — молвил наконец Хельги, не ответив на вопрос про войско. — Конунг тебе верит. Стражи больше не будет. Живи как все: поставь себе шатер. Дадут звериные шкуры и укажут место. Тебе вернут твой глупый раб. Будут давать мясо, хлеб и пиво на два человек. Но из лагерь никуда не ходи. Пробуешь бежать — догоним.

— Куда мне бежать? Я так долго до вас добирался, — проворчал Дамианос.

Он был недоволен. Ни слова о новой встрече с Рориком. И вообще конунг проявил к перебежчику меньше интереса, чем можно было надеяться. Не позвал делить стол. Ни разу не обратился напрямую.

Проклятое безъязычье! Проклятый Хельги!

Но раз не пригласили к вечерней трапезе, Дамианос мог чувствовать себя совершенно свободным.

К нему действительно привели Магога, который при виде аминтеса тревожно замычал. Дыроголовый со вчерашнего дня не пил и не ел, но это ему было все равно, однако долго находиться вдали от хозяина трипокефалы не могут. Вместе они поставили шатер.

— Сиди здесь, — велел Дамианос.

Он не собирался отлучаться из лагеря, а хотел провести ночь, гуляя между костров, чтобы получше изучить вэрингов и дать им к себе привыкнуть. Если получится, завязать драку с каким-нибудь задиристым викингом, поколотить его на глазах у всех. Или, наоборот, кого-то полечить. В общем, действовать как обычно.

Потом решил, что на это хватит и половины ночи, а перед рассветом можно будет наведаться к капищу лесного бога и провести с Радославой хотя бы час.

В конце концов не выдержал и спустился с холма, едва лишь сгустилась тьма.

Автоматона оставил сидеть перед шатром, велел держать в руке дощечку, на которой вырезал ножом зашифрованное послание для Гелии — на случай, если объявится: «Буду на рассвете».

Впереди была вся ночь, можно бы и не торопиться, но аминтес шел через черное поле всё быстрее и быстрее, а затем перешел на бег.

Рассудок, кое-как удерживавший власть в течение дня, будто угас, скрылся за горизонтом, вслед за светилом. Сердце же подгоняло вперед, и слушаться его было радостно.

Он взбежал по некрутому склону. От подножия дуба навстречу так же стремительно, с торжествующим возгласом метнулась белая фигурка. Они жадно обнялись и опустились на траву.

Но и когда Дамианос утолил свой голод, счастье не закончилось. Сегодня он взял с собой плащ, чтобы было чем укрыться и что подстелить. Радослава лежала рядом, гладила его по лицу и все время что-то говорила. Счастьем было всё: и касания, и аромат ее волос, и звук голоса. Даже чушь, которую она несла, казалась Дамианосу восхитительной.

— Я сегодня выспрашивала бабиньку про твой Небесный Лес. Мне ведь там жить, я должна знать. У тебя там деревья все не такие, как тут, бурые да серые, а есть которые лазоревые, которые желтые, которые алые или лиловые, и на всех цветы невиданные. Вот поди красота! Птицы златоперые детскими голосами поют. Волки добрые и ластятся, кабаны приводят поросят поиграть, а медведи умеют танцевать. Забери меня к себе, Лесень. Я хочу в Небесный Лес. Если сначала нужно умереть, ничего. Я потерплю. Только не исчезай. Не оставляй меня здесь. Это я раньше тут жила, и ничего. А теперь без тебя не смогу. Ты ведь не оставишь меня на земле одну?

— Нет, — твердо сказал он и в это мгновение сам себе верил.

— Я увижу Оленя-Золотые-Рога и Бобра-Домостроя?

— Нет. Но ты увидишь много всякого еще более удивительного. Синее море, золотые терема выше этого дуба, чертоги из блестящего камня...

Он осекся, поняв, что тешит сказкой не ее, а себя. Ничего этого не будет. Невозможно взять и перенести девушку лесного племени в цивилизованный мир. Ее чары растают, она превратится в маленькую дикарку, жалкую и смешную.

— Спи, — шепнул он.

Стал массировать ей виски, и Радослава почти сразу уснула. Пока не зашла луна, он смотрел на освещенное серебряными лучами лицо. Потом отправился в обратный путь.

«Ты не сможешь с ней расстаться. Никогда», — говорило сердце. Но его сила была уже не та — по краю поля забрезжила серая кайма. Новый день был близок.

У входа в шатер сидел Магог — в той же позе, в которой Дамианос его оставил несколько часов назад. Только без дощечки в руке.

— Она приходила? — быстро спросил аминтес.

Трипокефал глядел тупо. Он не умел отвечать на вопросы.

Цепкая черная рука высунулась из-за шкуры, заменявшей в палатке дверь, и потянула аминтеса внутрь.

— Где тебя носило? — Гелия (в темноте блестели только ее глаза) подозрительно принюхалась. — От тебя пахнет женщиной. Совсем молодой.

— Я спал с совсем молодой женщиной, — пожал плечами он. — И что? Давай о деле. Я беспокоился за тебя. Рассказывай.

— Он спал с женщиной, — повторила Гелия со вздохом. — Сама не знаю, почему это мне так не нравится... Хорошо, о деле. Во-первых, вот...

В темноте раздался щелчок — она высекла искру и зажгла трут, а потом фитилек в чаше с маслом. Поднесла светильник к лицу.

— Ты снова стала молодой! И присыпала волосы золотой пылью! С ума сошла? Тут вокруг тысяча несытых жеребцов!

— Жеребцы пороняют слюни. — Зубы сверкнули в широкой улыбке. — Перед тобой новая наложница самого сильного самца в этом табуне.

— Ты соблазнила Рорика?! — ахнул Дамианос.

— Когда-то Рорик несомненно был силен. Но он стареет и во всех делах полагается на молодого Хельги.

— Ты окрутила Хельги... — Аминтес восхищенно покачал головой. — Но как тебе это удалось? Мне показалось, что он холоден, как снега его тоскливой родины.

— Не бывает холодных мужчин, — назидательно молвила эфиопка. — Бывают неумелые женщины. С таким умным и сдержанным мужчиной главное — заинтересовать собой. Стать загадкой, чудом. Чрезмерно рассудительные мужчины теряются, если сталкиваются с явлениями, которые их разум не в состоянии растолковать...

Дамианос вздрогнул, но Гелия этого не заметила. Она упивалась своим триумфом.

— Устроить чудо было легко. Хельги начал меня расспрашивать о тебе, о том, каким путем мы сюда добирались, и так далее. Потом зачем-то на несколько минут вышел, а когда вернулся, жалкая сгорбленная старуха вдруг обернулась ослепительной красавицей. — Гелия горделиво продемонстрировала профиль, провела ладонью по бюсту. — Видел бы ты, как переполошился хладнокровный умник! — Она засмеялась. — Решил, что я колдунья и заколдовала ему взор. Хотел зарубить, но опомнился. Пожалел меч. У вэрингов считается, что от прикосновения к нечистой силе благородная сталь грязнится. Кликнул стражу. Увидел, что воины тоже пялятся на мою красоту, разинув рты. Немного успокоился и убивать меня передумал. Особенно когда я сказала, что никого не заколдовывала, а наоборот, расколдовалась. И сделала это — показала, какая я на самом деле, — исключительно ради Хельги. Старухой я обернулась, чтобы отвратить от себя мужчин, но вот наконец встретила того, перед кем не смогла устоять. Даже самый умный из вас охотно верит, когда говоришь ему, что он единственный-разъединственный, самый лучший на свете. Ну а дальше было просто. Ты знаешь, я умею размягчать даже самых твердых.

— Молодец. Но довольно хвастаться. Рассказывай всё, что выяснила, а то я чувствую себя у вэрингов слепым кротом. Кем приходятся конунгу Хельги и тот, второй, как его?..

— Хаскульд. Это второй хёвдинг. У него собственная дружина из отборных удальцов и свой лагерь, ниже по реке. Рорику он не родич. Просто богатырь и храбрец, совершивший много подвигов. Воины обожают Хаскульда за легкий нрав и некич-

ливость, но в сражении он превращается в свирепого зверя, отсюда и прозвище — *Дюр*. Хельги говорит, что конунг несправедлив. Ценит обычного силача больше, чем мудрого советника. К тому же Хельги — свойственник Рорика, брат его новой жены, и считает, что уже поэтому должен быть выше Дюра.

— Интересно. Что ты узнала про самого конунга? Зачем Рорик пришел сюда? Почему перегородил речной путь?

— Всё, как говорил Кый. — В щель полога просочился первый луч восхода, и Гелия задула огонь. — Вэринги хотят утвердиться на Данапре, чтобы потом ходить походами на империю. Сил у них пока недостаточно, но с севера все время прибывают новые воины. Хельги говорит, что у них на родине расплодилось слишком много ртов, всех не прокормить. Поэтому мужчины отправляются искать добычи в другие края.

— Тогда я не понимаю, почему Рорик проявил ко мне так мало интереса...

Дамианос рассказал про вчерашнюю беседу с конунгом и про то, что продолжения пока не предвидится.

— Ничего удивительного, — ответила Гелия. — Рорик не торопится. А ты еще сказал ему, что для похода понадобится не меньше двадцати тысяч воинов. Хельги говорит, что пройдет еще лет пятнадцать, а то и двадцать, прежде чем русы окрепнут в достаточной мере, чтобы идти на «Миклагард». У Рорика гнилое семя. Его дети умирают в утробе. Теперь он женился на сестре Хельги и надеется наконец обзавестись наследником. Хельги говорит: мы будем готовы, когда наследник конунга войдет в возраст. Теперь ты понимаешь, почему

Рорик так себя повел. Ему сейчас не нужен человек, который откроет ворота Константинополя.

— Это новости одновременно плохие и хорошие... — Дамианос задумчиво потер лоб. Он вдруг почувствовал себя очень усталым. — Нарыв созреет еще не скоро, это хорошо. Однако он обещает быть очень опасным, и это плохо. Хельги думает так же, как конунг?

— Да. Рорик немолод и долго не проживет. А его наследник будет хёвдингу племянником. Но очень недоволен Хаскульд. Ему скучно здесь. Он уговаривает конунга пойти на юг, завоевать славян. Хельги же считает, что пока рано. И Рорик с ним согласен.

— Можешь узнать, сколько у них людей?

— Уже узнала. У Рорика в лагере тысяча двести воинов. У Хаскульда — около трехсот... — Гелия, нахмурясь, смотрела ему в глаза. — И все-таки ты стал другой. Что за женщина у тебя была?

— Славянка, — небрежно дернул он углом рта. — Ты была права, я слишком долго обходился без этого. Теперь мне легче.

Она просветлела. Укоризненно сказала:

— Надо было брать, что предлагали. Тогда не пришлось бы путаться черт знает с кем. Что может уметь совсем молодая, да еще славянка? А теперь мы брат с сестрой, поздно. Значит, ничего не изменилось? Нас по-прежнему на свете только двое, ты и я?

— Да. Иди, светло уже. Увидимся завтра на рассвете.

Наступили странные времена. Днем Дамианос ходил и наблюдал за жизнью русов — то есть, собственно, бездействовал. Он пребывал словно в каком-то оцепенении. Бродил повсюду в сопрово-

ждении такого же сонного автоматона и заставлял себя думать не о Радославе, а о деле.

Дело же не двигалось. Ни к Рорику, ни к Хельги аминтеса не приглашали. В такой ситуации вряд ли имело смысл вызывать у рядовых воинов интерес к своей персоне. Поэтому он никого не задирал и не исцелял — просто хотел примелькаться. Вэринги почти не обращали внимания на маленького человека и его безмолвного спутника, зная, что чужак находится под покровительством самого конунга, которому он зачем-то нужен.

Со второй половины дня Дамианос начинал нетерпеливо поглядывать на небо, торопить солнце, чтобы поскорее зашло. С наступлением темноты спешил к капищу лесного бога и оставался там до исхода ночи. Каждый раз Радослава бросалась к нему с одним и тем же радостным возгласом: «Я боялась, что ты мне приснился!» После любви она всегда засыпала, и он, перебирая белые волосы, смотрел, как она улыбается во сне. Эти часы были не менее сладостны, чем объятия. Уходил он тихо, чтобы ее не разбудить. В лагерь приходилось возвращаться бегом, потому что Дамианос всегда задерживался дольше нужного и уже надвигался рассвет, а еще нужно было послушать Гелию.

У нее дело тоже не очень ладилось.

— Я еще не встречала таких скрытных мужчин, как мой Хельги, — жаловалась эфиопка. — Разве что тебя. Обычно мужчины после того, как их ублажишь, начинают много болтать, а этот все время сам выспрашивает. Если же задаю вопросы я, только улыбается и щелкает меня по носу. Он очень привязался ко мне, я это чувствую. Но иногда мне кажется, что он видит меня насквозь.

— Спрашивает ли он про меня?

— Да, но когда я начинаю отвечать, улыбается. Дает понять, что не верит ни одному слову. Недавно сказал: «Маленький человек всюду ходит, вынюхивает, выглядывает. Пускай. Я хочу, чтобы он видел нашу силу». Знаешь, я никого на свете не боюсь. А с этим холодным вэрингом и сама начинаю мерзнуть. Озноб по коже. Ты подумай, ему только двадцать два года! Каков же он будет в зрелом возрасте, когда поведет своих варваров на Византию? Придумай что-нибудь, брат. Иначе мы застрянем в этом унылом краю до скончания века. Ты ведь разрабатываешь какой-то план, правда? Расскажи!

— Разрабатываю. Будет готов — расскажу, — вяло отвечал он. К рассветному часу у него всегда слипались глаза и плохо соображала голова.

После ухода сестры аминтес ложился спать, а проснувшись, снова бездельничал — просто ходил, смотрел. И ждал вечера.

Единственным существенным результатом было то, что Дамианос изменил свое первоначальное мнение о викингах. Он ошибался, когда думал, что эти дикие воины не знают дисциплины и хороши только в одиночном бою. Да, у своих костров или на пиру русы вели себя буйно и шумно, но каждый день, с утра до позднего дня, они упражнялись в боевом искусстве и демонстрировали поразительную слаженность. Пожалуй, регулярному ромейскому войску не удалось бы выстоять под ударом этого дружного строя — не то что при равенстве сил, но даже с двухтрехкратным численным преимуществом.

Особенно испугало аминтеса судоходное мастерство вэрингов.

В один из дней, когда ветер гнал по воде серую пену, конунг устроил на озере учебный бой. Частью кораблей командовал Хельги, другой — Хаскульд-Дюр.

Таких впечатляющих маневров не сумел бы провести и императорский флот.

Корабли русов не имели носа и кормы — они одинаково легко двигались и вперед, и назад. Если нужно было изменить направление на противоположное, судно просто спускало парус и гребцы пересаживались лицом в обратную сторону.

Русские ладьи были сделаны из тонких досок, выпиленных во всю длину древесного ствола и потому очень прочных и легких.

Исход сражения между двумя флотилиями разрешился, когда эскадра Дюра сделала прорыв прямо через отмель, где кораблям, казалось, пройти совершенно невозможно — там местами даже просвечивал голый песок. Но воины спрыгнули в воду, едва доходившую им до колен, подняли на руки свои корабли, бегом перенесли их туда, где глубже, и зашли противнику в тыл. Конунг, наблюдавший за ходом битвы с холма, протрубил в рог, объявляя, что победа за Дюром.

А Дамианос, представив морское сражение с таким противником, содрогнулся. Огнеметы хороши, когда ветер дует в правильную сторону. Но при такой маневренности русы могут зайти откуда угодно, и тогда неповоротливым дромонам с этими юркими суденышками не совладать. Лучники вэрингов поразительно метки. Во время учения они целили «неприятельским» кораблям только по мачтам — и сплошь утыкали их стрелами, не ранив ни-

кого из гребцов. Такие стрелки не подпустят матросов к парусам, и дромон не сможет сменить галс. Приблизившись, викинги цепляли борт длинными крючьями и шли на абордаж — не гурьбой, а особым образом, когда лучших бойцов с двух сторон прикрывают щитами товарищи.

Устрашающее зрелище водных маневров наконец вывело аминтеса из затянувшегося оцепенения.

Империи угрожала опасность, и очень серьезная. Да, русы пока еще немногочисленны. Но если не раздавить змееныша, пока он мал, вырастет могучий змей — и тогда будет поздно.

С одним Змеем — жрецом Урмом, поначалу сильно докучавшим «северному колдуну», Дамианос к тому времени уже совладал. В первые дни бывший слепец не давал аминтесу прохода. То, жестикулируя, требовал вернуть зрение и другому глазу, то просил научить каким-нибудь чудесам. Дамианос делал вид, что не понимает.

Тогда жрец пришел к нему с одним из местных словен, знавших по-русски.

— Великий волхв спрашивает, какие у тебя еще есть волшебные штуки кроме прозрачной трубки, — пугливо косясь на обоих чародеев, перевел толмач. — Говорит, покажи.

— Ничего больше нет, — ответил Дамианос.

Старик рассердился. Велел передать, что от слов «северного колдуна» пахнет ложью и что служителю Одина лгать нельзя — за это лишают жизни. Но в конце разговора убил своим ритуальным ножом не Дамианоса, а беднягу переводчика. Очевидно, не хотел, чтобы тот болтал об услышанном.

Назавтра явился опять, с новым толмачом. Был вкрадчив, предлагал обмен: научит всем хитростям, которые знает, в обмен на чудеса, которыми владеет Дамианос, и так приставал, что пришлось согласиться. Только сначала, сказал аминтес, нужно дождаться полнолуния, ибо «бог Эскулап» дозволяет говорить с собой лишь при полной луне. Второго переводчика гнусный старик отправил вслед за первым. Пообещал, что к назначенному сроку найдет среди местных жителей еще кого-нибудь, знающего язык.

Наутро после полнолуния аминтес разыскал жреца сам, пока тот не истребил всех ильмерских славян, имевших неосторожность выучить наречие вэрингов. Перевести попросил Гелию.

— Эскулап говорит: пока нельзя. Бог хочет тебя сначала испытать. И еще он сказал: «В течение трех лун не подходите друг к другу, иначе один из вас умрет».

— Который? — опасливо спросил годи.

— Тот, чья колдовская сила слабее.

— Ладно. Не буду к тебе подходить. И ты обходи меня стороной, — подумав, объявил Урм. — Я не хочу твоей смерти.

Одной маленькой проблемой стало меньше. Но другая, главная, осталась, и ее надо было как-то решать.

DIVIDE ET IMPERA

Недели две Дамианос размышлял и в конце концов не выдумал ничего оригинального. Когда не удается применить принцип «Бей в голову», то есть воздействовать непосредственно на вождя варваров, аминтесы используют следующий по эффективности способ: «Разделяй и властвуй». В данном случае древнее правило divide et impera, видимо, следовало применить в вариации annulus infirmus — «слабое звено». Выбираешь в цепи самое слабое кольцо, приставляешь к нему зубило, бьешь. Цепь лопается.

Самым слабым звеном у князя Рорика, пожалуй, был самый сильный его витязь — хёвдинг Хаскульд.

К этому выводу Дамианос пришел после того, как, исследовав главный стан руссов, приступил к изучению второго лагеря, где со своей дружиной расположился доблестный Дюр.

На зеленом, веселом лугу близ реки Волхов, будто огромные одуванчики, стояли желтые ша-

тры. Это был цвет Хаскульда. На желтом значке, который развевался над его палаткой, щерил пасть волк с кабаньими клыками и бычьими рогами; вся дружина щеголяла желтыми поясами и желтыми лентами на шлемах.

Вокруг шатра огромным квадратом были выстроены грубые столы, за которыми умещалась вся Хаскульдова вольница и где никогда не переводилось угощение. У берега, высунув на песок острые носы, чернели десять лангскипов — личная флотилия хёвдинга.

В дружине, как было известно аминтесу, насчитывалось три сотни молодцов, но в свободное от учений время здесь собиралось немало людей и из Рорикова лагеря.

У Дюра никогда не скучали. Тоже не пренебрегали воинскими забавами, но это были именно забавы: под началом своего жизнерадостного предводителя викинги отрабатывали навыки боя, словно играли в азартную игру, а притомившись, садились за столы и пировали с такой удалью, словно шли в бой.

Дамианосу показалось, что воины из других отрядов завидуют товарищам, которым повезло оказаться у Хаскульда. Почти каждый день по Волхову с севера приплывали корабли и лодки, привозили новых вэрингов, желавших поступить в войско Рорика: иногда десяток человек, а иногда и три-четыре дюжины. Прежде чем поставить шатры, вновь прибывшие ходили, присматривались, выбирали место. И многие предпочитали не укрытую за валами крепость Рорика, а беспечное становище

Дюра. За две недели дружина хёвдинга увеличилась на полсотни человек.

Если рать вэрингов будет и дальше расти с такой скоростью, то через год-другой шатрами покроется всё поле, с тревогой думал аминтес. И чем больше у заморских вэрингов будут говорить о том, как славно живут люди Рорика, тем скорее эта опухоль достигнет угрожающих размеров.

У Хаскульда порядок был такой: один день воины занимались поодиночке, другой — целыми отрядами.

Кроме рубки топорами и секирами, стрельбы из лука русы очень много времени тратили на метание своих коротких копий — кидали их далеко и метко. Обычное упражнение было такое: два бойца вставали напротив, шагах в пятнадцати, и швыряли друг в друга дрот с острым стальным наконечником. Метательное копье летело, рассекая воздух со свистом, прямо в грудь викингу; он перехватывал его, поворачивал и бросал обратно. И опять, и опять, и опять.

Особое внимание у Дюра уделяли искусству прыжков. Воины вставали в ряд, выставив щиты и копья; нужно было разбежаться, оттолкнуться ногой, перепрыгнуть через шеренгу, крутанувшись в воздухе, приземлиться на ноги и нанести удар сзади, по незащищенным спинам. Дамианос взял это упражнение на заметку. Отличный способ тренировки. Надо будет показать в Академии.

Было чему поучиться у русов и в групповом бою. При обороне дружинники Хаскульда ставили

«стену» — сплошной барьер из щитов, непроницаемый для стрел. Потом, переходя в атаку, перестраивались «кабаньей головой»: впереди самые могучие бойцы, перед чьим напором не устоял бы даже строй гвардейских гоплитов, а затем, расширяя прорыв, клином шли остальные.

Но странная мысль о том, что слабое звено русов — предводитель самого сильного их отряда, пришла Дамианосу не на воинском ристалище, а во время пира.

Хаскульд сидел нарядный, нисколько не уставший после целого дня упражнений, и хохотал, глядя на кривляния шута-карлика. К хёвдингу прижимались две крепкие щекастые девки. Богатырь обнимал сразу обеих и разговаривал с ними по-славянски — значит, его подруги были из местных. Они смотрели на красавца с обожанием и только ссорились, какая положит ему в рот кусок повкуснее или даст отпить пива.

Но аминтеса заинтересовали не женщины.

Гелия рассказывала, что вэринги очень обидчивы и совершенно не выносят насмешек. Однако шут, стоя прямо перед хёвдингом, передразнивал, как тот милуется с женщинами, — и воины хохотали, а громче всех сам Хаскульд.

Нечасто встретишь военачальника, который позволяет над собой потешаться. Для вэринга же подобное добродушие было чем-то из ряда вон выходящим.

Так возникла идея, к осуществлению которой аминтес приступил на следующий же день.

После занятий с оружием «желтые русы» (так Дамианос называл про себя воинов Хаскульда из-за цвета поясов и лент) любили развлечься борьбой. Хёвдинг всегда азартно наблюдал за состязаниями, а иногда, раззадорившись, выходил в круг и сам. Против богатыря не мог устоять никто — ловкий и сильный, Дюр неизменно одерживал верх.

Сама борьба, по мнению аминтеса, была тупа и примитивна. Побеждал тот, кто крепче ухватит противника и мощней швырнет его на землю. Правил никаких не существовало.

В этот день всё началось как обычно. Довольно скоро обнаружился самый сильный борец, из недавно прибывших викингов — красномордый здоровяк, у которого руки были такой толщины, как у остальных воинов ноги, а грудь напоминала бочку. Он без большого труда опрокинул пять или шесть человек, после чего, не усидев на месте, против силача вышел сам Дюр. Детина был выше и шире, но не мог сдвинуть Хаскульда ни на пядь — казалось, хёвдинг выкован из стали. Когда физиономия великана из красной сделалась темно-багровой, а на губах от напряжения выступила пена, Дюр, крепко держа противника за плечи, сделал два быстрых шага назад и потянул его на себя. Силач грохнулся о землю. Хаскульд прижал его спину коленом, и схватка закончилась. Прием показался Дамианосу немудрящим, но зрители восхищенно загудели. Разгоряченный победой, Дюр стал вызывать на площадку нового борца — хотел сразиться еще, но никто не решался.

Тогда Дамианос протиснулся между рослыми викингами и обратился к хёвдингу:

— Я византиец из Миклагарда, гость великого Рорика. Со мной раб, которого я обучил искусству борьбы. Если благородному господину не зазорно померяться силой с невольником...

Он показал на Магога, который на полголовы возвышался над толпой. Еще в самый первый день Дамианос надел ему на шею железное кольцо, чтобы на огромного автоматона не пялились — свободные вэринги не удостаивали рабов внимания.

Глаза Хаскульда вспыхнули. Трипокефалова стать ему понравилась.

— Пусть ему дадут рукавицы, — ответил хёвдинг по-славянски.

— Конечно, господин. Еще не хватало, чтобы раб касался тебя своими лапами.

Приказ Магогу пришлось повторить четырежды:

— Два раза бросишь его наземь. Два раза. Потом дашь ему себя повалить.

Задание было на пределе сложности, доступной автоматону, но в конце концов Магог сонно кивнул.

Эту ходячую машину не смог бы победить ни один живой человек, даже самый сильный.

Борьбы не получилось. Трипокефал просто пошел на Хаскульда, взял его за бока, поднял над головой и швырнул. Дюр полетел кубарем, ловко перевернулся, вскочил на ноги и с разбега кинулся на автоматона. Тот даже не покачнулся. Снова про-

делал тот же трюк: взял хёвдинга за талию; оторвал от земли; поднял; швырнул.

Хаскульд опять поднялся, но лицо у него было напряженное, и бросаться очертя голову он уже не стал.

Зрители заволновались. Они никогда не видели, чтобы их предводителя кто-то сбивал с ног.

Магог медленно обернулся, ища глазами хозяина. «Всё, всё, — зашевелил губами Дамианос. — Больше не бросай его. Упади сам». Редкие бровки с усилием сдвинулись на низком лбу. Вспомнит или нет?

Дюр, видно, решил воспользоваться тем, что грозный противник отвернулся. С криком ринулся вперед и схватил автоматона за шею. С тем же успехом он мог бы обняться с дубом. Магог даже не повернул головы, он все так же смотрел на аминтеса. Но вот бровки разгладились. Трипокефал вспомнил.

Могучие ножищи подломились, и гигант грохнулся на спину, увлекая за собой Хаскульда.

— Уууу! Дюююр! — заорали зрители.

Немного помятый триумфатор поднялся, торжествующе воздел руки. Стал показывать, как ловко сдавил врагу горло и тем самым лишил его силы.

Дождавшись, когда вопли поутихнут, Дамианос снова вышел вперед.

— Ты искусный борец, господин. Ты победил моего ученика. Не хочешь ли теперь побороться со мной?

Засмеявшись, Дюр посмотрел на него сверху вниз и громко перевел сказанное викингам. Все оглушительно захохотали. Должно быть, маленький, щуплый аминтес комично смотрелся рядом с атлетичным, статным хёвдингом.

Но поглядев в серьезные, спокойные глаза византийца, Хаскульд понял, что это не шутка.

— Ты маленький, но смелый, — добродушно молвил хёвдинг. — Хорошо. Давай позабавимся. Я постараюсь ничего тебе не сломать.

Дальше всё было предсказуемо и неинтересно.

Дамианос раз за разом бросал оппонента наземь, используя его же силу. Чем яростней был натиск, тем неотвратимей и стремительней падение.

После первого броска толпа охнула. После второго взвыла. Потом просто молчала.

Хаскульд был упрям. Он долго не мог поверить, что противник ему не по зубам. Но девятое по счету падение получилось таким сокрушительным, что Дюр еле поднялся и заколебался, стоит ли продолжать.

Вдруг его бледное, перепачканное землей лицо осветилось.

— Постой! — громко воскликнул хёвдинг. — Я вспомнил. Ведь ты колдун! Ты побеждаешь меня с помощью колдовских чар!

— Это не чары. Это искусство. У борьбы есть секреты, которые нужно знать, и тогда можно победить кого угодно, — спокойно ответил Дамианос. У него даже не сбилось дыхание.

Весь расчет сегодняшнего спектакля был построен на том, что Хаскульд неспесив и, как всякий истинно уверенный в себе вождь, не оскорбится, представ перед своими людьми в невыгодном свете.

И Дюр действительно не выказал обиды. Наоборот — подошел к победителю, положил ему руки на плечи и попросил:

— Научи меня своему искусству, грек. Это долго?

— Зависит от способностей ученика. Тебе хватит нескольких дней.

Хёвдинг радостно хлопнул аминтеса по спине, и тот от неожиданности рухнул на колени — таким могучим был этот дружеский порыв. Зрители взликовали. Кому-то из них показалось, что схватка продолжается и что Дюру наконец удалось сбить ловкого противника с ног. Но Хаскульд поднял руку и что-то закричал, показывая на Дамианоса.

Судя по почтительности, с которой воззрились на аминтеса воины, хёвдинг объявил им, что грек будет его учителем.

— Давай начнем прямо сейчас, — сказал он по-славянски, отряхивая Дамианосу пыль с коленей. — Я хочу бороться, как ты.

— Как прикажешь, господин.

«Всё не так уж ужасно, — думал аминтес. — Можно работать, даже если утратил бесстрашие. Я научусь этому. Все люди, за исключением очень немногих, живут именно так: боятся смерти, но делают свое дело».

...Ничто так не сближает мужчин, как совместные физические упражнения. И не существует ситуации более удобной для *психократии* (управления мыслями и поступками другого человека), нежели отношения учителя с жаждущим знаний учеником.

Они с Хаскульдом быстро стали приятелями. В сущности, тот был простым и славным парнем — прямым, отважным и великодушным от сознания своей силы.

В первые дни только отрабатывали приемы. Потом начали разговаривать. Во время передышек Дамианос рассказывал о краях, в которых бывал. О богатствах Миклагарда, о ближнем, слабо защищенном городе Херсонесе, о полянской столице Кыеве, где ключ и ко всему речному пути, и к заморским походам. У руса разгорались глаза. На четвертый день таких бесед Дюр впервые позволил себе посетовать на медлительность конунга. Аминтес почтительно выслушал и повернул разговор в сторону. Дело двигалось, и двигалось быстро, однако торопить события не следовало.

«Пожалуй, неделя-другая, и он придет к нужному выводу сам», — сказал себе Дамианос.

И ошибся. Хаскульд заговорил о главном уже назавтра.

К этому времени они стали почти неразлучны. Дамианос присутствовал на всех учениях, делил с «желтыми» трапезу и уходил из Дюрова стана лишь на ночь — спешил на встречу с Радославой.

Вечером, на следующий день после того, как Хаскульд позволил себе осудить Рорика, а Дамианос ничего на это не ответил, хёвдинг позвал друга прогуляться по берегу реки.

— Конунг стар, — сказал Дюр с досадой. — И я тоже состарюсь, пока Рорик надумает вынуть меч из ножен. Мы два года ни с кем не воевали, если не считать пустяковых набегов на заозерных славян! Если б не нудный Хельги, я бы уговорил конунга. Ты хитрый и умный. Научи меня, как убедить Рорика идти на Кыев. Ты ведь говорил, что тамошний князь слаб и что мы без труда его победим. Так?

— Я думаю, что даже ты один со своей дружиной сможешь взять город. Если нападешь неожиданно. Я знаю, как это можно сделать. У меня есть дощечка, на которой я нарисовал все подходы к

Кыеву. Но Рорика ты не переубедишь. Он тебя любит, однако слушает Хельги. Так что забудь об этом. Ты молод, а жизнь длинная. Через пятнадцать или двадцать лет не Рорик, так его сын поведет вас на юг.

— Еще неизвестно, будет ли у него сын! — топнул ногой Дюр. — Он женился уже в шестой раз! А если наследник и родится, воспитывать его будет Хельги! И станет регентом, когда Рорик умрет. Я не хочу служить Хельги! И не желаю ждать пятнадцать лет!

— Я тебя понимаю, господин, — вздохнул аминтес. — Ты создан из глины, из которой лепят героев. Герой, живущий без подвигов, являет собой жалостное зрелище. Но я не знаю, чем тебе помочь.

Мысленно внес поправку в расчеты: «И недели не понадобится. Это произойдет раньше».

Дни были хороши. Ночи — прекрасны. Однажды, спеша на встречу с Радославой, Дамианос посмотрел на луну и вдруг подумал: «Я что, счастлив? Мои дни отданы долгу, и я его хорошо исполняю. Мои ночи полны радости. Что может быть лучше?»

В ту же ночь, перед рассветом, случилось небольшое осложнение.

Как обычно, Дамианос оставил Радославу спящей и бесшумно, но быстро пустился в обратный путь — нужно было до восхода еще встретиться с эфиопкой, и он, как всегда, опаздывал.

Но бежать не пришлось. Лунный свет упал на белые стволы двух сросшихся берез, а меж ними, скрестив на груди руки, стояла черная фигура.

Явление было таким неожиданным, что аминтес схватился за кинжал, но в следущий миг узнал Гелию.

— Так вот к кому ты бегаешь каждую ночь! — прошипела она. — Вот от кого ты прибегаешь, высунув язык, словно нагулявшийся кобель! Я видела, как ты с ней миловался! Как гладил ее белые волосы! Меня ты так не ласкал!

— Ты проследила за мной! Как ты посмела?!

В ярости он схватил ее за плечи и тряхнул. Больше всего разозлился на самого себя: надо же до такой степени утратить осторожность, чтобы не заметить слежки!

— Я должна была увидеть ту, которая украла твое сердце, — всхлипнула Гелия, а потом закрыла руками лицо и горько расплакалась. — Ты ее любишь, любишь... — жалобно повторяла она.

Ярость схлынула. Дамианос озабоченно смотрел на рыдающую женщину. Думал: «От нее зависит успех дела. Ссориться нельзя».

— Никогда больше этого не делай, — сказал он мягко. — Не крадись за мной. Я мог тебя убить. И не плачь. Я люблю ее, но я люблю и тебя.

Она вытерла слезы и посмотрела на него с недоумением.

— Значит, тебе была нужна такая? Разве она лучше, чем я?

— Не лучше. — Он полуобнял Гелию за плечи, повел прочь, чтобы звук голосов не разбудил спя-

щую. — У каждого мужчины где-то на свете есть женщина, созданная только для него. Она не лучше других, но она единственная, кто ему по-настоящему нужен. Это тайна, у которой нет объяснений. И у каждой женщины тоже обязательно есть такой мужчина. Мало кому выпадает счастье встретиться. Или же люди встречаются и проходят мимо, не распознав своей судьбы. Мне очень повезло. Я встретил, и мы с ней узнали друг друга. Держи глаза открытыми, и ты тоже встретишь того, кто сделает тебя счастливой.

— Уже встретила. Но он не узнал меня, — грустно молвила эфиопка.

— Мы другое. Мы брат и сестра, мы близнецы. Разве ты забыла? — улыбнулся Дамианос.

Она вздохнула.

— Да. Мы связаны с самого рождения. И эту связь не сможет нарушить никакая любовница.

— Конечно! — обрадовался Дамианос. Как все-таки хорошо иметь дело с тем, у кого легкий характер. — Она тебе не соперница. Когда ты ее узнаешь, сама увидишь. И тоже ее полюбишь.

— Ну это вряд ли. — Гелия дернула плечом. — С какой стати? Я буду ждать, пока она тебе прискучит. И хватит об этом. Я ведь не собиралась за тобой следить. Я спешила к тебе с важными вестями, но увидела, как ты несешься куда-то, словно шкодливый кот, и стало любопытно... Бегать по-волчьи в женском гимназионе тоже учат, так что я не отстала.

— Важные вести?

— Да. Хельги уговорил конунга, чтоб тот отправился в страну вэрингов, к вольным хёвдингам. И прихватил тебя. Ты расскажешь викингам о сокровищах Миклагарда и о том, что великий город можно взять, если иметь довольно кораблей и мечей. Никто в лагере не должен знать, зачем Рорик возвращается на родину. Особенно Хаскульд. Ему и всем остальным скажут, что конунг едет поклониться богам, дабы они даровали ему сына. Жена Рорика понесла, но вдруг родится девочка?

— Зачем нужно скрывать истинную цель поездки от Дюра?

— Если Рорику удастся привлечь могущественных вождей, они потребуют львиную долю будущей добычи и, конечно, займут более высокое положение, чем Дюр. За себя-то Хельги уверен. Он знает, что конунг оставит его близ себя. Особенно если родится сын.

Аминтес прищурился, соображая.

— Когда уедет Рорик?

— Через восемь дней. Что ты будешь делать? Поедешь с ним или нет? Мы ведь не хотим, чтобы сюда съехались шайки вэрингов со всех Северных Земель?

— Упаси Христос. Но Рорик никуда не поедет. Ему будет не до того...

И он посвятил помощницу в свой план.

— Значит, ты хочешь увести Дюра с лучшими воинами в поход на Кыев? — задумчиво молвила Гелия. — Предупредишь полянского князя и заве-

дешь русов в засаду... Это ослабит Рорика и покажет вэрингам, что Кый не такая легкая добыча, как им кажется... Что ж, это очень хороший план. Но успеешь ли ты его осуществить за оставшееся время?

— Успею, — уверенно сказал он. — Хаскульд уже почти готов.

— Ты уйдешь с ним. А что будет со мной?

Дамианос удивился:

— Как что? Ты находишься в идеальной стратегической позиции. Наконец завоевала доверие Хельги, он начал делиться с тобой секретами. Нет никаких сомнений, что в будущем нашему союзнику Кыю — а я уверен, что пирофилакс согласится с моими предложениями, — придется воевать не с Рориком, а с Хельги. Мы наладим связь, ты будешь присылать донесения. Наверное, не мне, а тому, кого пришлют в Кыев на смену.

— Ну да, — уныло кивнула Гелия. — Кириан вызовет тебя в Константинополь и станет готовить к высокой должности. А я, значит, сиди годами в этой дыре, с варварами... Ладно, не трать попусту слов, — отмахнулась она, видя, что Дамианос хочет возразить. — Я же всё понимаю. Долг есть долг, империю нужно оберегать, меня именно для такой службы и готовили. Ясно, ясно. Просто мне будет так грустно с тобой расстаться. Надолго. Или даже навсегда...

— Мне тоже, — сказал он, и это было правдой.

Назавтра он впервые позволил Хаскульду взять верх в борьбе. Поднявшись с земли, произнес:

— Больше мне нечему тебя учить. Ты превзошел меня искусством, господин. Я хочу попрощаться с тобой. Мы больше не увидимся.

— Ты уходишь? — воскликнул хёвдинг. — Но куда? И зачем?

— Я говорил тебе, что пришел к конунгу, надеясь повести его в поход. Но Рорик думает не о войне, а о семейных делах. Ты, конечно, уже слышал: сестра Хельги брюхата.

— Слышал, — буркнул Хаскульд. — Весь лагерь об этом говорит.

— Теперь конунг отправится в паломничество по святилищам богов. А когда родится наследник, будет ждать, пока тот вырастет. У меня нет столько времени. Я ухожу искать другого союзника, который будет мечтать о ратных подвигах, а не о младенце в колыбели.

— Эх, если б только моя дружина была больше! — вскричал Дюр. — Я бы пошел с тобой, клянусь!

— У тебя три с половиной сотни лучших в мире воинов. Довольно, чтобы захватить Кыев. Я говорил: я знаю, как это сделать.

— На что мне Кыев? Что я буду делать в этой дыре? — Хёвдинг смотрел выжидательно. — Ну, захвачу я город, и что дальше? Буду сидеть там со своей малой дружиной, отбиваться от окрестных славян? И зачем Кыев тебе? Ты ведь хочешь захватить Миклагард?

— Чтобы идти большим походом на императора, сначала нужно создать свое княжество. Ска-

жи, господин, если ты из Кыева позовешь к себе здешних викингов, многие ли отзовутся на твой клич?

— Треть или даже половина. Воины Рорика тоже истомились без дела.

— А если ты отправишь в Северные Земли посланцев с кыевским серебром, много ли найдется удальцов, которые захотят к тебе присоединиться?

Хаскульд просветлел лицом:

— Много. Тысячи две или даже три. — Но тут же и померк. — Однако ты говорил, что для войны с греками нужно двадцать тысяч...

— Ты соберешь войско из славян.

— Они плохие воины, — пренебрежительно скривился Дюр. — Не четам русам.

— Они просто не владеют военным ремеслом. Ты их научишь — так же, как я обучил тебя искусству борьбы. И наберешь столько войска, сколько нужно. На это уйдет три года или, может быть, четыре. Но не пятнадцать лет и не двадцать.

— Я могу это сделать! — вновь воспламенился Хаскульд. — Каждый из моих дружинников возьмет по десять сильных славян и сделает из них настоящих бойцов. А те потом обучат других. Но... Нет, ничего не выйдет. Рорик меня не отпустит... О, я проклят богами!

Он затряс кулаками от бессильной ярости.

«Как быстро у дикарей происходит смена настроений, — подумал Дамианос. — Воистину главное завоевание цивилизации — умеренность в порывах».

Оставалось сделать последний толчок.

— Зачем тебе спрашиваться у Рорика, господин? У тебя свой лагерь. Свои корабли. Ночью поднимешь дружину, велишь грузиться. А куда и зачем, объяснишь в пути. Воины только обрадуются.

— Да они со мной хоть на дно моря! О, Тор... — Хёвдинг захлебнулся от переполнявших его чувств, сорвал с чела золотой обруч, размахнулся — и мощным броском зашвырнул на середину реки. — Это тебе от меня! А это тебе, друг, за мудрый совет. — И сорвал с запястья серебряный браслет, протянул аминтесу. — Так я и сделаю! Дождусь, когда Рорик уплывет на родину, и уйду!

— Нет. Ждать нельзя. Конунг оставит вместо себя Хельги, а он хитер и подозрителен. Моя черная рабыня, которая делит с ним ложе, говорит, что Хельги хочет собрать все корабли в одно место и приставить к ним стражу.

Это было неправдой, но Дюр поверил.

— Мои *лангскипы*?! — вскричал он. — Как бы не так!

— Когда конунг оставит Хельги за старшего, тебе придется подчиниться.

— Тогда... — Хаскульд оглянулся и понизил голос: — Тогда вот что... Мы снимемся с лагеря нынче в полночь. В *лангскипах* всегда есть запас вяленого мяса на десять дней. Если воины потуже затянут свои желтые пояса, до Кыева хватит. Возьмем город — отъедимся.

Теперь, когда решение было принято, хёвдинг сделался спокойным и уверенным.

«Прирожденный полководец, — поневоле залюбовался им Дамианос. — Даже жалко вести такого на гибель».

— Сказители будут складывать саги о Хаскульде Дюре, — сказал он вслух. — Когда взойдет луна, я буду у тебя, господин.

Остаток дня аминтес потратил на два дела, которые так легко устраивались под покровом ночи, но в светлое время потребовали немалых ухищрений.

Сначала он отправился в поселок лесовичей и долго прятался в зарослях, дожидаясь, пока можно будет перемолвиться с Радославой. Она несколько раз показывалась, но рядом всё время кто-то был. Наконец, уже за полдень, вышла с ведром к ручью.

Дамианос подошел сзади, когда девушка зачерпывала воду, и прикрыл ей рукой рот.

— Это я. Тихо.

Радостная дрожь прошла по ее плечам. Она не вскрикнула, а лишь поцеловала его ладонь.

Он сказал то, что следовало, — и так же бесшумно отпрянул назад. Времени на нежности не было. Когда Радослава распрямилась и обернулась, она увидела лишь покачивающиеся ветви куста.

Выманить для разговора Гелию тоже было непросто. Она всё не выходила из шатра Хельги, а солнце уже начинало клониться к западу. В конце концов Дамианос стал, прохаживаясь мимо, насви-

стывать песенку «Луна над Геллеспонтом». Часовой погрозил ему секирой — у вэрингов свист считался оскорблением. Зато из-за полога сразу высунулось смуглое лицо. Аминтес потер левой рукой подбородок. Это был условный жест срочного вызова. И четверть часа спустя помощница уже была у него.

Она молча выслушала новость. Задала всего один вопрос:

— И ты расстанешься со своей беловолосой?

Все-таки женщина — прежде всего женщина, а уже потом аминтес.

Гелия ждала ответа целую минуту. Не дождалась.

— Беловолосая — действительно твоя половина, — сказала тогда эфиопка со странной улыбкой. — Но, может быть, она — половина твоего тела, а я — половина твоей души?

— Похоже на то. — Дамианос потрепал ее по пышным волосам. — Я буду думать о тебе, сестренка. И найду способ прислать весточку. Мне жаль с тобой расставаться.

— Как было жаль расставаться с леопардихой? Я смотрела из терема. Ты погладил ее на прощание точно так же. Ладно. Иди. Исполни, что должно. И будь счастлив со своей белошерстной кошкой. Если сумеешь. Всё, попрощались...

Она сердито стряхнула слезинку и стремительно вышла вон.

Других трудностей в этот последний день не было. Поздним вечером, шагая рядом с Магогом

к Хаскульдову стану сквозь непроницаемую тьму, которая предшествует восходу луны, Дамианос позволил себе немного потешиться самохвальством.

Не прошло и месяца с тех пор, как он прибыл во владения грозных и таинственных варваров, не зная их языка и почти не имея представления об их обычаях. И вот самая трудная часть задания исполнена. Предстоит преодолеть еще много препятствий, решить целый сонм больших и малых проблем, но все они будут неизмеримо проще того, что уже достигнуто.

Сила вэрингов расколется, а скоро — когда сюда дойдет весть о разгроме храброго Дюра — будет поколеблен и дух этих неустрашимых воинов, рухнет миф об их непобедимости. У Византии на Данапре появится союзник, всецело зависящий от поддержки империи. Северные рубежи державы будут надежно защищены.

Дамианос и прежде успешно выполнял все порученные задания, но никогда еще его возвращение не было таким триумфальным. Теперь никто в Сколе не удивится, что пирофилакс выбрал своим преемником именно его.

Жить в Константинополе. Никогда больше не скитаться среди варваров. *Быть дома.* Еще недавно мысль о такой судьбе вводила его в тоску. Но так было раньше.

Жить у себя дома с Радославой. Вместе ложиться спать и вместе просыпаться. Каждый день слышать ее голос. Учить ее цивилизованному

быту, столичным обычаям, отвечать на миллион вопросов.

Как же он был глуп, когда думал, что сможет уехать без нее. Зачем тогда жить?

«Я был необыкновенным человеком и хотел только одного: умереть, — думал Дамианос. — А теперь я стал обыкновенным и хочу жить. Счастливо и долго. Это звучит скучно, но лучше этого нет ничего на свете».

Хаскульд ждал в шатре, одетый в доспехи и обвешанный оружием.

— Я боялся, ты не придешь! — воскликнул он. — Что с тобой что-нибудь произойдет. У меня было странное предчувствие. Будто случится плохое. Но ты пришел, и теперь всё будет хорошо.

— Предчувствие? Ты колеблешься — уходить или нет? — насторожился аминтес.

— Когда у меня бывает плохое предчувствие, я лишь быстрее спешу навстречу судьбе. — Хёвдинг надел шлем, украшенный желтыми лентами. — А пятиться назад я не умею. Идем, и будь что будет.

Выйдя, он подозвал воинов ночной стражи, что-то сказал — те разбежались в разные стороны. Через минуту-другую весь лагерь пришел в движение.

Дамианос никогда не видел, чтобы воины, поднятые по тревоге, собирались так быстро и так тихо. Почти не лязгало оружие, не звенели кольчуги, никто не разговаривал.

Не прошло и четверти часа, а дружина уже стояла на лугу, вытянувшись в длинную темную ленту. Шишаки и лезвия боевых топоров матово поблескивали в лунных лучах.

Хаскульд не стал произносить речей. Он вообще не сказал ни слова. Быстро прошел вдоль колонны и махнул рукой в сторону реки. Викинги двинулись за предводителем полушагом-полубегом.

Аминтес зарысил рядом с Хаскульдом. Сзади, тяжело ступая, топал автоматон.

— В трех полетах стрелы на берегу ждет девушка. Ее надо взять с собой, господин.

— Зачем? — удивился Дюр. — В Кыеве будет много женщин. Я своих оставил здесь.

— Это особенная девушка. Ты увидишь. У нее белые волосы, молочная кожа, ни одной родинки на теле. И она девственница. Самая лучшая жертва для моего бога. Нам будет очень нужна его помощь.

Дюр кивнул — эта логика ему была понятна.

— Я не знал, что бог креста любит человеческие жертвы, — сказал он, — но тебе виднее. Раз нужно, мы ее, конечно, возьмем. Я прикажу воинам, чтобы они ее не трогали.

— За день пути до Кыева мы сделаем остановку. Там есть укромное место, где можно спрятать корабли. Я схожу на разведку. Потом вернусь — и скажу, как захватить город малой ценой. А девушку зарежу ночью, под городской стеной.

— Хорошо, — повторил Хаскульд. — Тебе виднее.

Он остановился, пропуская колонну вперед и приветственно помахивая воинам рукой.

— Может быть, я скоро умру и все мои люди тоже умрут, — торжественно сказал хёвдинг. — Это ничего. Но может быть и то, что сегодня родится великое королевство, какого еще не бывало на земле. Вот о чем я сейчас думаю, и мне плевать на предчувствия.

«На земле много чего бывало, — мысленно возразил витязю аминтес. — Земля велика, и на ней много раз возникали великие царства. Но никто о них не помнит, потому что варвары не оставляют хроник. От завоевателя, перед которым трепетали народы, через сто лет остаются лишь сказки, а через двести — вообще ничего. Я, конечно, напишу отчет о твоем походе на Кыев, мой злосчастный герой. Этот документ пролежит в архивах положенные пятьдесят лет, а потом будет уничтожен, чтобы освободить место на полках. И все о тебе забудут. Потому что история делается не в лесах и степях, а в Византии и еще нескольких местах, освещенных солнцем исторической памяти. Весь остальной мир погружен в сумерки, где копошатся какие-то смутные тени, которые потом исчезают бесследно...»

Он тряхнул головой, прогоняя несвоевременные философствования. Нужно было догонять хёвдинга — тот уже вновь оказался во главе отряда.

Река дохнула навстречу холодом и сыростью. До кораблей оставалось не более полусотни шагов.

Вдруг у самой кромки воды вспыхнул факел, за ним второй.

В несколько мгновений огонь запалил две большие кучи хвороста и сухой травы. Берег осветился.

Меж двух ярких, плюющихся искрами костров чернела прямая, словно клинок варяжского меча, фигура.

КОМУ ЗЕМЛЯ, А КОМУ НЕБО

Дамианос сначала узнал голос, и лишь потом разглядел, кто это: Хельги.

Подняв руку, старший из хёвдингов коротко и гневно что-то крикнул. Первые ряды остановились. Задние начали напирать на передних, и стройная колонна в считаные мгновения превратилась в бесформенную толпу.

Хельги подождал, пока недоуменный ропот слегка стихнет, и вновь стал выкрикивать рубящие, злые фразы пронзительным, далеко разносящимся фальцетом. Аминтес мог разобрать лишь одно слово: «Рохрик» — хёвдинг повторял его, будто заклинание.

Впрочем, было ясно и без перевода. Хельги откуда-то обо всем узнал. У него наверняка есть соглядатаи в стане главного соперника, а Дюр, видимо, был недостаточно осторожен. Воины ничего не знают о причине ночной тревоги, и Хельги втолковывает им, что они идут против воли конунга. Судя по лицам и протестующим возгласам, речь хёвдин-

га вызвала у викингов смятение. Нужно срочно что-то предпринять, иначе всё пропало...

Аминтес попытался вглядеться в тьму позади костров. Нужно было понять, один ли Хельги либо привел с собой воинов.

О том же, кажется, подумал и Хаскульд. Неожиданное появление Хельги смутило его. Но вот Дюр встрепенулся, вышел на освещенное место и тоже начал кричать, яростно жестикулируя. Голос у него был звучный и мощный, не то что у Хельги. Имя конунга Хаскульд не произносил, зато трижды помянул «Кыевгард» и один раз, выхватив меч и воздев его к небу, — «Миклагард».

«Желтые» издали воинственный рев. Слова любимого вождя действовали на них.

Хельги пытался перекричать богатыря, но не смог. Тогда старший хёвдинг повел себя странно. Он полуобернулся, отцепил от пояса боевой топор и взмахнул им, будто подавая кому-то знак.

Неужели сигнал к бою? Вот это была бы удача! Пусть бы вэринги перебили друг друга прямо здесь. Тогда и поход на Кыев не понадобится!

Но из темноты вышел всего один человек. Он двигался медленно, опираясь на длинный посох. Морщинистое лицо обращено к звездам, длинная белая борода, заплетенная косами, покачивается в такт торжественным шагам.

Урм!

Все смотрели на жреца. Хаскульд оборвал речь на полуслове, умолк.

А годи вдруг ударил посохом — и от земли, откликнувшейся звоном, полетели искры. По толпе прокатился стон суеверного ужаса.

Дамианос поморщился. Дешевый трюк! Старый мошенник прикрепил к концу палки кремень. Судя по лязгу, заранее положил наземь железную пластину. Примитивно — но ведь сработало!

В наступившей тишине жрец стал обращаться к небесам, полукрича-полувыпевая то ли моления, то ли заклинания. «О-один! О-один!» — взывал он после каждой фразы.

Хуже всего, что молчал Хаскульд. Вероятно, помешать священному ритуалу было бы кощунством.

Вот в толпе начали подхватывать: «О-один! О-один!»

Когда заскандировало всё скопище, старик изменил рефрен. Теперь он кричал: «О-дин! Рохрик!»

«Заруби его!» — скрипнув зубами, мысленно приказал аминтес Хаскульду, беспомощно озиравшемуся вокруг. Но знал, что хёвдинг сделать этого не может. Даже такому прославленному герою не простят убийства Одинова жреца.

Еще минута таких воплей, и отряд превратится в овечье стадо. Заблеет и вернется в загон.

Но аминтесов учат никогда не сдаваться, даже в самой безвыходной ситуации. «Алмазное правило», прозванное так за свою ослепительно неоспоримую твердость, гласит: «Безвыходные ситуации бывают только у трусов или глупцов». Дамианос ни трусом, ни глупцом себя не считал.

Он обернулся, схватил сонно помаргивающего Магога за плечи и сказал, отчетливо выговаривая слова:

— Подойди вон к тому старику. Вот так, кругом, через темноту. Понял?

Автоматон кивнул.

— Когда подойдешь к костру, подбеги и разбей ему голову палицей. Понял?

Пришлось повторить еще раз, прежде чем трипокефал уразумел.

— Иди!

Жреца не может убить хёвдинг — этим он поставит себя вне закона. Но если Урм падет от рук презренного существа — раба с железным кольцом на шее, в глазах вэрингов всё будет выглядеть иначе. Такая смерть нечиста, позорна. А годи, который позволил убить себя рабу, жалок и не говорит устами бога. Все его слова и призывы ничего не стоят.

Конечно, Магога прикончат. Но свою цену он отработает сполна...

Автоматон протиснулся через викингов. Как приказано — не напрямую, а дугой, не по освещенному месту — двинулся к костру. Никто не обратил на него внимания, все смотрели на жреца.

Дамианос потихоньку выбрался из толпы и встал в стороне. Будет лучше пока не попадаться русам на глаза. Иначе кто-нибудь вспомнит, чей это раб, и тогда сам Хаскульд не спасет своего учителя. Когда страсти поостынут и воины станут садиться на корабли, тогда можно и вернуться.

Из темноты, всего в десятке шагов от костра, появился Магог, помахивая своей шипастой дубиной. Никто на него не смотрел.

«Давай! Пора!»

Будто услышав команду, трипокефал ринулся вперед. Атакующего автоматона может остановить только смерть. Удар его палицы сокрушителен.

Вдруг Хельги, до этого момента неподвижный, словно статуя, сделал быстрое движение — развернулся и метнул свой топор. Широкое лезвие врубилось бегущему Магогу в середину лба. Издав рычание, гигант пробежал еще несколько шагов и рухнул ничком. Заскреб по земле пальцами. Два раза дернулся. Затих.

Никто не понял, что произошло и почему хёвдинг убил раба, но мощный бросок вызвал у воинов шумное одобрение.

Хельги вскинул руку, требуя тишины. Показывая на труп, начал что-то кричать. В толпе заоборачивались, будто кого-то искали.

На плечо аминтеса легла узкая рука.

— Хельги говорит: раб маленького грека хотел убить мудрого годи, но этого не допустил Один. И спрашивает, где маленький грек.

Гелия!

Потрясенный неожиданной развязкой («Как Хельги догадался?! Как?!»), Дамианос даже не удивился.

— За мной! Скорее! — Эфиопка тянула его в темноту. — Хельги всё знает. Нужно бежать.

Дамианос последовал за ней, оглушенный случившимся. Провалы бывали и прежде, но всякий раз он умудрялся превратить поражение в победу, как это случилось недавно в Кыеве, когда тамошний князь заманил его в ловушку. Однако на этот раз крах был полным и непоправимым.

— Откуда... он... знает?

— Вечером из лагеря Дюра прибежал какой-то человек. Я видела, как Хельги с ним шепчется. Сначала он воскликнул: «Нужно сообщить Рорику!» Потом говорит: «Нет, нельзя терять времени! Поднять лагерь по тревоге! Конунгу я объясню, пока воины будут строиться!» И снова передумал: «Нет, будет бой. Нельзя. Доставьте сюда Урма. Живее!» Я стала расспрашивать, что случилось, но он ответил лишь, мрачно усмехнувшись: «Скоро узнаешь» — и нехорошо на меня взглянул. Я поняла: твой план раскрыт. Хотела предупредить, но смогла выбраться из лагеря, только когда Хельги с Урмом уже ушли.

Теперь ясно, почему Хельги убил слугу Дамианоса, едва увидев. Хёвдинг был настороже. Непонятно было другое.

— Слепец идет очень медленно, и у причала они с Хельги пробыли достаточно долго для того, чтобы сложить хворост для костров и приготовиться. Ты могла быть у меня еще час назад. Я бы пришел на берег, убил их обоих и спрятал трупы!

Гелия тихо молвила:

— Поэтому я и не торопилась. Я не хочу, чтобы Хельги умер. Он мне нравится.

Задохнувшись от возмущения, Дамианос не нашелся что сказать. Пирофилакс, конечно, мудр, но всё же нельзя было принимать в аминтесы женщин! В критическую минуту, выбирая между долгом и чувством, они подведут!

— Не пыхти, как бык на тавромахии, — сердито сказала она. — А сам-то ты каков? Влюбился в

свою беловолосую девку и сразу расхотел быть аминтесом.

— И ты в отместку провалила наше задание?

— Задание было от Кыя, а не от пирофилакса. Наше дело — выяснить о русской угрозе как можно больше. И с этой задачей мы справились. Мы расскажем обо всем пирофилаксу, и пусть он сам решит, на кого ставить — на полян или на русов.

— «*Мы* расскажем»? — переспросил Дамианос, остановившись. — Куда ты меня ведешь?

Берег Волхова остался позади, неподалеку темнела опушка леса.

— Я так поздно пришла, потому что всё подготовила. Была в поселке у емчан. Обменяла серебряное ожерелье, которое мне подарил Хельги, на лодку. Там, в лесу, речушка, которая впадает в озеро. Мы уплывем и к утру будем далеко. Никто нас не догонит. Ты видишь, мне полюбился Хельги, но я выбираю тебя. Потому что ближе, чем мы с тобой, быть нельзя. Мы на свете вдвоем.

Она ждала, что он ответит, а Дамианос молчал.

Бранить Гелию было бессмысленно. Что сделано, то сделано. Не исправишь. Но всё ли так безнадежно? А «Алмазное правило»?

— Хельги тебя не убил и не велел взять под стражу. Это значит, что он тебя подозревает, но не уверен. Или же что не хочет верить.

— Да. Он меня любит. И что же? — пожала плечами Гелия, очевидно, ждавшая других слов.

— Может быть, ты рассудила верно и всё к лучшему. Я действовал по собственному произволу. Вдруг пирофилакс не одобрил бы моего решения?

В Сколе могут прийти к выводу, что для империи выгоднее не усиливать Кыя, а поддерживать баланс между славянами и русами, помогая то одним, то другим... Ты не поплывешь со мной. Оставайся с Хельги. Нам будет необходим свой человек у вэрингов. Я знаю, ты сумеешь сделать так, что Хельги полюбит тебя еще сильней. — Он поднял с земли и перекинул через плечо свою котомку с путевым набором аминтеса. — Идем. Ты покажешь, где лодка, и мы расстанемся.

Гелия всхлипнула, но ничего не сказала. Просто, опустив голову, пошла вперед.

Вскоре они уже шли вдоль лесистого берега неширокой речки, тихо журчащей в темноте.

— Вот лодка. Я положила под сиденье еду, купленную у емчан. Дай свой мешок, я уложу его рядом. Манубалист тоже.

— Зачем? Я сам всё уложу.

— Мне нравится заботиться о тебе.

Она сидела в челне на корточках, раскладывая вещи, чтобы они занимали меньше места.

Дамианос нетерпеливо поглядывал на луну, прикидывая, успеет ли до рассвета доплыть до озера, а потом еще подняться вверх по Волхову туда, где дожидается Радослава. По воде получался огромный крюк. Нет, не успеть...

— Возьми меня с собой, — тихо сказала Гелия. — Мне без тебя будет плохо. А ты без меня погибнешь. Я вижу это. Иногда я умею видеть будущее.

— Тебе нужно остаться. Долг есть долг. Прощай, сестренка. Мне пора.

Она выбралась из лодки, обняла его. Они были одного роста.

— Ты думаешь о ней, — прошептала Гелия. — Даже сейчас, прощаясь со мной навсегда, ты думаешь о ней. Я знаю. Ты собираешься взять ее с собой. Она где-то ждет тебя, да?

— Да. Я буду любить ее. Ты будешь любить своего Хельги. Но это не нарушит нашей с тобой связи. Мы близнецы и всегда ими останемся...

Прижавшись лбом к его груди, она сказала:

— Не ходи за ней. Тебя, наверное, уже повсюду ищут. Будь здесь. Я приведу ее сама. Где она?

В горле у Дамианоса встал комок. Пришлось откашляться.

— Спасибо, сестренка...

Ему было о чем подумать, пока он ждал. Дамианос глядел на мерцающую воду, и ему казалось, что это посверкивают ледяные грани «Алмазного правила».

Усилия были не напрасны. Сегодня Хельги удалось остановить Дюра, но тот горяч и нетерпелив. Он все равно сорвется и уйдет. Не сейчас, так через полгода или через год. Гелия будет наблюдать за развитием событий и даст знать, когда это случится.

До того времени необходимо, во-первых, наладить вдоль речного пути систему оповещения. С этим славяне справятся, если объяснить Кыю, как работает сигнальная дымовая эстафета.

Во-вторых, на одном из волоков или прямо на Данапре нужно подготовить хорошо обустроенную засаду. С ловушками, капканами, ямами и так далее.

В-третьих, нужно, чтобы из Константинополя прибыли инструкторы, которые обучат дружинников полянского князя навыкам регулярного боя.

Ну и, конечно, самое главное — привязать Кыя к империи так, чтобы и не помышлял своевольничать. Прислать к нему миссионеров, наладить выгодную торговлю, приобщить славян к византийской культуре. Но подкармливать и ильмерьских русов. Пусть не мешают купеческим кораблям, не тревожат славянские пределы. Кый должен знать: если империя от него отвернется, ему конец.

«Я размышляю не как аминтес, а как будущий пирофилакс», — вдруг пришло в голову Дамианосу. Он усмехнулся, покачал головой. Мысль не была неприятной.

Лишь когда качнулись кусты и к воде сбежала Радослава, он понял, как сильно беспокоился, придет она или нет.

Защемило, застучало сердце. Все стратегические рассуждения немедленно забылись.

— Лесень, я так испугалась, когда увидела черную женщину! — со смехом сказала девушка, легко спрыгивая в челн. — Она из лесных ведьм, которые тебе служат? Мне она понравилась. Она добрая и веселая.

— А где она? Ну, ведьма? — спросил он, вглядываясь в тьму.

— Довела меня сюда и ушла. Говорит, вы уже попрощались.

Приложив ладонь ко рту, он крикнул в ночь по-гречески:

— До свидания, сестренка! Мы еще увидимся!

— Если ты захочешь... — ответила ночь издалека.

Он засмеялся. На душе стало легко.

— Возьмись покрепче за борта. Я буду грести быстро. Путь долгий.

Он греб без остановки до самого рассвета и не чувствовал усталости. Радослава не умолкала ни на мгновение. Расспрашивала, почему они плывут по озеру, а не идут лесом, ведь он же лесной бог, а не Россох. Просила рассказать про чудеса Небесной Чащи. Откликаться было не обязательно. Довольно было кивнуть или рассмеяться — и она немедленно принималась отвечать на свои вопросы сама:

— Я знаю, знаю. Небесный Лес за десятью озерами и сорока реками. Последняя река широкая-преширокая, так что берегов почти не видать, а через последнее озеро много дней плыви — не переплывешь. Зато на той стороне сосны из серебра, дубы из золота, и по веткам прыгают белоснежные белки с яхонтовыми глазами...

В конце концов он сказал:

— Я не бог. Я человек. Меня зовут Дамианос. Я везу тебя не в Небесный Лес. Я везу тебя в место, лучше которого нет на земле. Там мой дом. Мы будем жить вместе, ты и я. А потом у нас родятся дети.

Ждал, что она не поверит или даже испугается. Но Радослава лишь улыбнулась.

— Бог ты или человек, мне всё одно. Куда ты меня увезешь, там и будет Небесный Лес.

«Она очень умна или очень глупа? — подумал Дамианос. — Да какая разница? Ее голос — музы-

ка. Ее вид — праздник для глаз. Ее прикосновения — как дыхание майского ветра» — и опять смеялся, уже над собой. Кажется, остепенившись и обзаведясь собственным домом, он начнет писать стихи. Аминтесу это не по званию, а вот благородному патрикию на видной должности — очень даже к лицу. При дворе многие вельможи и сановники упражняются в изящной словесности.

Удача сопутствовала счастливым путешественникам. Над Ильмерь-озером висел густой туман, так что можно было не устраивать дневку, а продолжить плавание. К берегу Дамианос пристал, только когда совсем выбился из сил.

Они успели уплыть далеко от Волхова. Можно было и отдохнуть.

В укромном месте, среди камышей, поели лепешек и сушеной рыбы, запили водой из озера.

— Смотри, что у меня есть. — Радослава показала замотанный тряпкой кувшин. — Мед. Попей.

— Сначала ты.

Она стала пить, и Дамианос любовался тем, как нежные тени играют на ее коже в такт глоткам.

— Нá. Я оставила половину.

Мед был ароматный и вкусный.

Дамианос осушил кувшин. Вместе с последними каплями из сосуда что-то выскользнуло.

Кожаный футлярчик, в каких аминтесы передают секретные записки.

Озадаченно вынул тонкую бересту, свернутую трубочкой.

— Откуда мед?

— Дала черная ведьма. Я же говорила, она добрая.

Письмо, нацарапанное иглой или острием стилета, Дамианос прочитал дважды. Сначала быстро. Потом еще раз, медленно. Улыбка, с которой он разворачивал записку, так и осталась на лице.

«Плевать мне на империю, — писала Гелия. — *Я выбираю Хельги. Он умный и сильный. А ты предатель. Мы с тобой были как близнецы. Но ты вышел из утробы и бросил меня. Так что не взыщи. Сладок ли тебе показался мой мед? Знай, что я все равно тебя люблю. Но ты должен сделать выбор. Сам. Вернись ко мне, и мы снова будем вместе. Никто никогда нас не разлучит».*

«Это она выдала план Хельги! — вот первое, что понял аминтес. — Не было никакого соглядатая. Всё устроила Гелия!»

— Мне нехорошо, Лесень, — сказала Радослава. — Внутри горит...

— Что?

Дамианос оторвался от письма и увидел, что она сидит бледная, прижимает руки к животу. В тот же миг и он почувствовал острый спазм. За ним другой, третий.

Отравила!

Выругавшись, аминтес схватил со дна лодки сумку. В аптечке есть пилюли универсального противоядия. Скорее!

— Потерпи немножко. Сейчас, сейчас...

Что это?!

Когда он уезжал из Константинополя, пилюль было шесть. Одну он в Кыеве отдал Гелии, чтобы

ее не отравили другие наложницы. Должно оставаться пять. Но в коробочке лежал единственный сероватый шарик.

Дамианос вспомнил, как эфиопка укладывала в лодке вещи. Тогда и вытащила противоядие! Проклятая змея!

Но зачем она оставила одну пилюлю?

Вдруг он понял.

В письме сказано: «Ты должен сделать выбор». А на прощание крикнула: «Если ты захочешь...»

Выбор — это принять спасительную пилюлю самому и дать Радославе умереть. Вот какого доказательства верности хочет от него Гелия...

— Ой, как больно! Колдуй скорее, Лесень! Больно! — стонала Белая Дева.

Дамианос больше ни о чем не думал. На колебания времени не было.

— Скорей проглоти это. Вот так... Запей водой. А теперь ляг на дно. Сейчас боль пройдет.

Она послушно легла. Стоны прекратились.

— Уже не так больно, — слабым голосом сказала она.

Он закрыл ей ладонью глаза.

— Сейчас ты уснешь. А когда проснешься, боль совсем исчезнет.

— И ты будешь рядом?

— Нет. Я сказал тебе неправду. Никакой я не человек. Я бог. И мне нужно домой, на небо. Но я обязательно приду за тобой. Ты жди меня на земле. Терпеливо жди. Я вернусь.

Она попробовала приподняться, хотела что-то сказать, но когда противоядие начинает душить

отраву, рассудок гаснет и человек погружается в долгий, глубокий сон.

Хорошо, что она уснула. Он не смог бы выносить такую боль долго.

Укрыв спящую плащом, аминтес перевалился через борт. Коснулся ногами дна. Вода доходила ему до груди.

От холода стало немного легче.

Он опустился на корточки, нащупал большой камень и с трудом поднял его. Сунул под рубаху, сверху потуже обвязал поясом, прижал руками. Побрел дальше.

Нельзя, чтобы тело всплыло. Она не должна видеть его мертвым.

Вода уже накрыла Дамианоса с головой, но еще какое-то время, сколько хватило воздуха, он продолжал двигаться вперед.

«Жди своего бога, милая. Живи и жди. И может быть, однажды...»

Тут воздух закончился.

СОДЕРЖАНИЕ

Вода, огонь, ветер 5
Дым отечества 31
День чудес 53
Спутники и спутницы 83
Путь к катарсису 97
Катарсис 115
Дамианизация. Стадиум первый 135
Дамианизация. Стадиум второй 165
Ловец в ловушке 191
Путь на север 205
Радослава 221
Логово змея 245
Конунг и хёвдинги 263
Обычная работа в необычных обстоятельствах 287
Divide et impera 305
Кому земля, а кому небо 333

Литературно-художественное издание

История Российского государства

Борис Акунин

ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ

Повесть

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М.С. Сергеева*
Ответственный редактор *Т.Н. Захарова*

Подписано в печать 19.12.2019 г. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 18,48. Доп. тираж 2 000 экз. Заказ № 2102.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: **www.ast.ru**
https://vk.com/janry_ast; https://www.facebook.com/Janry.AST/

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34,
Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru
Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

16+

«История делается не в лесах и степях, а в Византии и еще нескольких местах, освещенных солнцем исторической памяти. Весь остальной мир погружен в сумерки, где копошатся какие-то смутные тени, которые потом исчезают бесследно...», — убежден отмеченный знаком особенной судьбы герой романа «Огненный перст». Однако именно такие «тени» нередко меняют ход времен. Самые поразительные, переломные моменты разных эпох показаны глазами представителей одной необычной семьи, от приключений которой захватывает дух даже у искушенного читателя!

Середина IX века. Дамианос Лекос, сын славянской рабыни, обладающий редкими способностями и возможностями, отправляется из греков в варяги...

ISBN 978-5-17-085339-7

9 785170 853397

www.ast.ru